Кр 48/61
в.4.

Кр. 48/61
Вып. 4

ТРУДЫ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
Серия III. № 9.

Publications of the Far Eastern State University.

Publications de l'Université d'Etat de l'Extrême-Orient.
Série III. № 9.

А. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ.

Русские на Дальнем Востоке.

Фольклорно-диалектологический очерк.

Выпуск IV.

Фольклор Приморья.

Автору очерка в данном выпуске принадлежат: общая вводная статья, вводные статьи к отдельным главам, частично приложения и общая редакция приложений. Фамилии участников записей указаны после их записей в приложениях.

A. P. Gueorguievsky.

Les Russes à l'Extrême-Orient.

Livraison IV.

LE FOLKLORE DU LITTORAL.

ВЛАДИВОСТОК.
Типография Дальневосточного Государственного Университета.
1929.

КР48 61

ТРУДЫ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
Серия III. № 9.

Publications of the Far Eastern State University.

Publications de l'Université d'Etat de l'Extrême-Orient.
Série III. № 9.

А. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ.

Русские на Дальнем Востоке.

Фольклорно-диалектологический очерк.

Выпуск IV.

Фольклор Приморья.

Автору очерка в данном выпуске принадлежат: общая вводная статья, вводные статьи к отдельным главам, частично приложения и общая редакция приложений. Фамилии участников записей указаны после их записей в приложениях.

A. P. Gueorguievsky.

Les Russes à l'Extrême-Orient.

Livraison IV.

LE FOLKLORE DU LITTORAL.

1804/3

ВЛАДИВОСТОК.
Типография Дальневосточного Государственного Университета.
1929.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
99252 V

Печатано по определению Педагогического Факультета и Научно-Плановой Комиссии Дальневосточного Государственного Университета.

Окрлит 731. Тип. Д.Г.Университета 4469. Тираж 500.

От автора очерка.

Задача очередного выпуска — осветить различные виды устного творчества Приморья в тех группах русского, украинского и частично нерусского населения, которые мы встречаем в приморской деревне.

Изучение устного творчества населения деревни имеет разнообразное значение.

Оно лучше, чем что-либо другое, открывает перед исследователем культурное лицо различных слоев крестьян, а также рабочих и таким образом получает громадное значение для определения основных мероприятий момента в процессе культурной революции.

Оно восполняет пробел в науке о русском фольклоре, освещая с этой стороны творчество одной из отдаленнейших окраин Советского союза.

Оно дает тот местный, локализационный материал, который необходим нашей школе в отношении образцов местного устного творчества.

Оно, наконец, дает определенный, хотя и разной социальной и художественной ценности, материал для изучения учащимся специальных отделений наших ВУЗ'ов.

Способ собирания материала практиковался тот же, что и в отношении диалектологии: непосредственные записи автора очерка во время экспедиций; записи студентов, учителей и др. представителей трудовой интеллигенции, частью проверенные во время очередных поездок по приморской деревне, частью не проверенные.

Отсюда естественно, что материал, собранный в очередном выпуске, как и раньше, различен по своей научной ценности.

Ряд отдельных произведений помещен таких, которые уже раньше печатались в сборниках и различных трудах. Это сделано для показа тех редакционных изменений, которые получились на месте, и тех диалектологических особенностей, которые на лицо в произведениях.

Расположение материала соответствует основным разделам и видам устного творчества в его теории.

В характеристике сказочного материала мы пользовались, хотя и с неточностями, за отсутствием каталога Aarne, наброском схемы проф. Н. Андреева *).

Условные сокращения указаны в особом списке. Недостаток букв с ударениями, как и раньше, восполнен курсивом.

Автор выражает благодарность всем лицам, принявшим участие в собирании материалов, фамилии которых указаны под теми памятниками устного творчества, какие ими записаны.

Все эти лица, за единичными исключениями, собирали материалы в порядке личной инициативы по просьбе и обращению к ним автора очерка. Поэтому автор нашел возможным объединить материалы в очередном выпуске очерка под своей фамилией, строго оговорив в подзаголовке и в соответствующих местах принадлежащее тем или другим лицам.

Ускорение напечатания в этом виде вызывалось еще и тем фактом, что данный выпуск предназначается как пособие для студентов отделения русск. яз. и литературы Педфака ДВГУ, по курсу устной словесности.

*) См. Н. Андреев. К обзору русских сказочных сюжетов. „Худож. фольклор", II—III, 1927, 59—70.

Материалы собраны следующими лицами:

1) студенты ДВГУ: Амеличев, Н. А., Белосорочка, А., Болотников, Генендер, А., Грищенко, Кобыща, Н. Г., Кобыща, Ф. Г., Костючек, С. А., Кулик, А. Д., Калашников, Н., Новиков, А., Пика, О., Проценко, А., Мазуренко, И. А., Сигида, М. Л., Рослый, И. Л., Ходасевич. М., Хрипко, П.;

2) учителя: Бондарь, Н. Я. (с. Красное Сп. р.), Горшенин, А. С. (с. Игнатьевка, Кал. р.), Голубев, М. (с. Серафимовка, Ольг. р.);

3) др. лица: Клитовенко, С. Е. (с. Милоградово, Ольг. р.), Матеров, С. С. (с. Киев, Вл. о.), Рыжий, Ив. Фр. (с. Ново-Русановка, Сп. р.).

С 1928-29 г.г. работа отдельных лиц объединена в научно-исследовательском фольклорно-диалектологическом кружке при секции р. яз. Научно-Педаг. О-ва при ДВГУ, от имени которого будут печататься собранные членами кружка материалы. К этому приступлено будет в ближайшее время в зависимости от собрания материалов и наличия средств.

Дополнительная литература:

1. Муров, Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока. (от Владивостока до Хабаровска). Томск. 1901.

2. К. Логиновский. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. Хабаровск. 1899.

3. Богораз, В. Г. Сказание об Элендн и его сыновьях и три сказки, записанные в Колымском крае. 1896.

4. Толмачев, И. П. Чукотская сказка. Петроград. 1914. Оттиск из «Живой Старины».

5. Протодьяконов, П. Песни, былины и сказки Уссурийских гольдов. «Записки О-ва изучения Амурск. края», т. V, в. I. Владивосток. 1896.

6. Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. Хабаровск-Владивосток. «Книжное Дело». 1927.

7. В. К. Арсеньев и Е. И. Титов. Быт и характер народностей ДВ края. «Книжное Дело». Хабаровск-Владивосток. 1928.

8. Проф. Е. М. Чепурковский. Очерки по общей антропологии. Владивосток. 1924. «Труды ГДУ».

9. Художественный фольклор. В. I. М. 1926. В. II—III. М. 1927.

Список условных сокращений:

зап.=записано.
ст.=студент.
Р. Ф.=Рабочий Факультет.
ГДУ=Государственный Дальневосточный Университет.
д.=деревня.
с.=село.
г.=город.
Хаб.=Хабаровский.
Вл.=Владивостокский.
Ник. н/А.=Николаевск на Амуре.
Н.-У.=Никольск-Уссурийск.
Сп.=Спасский (р.), Спасск. (г.), Спасское (с.).
Суйф.=Суйфунский.
р.=район.
в.=волость.
Некр.=Некрасовский.
кр.=крестьянин.
гр.=гражданин.
о.=округ.
ур.=урожденный.
Куб.=Кубанский.
обл.=область.
пересел.=переселившийся
г.=год.
л.=лет.
прож.=проживающий.
Ольг.=Ольгинский.
Пр.=Приморье.
Старод.=Стародубский.
у.=уезд.
Черн.=Черниговский.
х.=хутор.
ж.=женщина.
Киев.=Киевский.
Пос.=Посьетский (р.).
уч.=учитель.
ДВГУ=Дальневосточный Государственный Университет.

I. Основные положения вопроса.

Устное творчество, создаваемое теми или другими классами, группами человеческого общества, равно как вся система обрядов, обычаев, которая бытует в этих общественных классах, — интересуют науку прежде всего и главным образом, как широкое социальное явление. Устное творчество и его виды — это отражение бытия, преломившееся через классовую призму мировоззрения творцов этих явлений, через классовую психологию среды, и выраженное в своеобразной, примитивно-художественной словесной форме.

Понятие бытия чрезвычайно сложное: окружающая среда, быт соседних обществ, географические условия, основные занятия жителей той или иной местности, — все это входит в понятие бытия, и все это находит свое место в устном творчестве.

Очередные революционные социальные перевороты, ломая старое, дают начало новым формам бытия, и эти новые формы, своеобразно преломляясь на фоне старого, постепенно подчиняя его себе, также органически входят в наше бытие, внедряются в психику, в творчество и начинают занимать яркое место в произведениях устного человеческого слова.

Словесная художественная оболочка различных видов устного творчества разнообразна и узорчата. Частью старая, стародавняя, частью новая, только что народившаяся, — она неразрывно связана с содержанием и, принимая это содержание в сферу своего влияния, она овладевает им, придает своеобразный, данной словесной оболочке свойственный колорит.

Вопрос о русском фольклоре Приморья представляется очень сложным. Разнообразие сюжетов и редакционных наслоений; смешение творческого богатства, принесенного переселенцами из различных уголков Европейской России и Сибири, с творчеством туземцев; влияния соседних народов со старой многовековой культурой, в лице китайцев, корейцев, японцев — все эти моменты уже частично дают представление о сложности вопроса.

Вопрос о содержании и характере фольклора, о тех или других видах устного творчества, стоит в теснейшей связи с типами основных групп русских переселенцев, составляющих господствующее население ДВосточного края.

История заселения края, природные условия, бытовая обстановка, разнообразные виды занятий насельников края оставили свой определенный отпечаток в устном творчестве.

История заселения ДВосточного края особенно ярко отобразилась в двух моментах: во-первых, момент весьма разнообразных богатств края и, во-вторых, момент в виде необозримых пространств окраины, в которых трудно было разобраться брошенному дореволюционной властью на произвол судьбы переселенцу, особенно в первое время.

Ответом на вопрос о сказочных богатствах края является «Сказ о богатствах Д.Востока. (См. приложение в главе о сказке), записанный во Владивостокском округе.

Ответ на второй вопрос находим в воспоминаниях старых людей о первых днях появления на Д.Востоке. Переселившаяся из Козелецкого уезда Черниговской губ., шестидесятилетняя старуха украинка Ирина Бойко (Спасский р., Владивосток. округ, с. Спасское) рассказывает так об этих первых впечатлениях: «Йихалы мы сюды на кораблi. Як прийхалы мы сюды, дак тут був нипроходимы лис и лис. Цож,—мы первы дни жылы в таких паћанэньких зимлянках. Тоди дальшэ булышэ, поставилы и хату, завэлы соби кое-яку худобу и началы раскорчовувать землю да сиять хлиб. Ой, трудно, диточки, жилось первы роки. Частэнько прыходилось сэдыть ћолодными; да ищэ и усякий звирь выносив из двору нещасну худобу. Так трудно жылось рокив 10, а тоди ужэ стало жыть и лущэ. Открылись кое-яки заработки. Стэпан бував пидэ на заработки, а мы по хозяйсву дома и так пэрэбивалысь довћо. Прожылы мы ищэ нэскульки рокив так. Тоди сталы ищэ лущэ жыть. И так живэм и до сих пор».

Неизмеримое пространство, обилие леса слышится и в воспоминаниях крестьянина-астраханца из приханкайского района. «Хорошо жылось им допреш: рыба в возере, дичина кругом, а харчы от казны ишли... Отошло все. Богачество, урожаи. Зверь перевелся. Бывало, козы—те в огороди бегали. А лесу, лесу то сколь вокруг росло»*).

Насколько действительно велико и мало обследовано пространство Д.Востока и Приморья, в частности, свидетельствует факт, что уже во время переписи 1926 года было впервые обнаружено неизвестное старообрядческое селение по р. Улинге, приблизительно в 250 в. от ст. Бикин, Уссур. жел. дороги, которое не значилось на картах, не несло повинностей и в котором не было организовано власти. Тоже было обнаружено в Амурском округе и в др. местах ДВК.

Природа края, которая выступает уже в воспоминаниях, только что приведенных, естественно должна найти отражение в фольклоре. Непроходимая и таинственная тайга, волнистые бесконечные сопки и целые горные хребты (Сихотэ-Алинь), дремучий вековой лес, капризное туманное море, заброшенные по скалистым берегам пустынные рыбачьи поселки, бухты и таможенные посты—все эти картины еще более содействуют разнообразию и своеобразию общего колорита жизни и быта насельников Приморья, а отсюда и устного творчества.

---

*) Заимств. из статьи С. Горлова—„Петушиная тишина“ в газ. „Красное Знамя“, от 14 января 1927 г., № 11.

Вот краткий набросок тайги. Таинственная и молчаливая, зеленая и яркая своей богатой растительностью летом и оголенная, кабудто замершая, под снежным покровом зимой, готовая каждую минутк принять и поглотить бесследно того, кто войдет в ее владения,—такоу ва тайга. Необозримо пространство таежной глуши, громадны снежнынаносы на наваленном кучами буреломе. Кругом мертвая тишина, нае рушаемая порой лишь легким посвистом рябчиков, прячущихся в густых ветвях ельника, да скрипом надломленных бурей деревьев, покачиваемых небольшим западным ветром. Спокойно величие громадных елей, с верхушками, покрытыми снежным слоем, словно белыми огромными шапками, осыпающимися с каждым порывом ветра. Страшен шум и вой тайги, треск ломающихся деревьев, когда над тайгой проходит буря. Страшна и опасна бывает бесконечная тайга во время лесных пожаров.

Вот краткое описание дер. Бичевой, Некр. р., Хабар. окр. в отношении окружающей ее природы, сделанное студентом рабфака. «С южной стороны идет река, с восточной неприступные скалы, покрытые дремучим лесом, большею частью краснолесье, т. е. кедр, ель, пихта. С северной, на несколько верст — низменное болото, или марь, как здесь называют. Далее—лес и опять сопки. Западная сторона открыта. Животные—белка, дикий кабан, дикая коза, редко тигр. В болоте есть клюква и голубица. По краям р. Хора и вблизи деревни—дикий виноград. Сеют кукурузу, чумизу, бобы, рис, коноплю. Промысловая рыба—кета» (М. Ходасевич, студ. Рабфака ДВГУ, 1926).

Разнообразная природа Приморья к тому же и на редкость своенравна. Туманы и сырость вредят полям, садам и огородам, а маленькие речки, которые расположены среди сопок, не дающих стекать в море излишкам воды в дождливые лета, разливаются непомерно и заливают пространство на много верст. Всплывают деревни, и крестьяне проклинают свою капризнейшую мать—сырую землю, которую только что благословляли. «Прошлый год, гляди, кака засуха была, а нонче потоп,—говорят крестьяне дер. Серафимовки, Ольгинского района, Влад. окр.: «на кой же ляд дожж, коли и так потопли». Правда, такие места иногда и населены бывают белоруссами, которые привыкли еще у себя дома спокойно смотреть на воду и ждать, пока она сойдет, или пускаться вместе с ней в путь при сплаве леса.

На ряду с историческими моментами и природой, громадное значение в разбираемом вопросе получают быт и занятия различных насельников края. Если бытие всегда определяет сознание, то это положение приобретает особенное значение в вопросе об анализе содержания и формальных особенностей фольклора.

В Приморье столкнулись и одновременно бытуют, узорчато переви ваясь и переплетаясь, обычаи, предания, верования народов монгольских, с одной стороны, то есть китайцев, корейцев и частично японцев, и различных палеазийских народов, с другой стороны. Сами так называемые русские включают в своей среде и украинцев, и ве-

ликоруссов, и белоруссов. Наконец, такие своеобразные и разнородные исторически сложившиеся общественные группы, как старообрядцы, сектанты разных толков, с одной стороны, казаки, с другой, дополняют картину.

Обыкновенно принято недооценивать значение и влияние в общей сумме бытовых данных народов монгольских—китайцев, корейцев и японцев. А между тем, мы имеем и, при углубленном в дальнейшем изучении вопроса, получим, вероятно, еще более яркие следы влияния этих народов и на язык русского населения, и на творчество. Мы уже отмечали в другом месте нашей работы, что многие старые пермяки, переселившиеся в пределы залива Ольги, хорошо говорили по-китайски, молились китайским богам, соблюдали китайские обряды. Известны случаи заимствования русскими у местных жителей орудий охоты, одежды, как наиболее приспособленной к охоте и рыболовству, орудий передвижения, особенно лодок (шаланды). С другой стороны, известны заимствования китайцами—уличными акробатами русских обычаев, приемов и даже песен, как например: «Ухаля купеза ударой марадеза» («Ухарь купец, удалой молодец»).

Но китайский быт не так сильно внедрился в русское Приморье, как корейский. Корейцы—скрытный, недоверчивый народ. «Эй, ирбо, куда Адими (корейская деревня) хади нада?»—спрашивает русский по ту сторону Амурского залива, ближе к Корее. Кореец быстро, как бы испуганно и недружелюбно взглянет и пробормочет—«Моргасай, моргасай» (Не знаю), — хотя сам хорошо понимает, о чем спрашивают. Тем не менее, корейские обычаи, нравы, обряды бытуют вплотную с русскими и среди русских и, конечно, не проходят бесследно. Корейская деревня разбросана кучками, разорвана на части—хуторки. Фанзы—низкие, обмазанные глиной, по наружности несколько похожи на украинские хаты. В семье корейцы живут тихо. Женщины держатся замкнуто. Еда корейцев—незатейлива. Больше каша, летом из чумизы: «чумиза крепко держи, лучше работай», а то—из пайзы. Редко по праздникам—«хлебарь-дарь»: тоже чумиза в готовом виде, напоминающая грязную, клейкую замазку.

Один из студентов Рабфака ДВГУ, близко наблюдавший жизнь корейцев в кор. деревне Кутузовке, иначе Амбан, (Некрасовского р., Хабар. окр., на притоке р. Хор) так описывает важнейшие стороны быта корейцев в данное время. «Живут в ней (Амбане) исключительно корейцы. Если есть один-два русских, то это как исключительный случай. Обряды у них таковы. Женщины не имеют права обедать вместе с мужчинами, считая это позором для себя. Потом они исключительно занимаются домашним хозяйством, в поле на земледельческую работу не ходят. Женщину у корейцев уважают. Но есть обычай продавать женщин, так что бедняк, не имея определенной суммы денег или имущества, не может жениться. Женятся молодыми, по 12—13 лет, старше редко. Большею частью родители сговариваются и еще детьми женят. На свадьбу приглашается чуть ли не вся деревня, го-

товят свою самодельную водку—«сулю» и много мяса. Изысканным блюдом считается собачье мясо. Занимаются земледелием, сеют чумизу—род пшена, кукурузу, бобы, рис. Сеют коноплю, из волокна ткут материю. Коноплю парят в особых долбленых корытах, потом не мнут на мялках, как у русских, а обдирают. Ободранные волокна женщины прядут, вернее скручивают на голом колене; веретен, а тем более самопрялок у них нет. Холст выходит узок и редок. Т. к. в Хоре водится рыба, а также бывает осенний ход кеты, то занимаются рыбной ловлей. Зимой охотятся в окрестных сопках на белку, дикого кабана и коз. Некоторые забираются в глушь тайги, делают загороды с воротами, в которых повешены петли, и этим способом ловят кабаргу (род козы). Гражданская война мало отразилась, т. к. корейцы, кроме молодежи, почти не касались, занимались своим хозяйством и сидели. Один только раз подверглись нападению хунхузов. С появлением нового быта частично есть расслоение между молодежью и стариками, но это только в отношении политики. Корейская молодежь быстро воспринимает все новшества. Комсомольская ячейка завлекла более 70% молодежи. Исчезают некоторые старые обычаи, но все же пока от старого быта много. Большинство говорит по-русски; молодежь довольно хорошо, старики ломаным языком (М. Ходасевич, студ. Рабфака ДВГУ, 1926 г.).

Обычаи и обряды корейцев заключают в себе не мало своеобразного. Посмотрим для иллюстрации, как у них происходит брак.

Брак у корейцев совершается рано. Женятся мальчики 13—14 лет, выбор невесты—дело стариков. Согласия жениха не спрашивают. Когда свадьба решена, вывешивается объявление. В назначенный день в дом к жениху собираются гости—только мужчины. Происходит угощение под корейскую музыку—бубны и свирель. На другой день — свадьба. С утра едут за невестой. Жениху обматывают кисти рук шелком. Он садится верхом на лошадь и в сопровождении едущих на повозках шаферов скачет к ее дому. Там его встречают, усаживают за стол и угощают. Потом выводят невесту, усаживают ее в паланкин, ставят на телегу и увозят. Паланкин ставят на дворе у дома жениха. Из фанзы выходят жених и самый старый житель деревни. Последний дает молодой паре по деревянной утке или петуху. Они несколько раз обмениваются, затем отдают старику, и он с женихом уходит. Тогда невесте помогают выйти из паланкина, дают ей пробовать из нескольких блюд. Потом начинается свадебное пиршество.

Умерших хоронят на полях, любимых и уважаемых в центре лучшей пашни. «Тятька, мамка буди смотри, как сына работай». Нелюбимых хоронят где-нибудь в лесу за ходмом, чтобы и видно-то им ничего не было. Похороны обставляют довольно торжественно со знаменами—хоругвями, надгробными речами, трапезой, поминками.

Известны и другие обычаи корейцев. Таков обычай закладки нового дома. Еще задолго до закладки вывешивается объявление. В назначенный день собираются все, знакомые и незнакомые. Происходит

угощение: неизменная сули, квас, свинина. После речей о благополучии дома, на верхней балке пишут число, кто был, что говорил. Если почему-либо хозяйство на новом месте не заладится, дом сжигают: в доме завелись черти, борьба с ними бесполезна.

Известен обычай корейцев весной, когда впервые выходят на поле, убивать собаку и есть ее сырое мясо с соей (соленая подливка): больше силы будет *).

Несомненно, что при более близком и тесном соприкосновении с корейцами, русские передадут и им свое, а от них получат корейское.

На ряду с китайцами и корейцами, на севере Приморья живут разнообразные туземцы—гольды, орочи, орочены, и др. Низкие, душные, темные и дымные юрты, где вместо стекол в рамах бумага, живут гольды по несколько семей в юрте, и жизнь, как и юрты их, так же угарна, дымна и темна. Переселенческая волна докатывается и до гольдских курных юрт. Гольды перенимают у русских методы обработки земли, а переселенцы убивают это занятие, тесня гольдов в тайгу. Гольды жалуются: «Русски гонит наши люди гольда в тайгу. Как так? Помирать наша люди нада». Быт гольдов ломается, они заимствуют новое от революции. К ним проникает кооператив, школа, охотничьи общества. Запоздало общество снабдить гольдов во время ружьями и припасами для охоты на белку, и гольды жалуются: «Союзка хо (союз хорошо), дробовика нынче только позно таскал. Охота давно нада ходи, а два солнца (два дня) только дробовика таскал Хабаровска». Семья, основанная на полном подчинении жены мужу, рушится. Отец невесты, отданной насильно, жалуется, что она грозит уйти и бросить мужа: «Деньги многа свадьба тратил: хеньшин (спирт), сколько пил, деньги давал, опий давал, все пропало».

Орочены-кочевой народ, в летнее время спускаются по рекам, ближе к русским селениям, привозят оставшуюся от мены пушнину и свои изделия из кож (унты, рукавицы, выделанные лосевые кожи, и т. п.). Народ добродушный, гостеприимный, на подарки отвечают подарками.

Большую роль в жизни туземцев, особено северных (Охотск. район), играют ярмарки. На ярмарках они развлекаются, заключают браки, производят обмен пушнины на товары. По окончании торговых сделок молодежь устраивает борьбу и танцы. Танцы часто происходят на льду. На льду движется большое кольцо из людей—туземцы танцуют.

Женщины любят приодеться. В ушах блестят огромные серьги, на груди поверх наряда большой в серебряной оправе крест. На ногах унизанная бусами обувь; на голове—цветной платок. Костюм—из оленьей шкуры, при чем сверху одевается унизанный бусами и издающими звон монетами передник.

Среди туземцев существует ряд поверий: если олень закричал, это предвещает недоброе; если охотник вареное мясо убитого им мед-

*) Частично заимствовав. из очерка „Корейцы“ Леонида Эс в „Красном Знамени“, от 25 августа 1926 г., № 193.

ведя будет резать обыкновенным образом, то другие медведи будут мстить, а поэтому мясо режут за спиной, при чем приговаривают: «не сердись, дедушка: якуты тебя убили, а не я».

Интересные сведения о быте, обычаях и обрядах малых народов ДВ севера сообщает научн. сотр. ДВ Краевого Научно-Исследов. Института А. А. Емельянов в отчете—«Северное побережье Приморской губернии» (1926 г.)[1]).

Обследование побережья Японского моря и бассейнов рек Едина, Самарги, Нельмы, Копи привело А. А. Емельянова к выводам, что из малых туземных народов здесь живут удэ и орочи, а из русских переселенцы из различных северно-русских губерний, в значительном числе старообрядцы разных толков.

Праздников у удэ нет, кроме нового года, который они празднуют в одно время с китайцами, продолжительностью, в зависимости от достатка каждого хозяина, от трех до пяти дней. Вечера сокращают иногда рассказыванием сказок, главным образом, старики. Сюжеты сказок, преимущественно охотничьего характера, в некоторых есть отклики когда-то существовавшего у удэ людоедства. Пляски молодежи и шаманов, помимо заклинаний по случаю болезни или каких-либо др. моментов жизни, являются так же, как развлечения. При слабом свете огня в тесной юрте пляшет шаман, заклиная злых духов уйти дальше от обитателей юрты, и его бубен свои низкие звуки далеко разносит по речной долине, по особенному отзываясь в душе лесного человека—удэхейца. Иногда на особом музыкальном инструменте в виде камертона, называемого «кунган», извлекают удэхейцы тихие, мелодичные, но тоскливые звуки. Далее А. А. Емельянов дает сведения о кладбищах и похоронных обрядах удэ. Удэ боятся покойников и не ходят на кладбище, расположенное обыкновенно на высоком берегу реки. Там и сям, на пеньках срубленных деревьев, стоят заколоченные гробы под низкими крышами из еловой коры. Площадка с гробом окружена высоко затесанными с 4-х сторон елями. Гроб-долбленый и напоминает ульмагду—лодку удэ, только лопатка на узком конце ее не одна, а две. Гроб исчерчен поперечными черными полосами во всю длину, крышка—тонкая доска имеет с одного конца орнамент. Из под крышки свисают над лопатками углы одежды покрывала. Около могилы можно найти нарту, лук, стрелы, острогу, весло, котел, чайник, чашку и др. вещи, необходимые покойнику, по верованию удэ, и после смерти. На лопатке одного гроба в ногах у покойника прикреплены две деревянные утки—это могила шамана. Под гробом умершего совершается шаманом обряд. Сообщая бытовые подробности, А. А. Емельянов упоминает, что у удэ есть обычай приручать животных. В одной юрте он встретил поросенка, который чувствовал себя равноправным членом семьи, ходил, где вздумается, вырывал у ребят из рук куски рыбы, играл с ними,

[1]) Сведения взяты из рукописного отчета А. А. Емельянова, научн. сотрудника ДВ Краев. Научно-Исслед. И-та, проделавшего в 1926 г. трудную экспедицию в районы удэхейцев, который любезно предоставил отчет в наше распоряжение.

теребя их за уши. В другом месте он встретил прирученного пестрого дятла, который время от времени долбил своим длинным клювом гнилушку, а когда хозяйка, готовя обед, бросила дятлу кусок свежей рыбы, он бросился к куску, схватил его, клювом втиснул в щель гнилого пенька и начал отрывать кусочек за кусочком. Тут же в берестяной клетке сидела дикая утка, которая также с удовольствием поедала куски рыбы.

Немало интереса представляют разнообразные обряды, встречающиеся у др. туземных народов ДВК, и именно Приморья. Напомним, например, обряд торжественного кормления гиляками р. Амура весной, как только у мыса прорвет лед, чтобы был хороший ход рыбы; или праздник медведя у айнов на Сахалине, когда медведь, помещенный в особой клетке и вскормленный девицей, до достижения момента полной зрелости, приносится в жертву (расстреливается стрелами) в особой торжественной обстановке; или брачные обычаи у северных туземцев, коряков и чукчей, когда жених должен проработать за невесту три года в доме ее родителей, в тяжелой обстановке испытания, прежде чем наступит особый день, когда невеста угощает жениха, а затем, одевшись в лучшие одежды, бегает вокруг юрты, пока жених не поймает ее, не раздерет одежду и не коснется нагого тела, и др.

В непосредственном соседстве быта туземцев и русских — прямой залог их смешения и взаимного влияния.

В отдельных случаях это влияние отмечается исследователями быта туземцев и в настоящее время. В. К. Арсеньев и Е. И. Титов в очерке «Быт и характер народностей ДВ края» сообщают ряд ярких в этом отношении фактов. Тунгусы, оседлые оленеводы, «почти все имеют лошадей, заводят коров и подражают русским в домашнем быту, в костюме, в хозяйственных навыках, в языке, в вере, в пороках и добродетелях» [1]). Наоборот, «русские позаимствовали у амурских туземцев тип лодки, называемой гиляцкой — легкой, достаточно грузоподъемной, хорошо держащейся на воде» [2]). «Якуты, подобно китайцам обладают какой-то особенно агрессивной силой, объякучивая все народы, с которыми приходят в соприкосновение. Так, они объякучивают не только тунгусов, но и великороссов. Они сумели заставить решительно всех говорить по — якутски» [3]). Еще о гиляках. «Так как колонизация Амура шла в двух направлениях: от верховьев и со стороны устья, гиляки раньше других столкнулись с русскими, и потому уклад их жизни больше других подвергся ломке со стороны социальной и хозяйственной» [4]).

Переходя к быту русских, мы должны сказать, что Приморье заселено и украинцами, и великоруссами, и белоруссами. Нет сомнения, что все они явились на Д.-Восток со своими обычаями и верованиями, со своими привязанностями к определенному месту, со своими житей-

[1]) В. К. Арсеньев и Е. И. Титов. Быт и характер народностей ДВ края, стр. 31. «Книжное Дело». Хабаровск—Владивосток. 1928.
[2]) ibid. стр. 42.
[3]) ibid. стр. 52.
[4]) ibid. стр. 56.

скими порядками. Несомненно, что они принесли с собой и памятники устного творчества.

Если поставить вопрос, какая из трех традиций—украинской, великорусской и белорусской—является наиболее сильной и устойчивой в Приморье, то на этот вопрос трудно определенно ответить. Когда дальше мы остановимся на самых видах и характере устного творчества, то это станет еще более ясным. Но оно достаточно выявляется и в данном месте. Великорусская традиция менее заметна и осязательна по следующим основаниям. Число великоруссов в Приморье очень немногим меньше числа украинцев, но великоруссы поселились разбросанно по всему обширному Приморью, не составляя таким образом в значительном числе районов сколько—нибудь компактной массы. Еще важнее то, что великоруссы расселились преимущественно в городах, в промысловых районах, по линии железных дорог, т. е. в таких местах и в таких условиях, которые не только не содействуют сохранению традиции, а, наоборот, помогают ее распаду, ослаблению, распылению.

Иные основания следует вывести относительно украинской традиции. Украинцев немного больше числом, чем великоруссов. Они расселились так, что сосредоточились компактной массой в определенных районах, которые и занимают крепко и устойчиво. Живя в большинстве в деревне и занимаясь хлебопашеством, они ближе стоят к природе, а следовательно и ближе к тем обрядам, преданиям, сказкам, заговорам, песням, которые вращаются вокруг процесса работ, связанных с землей и земледелием.

Традиция белоруссов сравнительно слаба, тем более, что и численно они не занимают в Приморье сколько-нибудь выдающегося места.

Отдельно следует упомянуть, наконец, еще о двух возможных влияниях в разбираемом вопросе, а именно, с одной стороны, старообрядцев и, с другой, казаков.

Старообрядцы разных толков занимают в Приморье довольно большое пространство. Их сравнительно много и количественно. Селениями старообрядцев занято пространство между устьями притоков Улахэ—Фудзин и Нота. На севере Ольгинского района селения Самарга, Единка, Ахобэ, Нихтака, Пея, Канц, Сваин—почти исключительно заселены старообрядцами. Деревня Пея является этапом для странствующих и кочующих старообрядцев. По верховьям этой реки лежит самая прямая дорога на Бикин. Там же находится ряд старообрядческих монастырей. Старые устные произведения бережно хранятся старыми поколениями, особенно старообрядцами, которые даже и в момент гражданской войны не успокаивались и, не обращая внимания на опасность, переходили с места на место, углубляясь все больше и больше в глушь тайги [1]).

[1]) Один из памятников древне-русской письменности, принесенный на ДВ старообрядцами и сохраненный ими, а именно «Описание стрелецкого бунта 1682 г., составленное бояр. А. А. Матвеевым», найден в Приморье и описан нами в очерке «Вопрос об архивах и памятниках древн. русск. письменности в пределах ДВ края» (см. «Записки Влад. Отд. Госуд. Рус. Геогр. О-ва», т. II (XIX), 1929 г.).

В качестве примера обычного права старообрядцев приведем один случай. В верховьях р. Пеи есть мужской старообрядческий монастырь, в котором находились 18 «богом благословленных старцев». Из селения Ахобе в Пею перекочевала женщина-старообрядка, которая 10 лет тому назад в Сибири оставила мужа и сошлась со старообрядцем. Выростили детей от первого мужа. На старости лет захотелось женщине обвенчаться с человеком, с которым прожила 10 лет, и подала прошение старцам, прося благословения на брак. Ответ получился такой:

«И получила ответ:
Благословенья на брак нет.
Житие ее вне брака
Порицается,
И обоим в монастырь
Пойти предлагается,
Чтоб десятилетние грехи
На старости замаливати
И взрослых и детей
От соблазна и разврата
Избавити».

Казачество, несомненно, также оставило свои старые формы, обряды, песни, хотя в настоящем оно уже существенно изменилось. Но вопрос об Уссурийском казачестве стоит в неразрывной связи с вопросом об Амурском и Забайкальском, и мы пока лишь только отметим его.

Переходя к вопросу о самом наличии произведений устного творчества, мы должны сказать, что они сохранились в Д.-Восточном крае в весьма различной форме и в значительном количестве.

Что касается сюжетной стороны, то и здесь нашли себе отражение прежде всего те черты мировоззрения, которые переселенцами оказались перенесенными на Д.-Восток и в которых, в свою очередь, нашли себе отражение различные виды хозяйства, какие мы находим среди населения Приморья, в частности,—земледелие, охота, рыбный, лесной и звериный промыслы.

Промысловая жизнь в горах—добывание каменного угля, золота, серебра,—также нашло свое отражение в устном творчестве. Природа края, многообещающая и капризная, не проходит мимо внимания составителей отдельных произведений. Наконец, самое поселенчество, во всем его сложном и трудном процессе, заманчивом в воображении и тяжелом в действительности, является также моментом, находящим отражение в устном творчестве Приморья.

В отношении видов устного творчества мы можем сказать, что они очень разнообразны: на ряду с народными преданиями и обрядами, мы находим различные сказания и легенды, сказки, заговоры и заклинания, устные песни, начиная от длинной старой до частушки, от безыскусственной до носящей на себе следы явного литературного влияния.

Самым слабым разделом является раздел былевого эпоса. Более чем за пятилетний период работы, нам не удалось найти и записать ни одной былины. Исторические песни встречаются, как увидим дальше, но с частными, местными сюжетами и недостаточно яркие, художественные.

Революция могучим потоком ворвалась в старый быт и пробила здесь глубокую брешь. Обычаи и обряды, поверья и приметы, предания и легенды—все это было сдвинуто с места, многое распалось, утерялось, многое переформировалось и видоизменилось, но многое и осталось. Процесс распада старого быта, подготовленный общим социальным ходом жизни, пошел с наступлением революции быстрее, глубже, радикальнее. Получились своеобразные моменты смешения старого с новым, при чем в отдельных случаях все еще преобладает старое, в других случаях яркими цветками расцветают элементы новой культуры.

Особую роль и значение в борьбе между засильем старого быта и ростками новой культуры играет в деревне молодежь, и, где актив деревенской молодежи работает сильнее, где он сам по себе крепче, там чувствуется заметное движение вперед по сравнению с селами и деревнями, не владеющими таким активом и расположенными где-либо вдали от города и железной дороги.

Посещение нашей приморской деревни во время экспедиций дает в руки исследователя и наблюдателя громадное число самых интересных случаев смешения старого быта с новым. Есть случаи, когда в селе достаточно активно посещаются и церковь и красный уголок в деревенском клубе. В сельских хатах иногда можно встретить на стенах изображения святых рядом с портретами Ленина, Рыкова, Ворошилова, Луначарского и других вождей революции, при чем хозяева относятся с уважением к портретам революционных вождей, продолжая в то же время чтить и старые привычные изображения святых.

С большей, пожалуй, яркостью, чем где-нибудь, проявляются эти элементы смешения старого и нового в *обрядах*, особенно в обрядах свадьбы, крестин, похорон.

Наша краевая пресса, газеты и журналы собирают десятки и сотни таких случаев своеобразного переплетения дореволюционного быта с ростками нового. До сих пор еще довольно типичен случай, когда родители настаивают на церковном браке, а молодежь противится, и дело нередко кончается тем, что после регистрации едут в церковь и венчаются. Когда родится ребенок, его тайно крестят, а потом несут в загс на регистрацию. Умирает человек, и опять иногда церковные похороны заканчиваются гражданскими.

Один из таких случаев описан в местной газете «Красное Знамя» (от 23 марта 1926 г., № 66). Когда молодые парень и девушка пришли к мысли о женитьбе, то с этого момента и начались затруднения. Родители настаивают на церковном браке, молодые же съездили в близ лежащий центр, г. Спасск, и зарегистрировались. Когда они приехали домой, родители продолжали настаивать на церковном браке. Молодые начали колебаться и уже почти соглашались на венчание. Решили опять ехать в Спасск. Но как раз в этот момент, когда невеста выходила из дому, чтобы ехать в Спасск, дорогу перебежала кошка. А кошка, известно, какой признак, какое поверье: к беде. Невеста отказалась ехать. На родителей кошка тоже подействовала. Они почти

согласились регистрацию не расторгать и в Спасск не поехали. Оставалось только отпраздновать свадьбу. Приготовились праздновать. Закололи свинью. Накануне празднования теща выходит на двор, где лежала свинья, и видит, что на ней сидит та самая кошка, которая раньше пробежала невесте дорогу. Едва было не отложили празднование. А на утро после празднования и брачной ночи жених отдал дань еще одному обычаю: вывесил красный флаг, чтобы указать всему селу, что невеста была девственницей. Такое сплетение старого с новым еще характерно для нашей деревни, лежащей около проводника культуры—железной дороги.

К этому следует добавить, что в разбуженную революцией застойную стихию быта вновь из года в год вливается новая струя переселенцев, которая несет снова и снова все бытовые особенности, снятые вместе с «худобой» и хозяйственными принадлежностями оттуда, из далеких сел и деревень Европейской части республики.

Вот они, эти новые в крае люди: «Как живете?»—«А ничеhoсеньки. Не имела баба клопоту, тай купила порося. Так и мы».—«Лучше, чем дома?»—«Хлеб до брюха не ходит. Нахились перед житом делу, да и байдужки. Тоди и сыт будешь!» Они еще под впечатлением недавних наговоренных страхов о хунхузах и др. неприятностях. Им и самим кажутся теперь смешными эти страхи.—«Вон, яки балачки! Чудасия! Дэж тии хунхузы, чи ян вони—бандюки?»[1])

Если обрядовая поэзия, а также сказки и легенды сравнительно мало испытали на себе влияние революции, то внеобрядовая лирика (бытовые песни) и историческая поэзия (особенно партизанские песни) носят на себе следы гораздо большего влияния времени. Особенно же влияние революции сказалось на частушке, которая, как зеркало, отображает не только крупные, но даже и мелкие, едва заметные переливы окружающей бытовой обстановки.

Кто—творцы устного творчества, хранители и передатчики?

В разных видах творчества—различные лица.

Обрядность и обрядовая поэзия, с заговорами и заклинателями, свадебным и похоронным ритуалом, с праздничными песнями в порядке календарного года—хранится больше в быту старой деревенской женщины, ею оберегается, поддерживается, передается. Молодое поколение постепенно отходит от этого ритуала, особенно после революции, и во всяком случае яркого, нового не создает.

Внеобрядовая лирика старая, в виде длинной, яркой и глубокой по сюжету песни, охраняется и передается той же женщиной по преимуществу. Подавляющее большинство этого рода песен записано от пожилых женщин и принесено ими на берега Тихого океана с Дона, Днепра, Дуная, Волги, Камы, из сурового олонецкого и архангельского края, с берегов Каспия, из бессарабских степей, из смоленских лесов, из черниговской деревни.

---

[1]) Заимств. из ст. Гордова в газ. «Красное Знамя»—под заглавием: „Переселенец стучится» (8 сентября 1926 г., № 205).

Новая песня, и длинная, а особенно короткострочная частушка — создание молодежи, больше девушки, дивчины, чем парня, парубка.

Историческая поэзия — разного происхождения и авторства. Старые казацкие песни теперь можно встретить скорее в архивах, чем в жизни. Воинские песни — создание самого воина, как дореволюционного «солдата», так и революционного героя красноармейца, частью девушки, испокон веков горюющей о разлуке с милым. Партизанские песни, строгие и стильные — создание героической эпохи борьбы с жестоким интервентом и еще более жестоким внутренним классовым врагом, создание героической среды, в массе состоящей из рабочих и бедняков крестьян, которые пошли в сопки и тайгу бороться за революцию и новую жизнь, и отстояли эту революцию и жизнь, руководимые партией и вдохновляемые классовым чутьем.

Сказочный и легендарный эпос — создание старых людей, очень часто перенесенное на Дальний Восток из разных уголков необъятного Союза республик, но постоянно и неизменно испытывающее на себе влияние новой жизни, новых наслоений, которые идут от новых людей, создавшихся в своеобразной обстановке окраинной колонизационной жизни и в окружении различных монгольских, палеазийских, тюркских и др. соседей.

В последние годы роль хранителя передатчика, да и в значительной степени творца перешла к слепцам-ветеранам войны, которые наполнили улицы городов и селений и, с застывшим, сосредоточенным неподвижным выражением, под звуки гармошки, скрипки, балалайки, гитары, реже гуслей, передают — и грустные, заунывные мелодии о возвращении домой калеки — солдата; и любовные мотивы вроде «чупчика», по которому стосковалась девица ожидаючи; и быстрые частушки, поющие о девице, которая просит мать —

«Отдай меня за вола,
Лишь бы дома не была —»;

о налогах, о Троцком и «Рикове», и т. д.

Особое место, в условиях ДВК, занимают создатели промысловых песен — охотники, рыбаки, приискатели, горнорабочие, сплавщики леса, в среде которых, кроме русских, можно встретить ряд туземцев.

Особое место, наконец, занимают, как авторы, так называемые предприниматели — контрабандисты, искатели жень-шеня, и др.

II. Обрядовая поэзия.

§ 1. Общие положения и деление.

«Социально-экономический метод в анализе фольклора с особенно наглядным успехом может быть и, в первую голову должен быть применен к обрядовой поэзии»,—совершенно справедливо говорит Ю. М. Соколов в статье «Очередные задачи изучения русского фолькора»[1]): «он с особенным успехом может быть здесь применен ввиду теснейшей связи синкретической обрядовой поэзии с реальным социально-экономическом бытом».

Обрядовый ритуал и обрядовая поэзия, бытующие среди русских, украинцев и белоруссов на ДВостоке, перенесены ими с родины, из сел и деревень, откуда они переселились или переселились их родители, деды, предки. Но и обряды и поэзия, уже здесь, в обстановке ДВостока, в обстановке новой природы, отличного быта, под влиянием времени и под воздействием друг на друга, испытали потрясения и получили изменения и в содержании и в форме.

Обряд постепенно сокращается, тускнеет, его социальная значимость теряется.

Произведения устного творчества, сопровождающие обряд, постепенно теряют самый характер «священности», превращаясь в обычные произведения слова, произносимые и распеваемые, как первичный еще обычай или воспоминание о старом.

Однако, сильна еще моментами традиция, предания прошлого, поэтому обряды и произведения старого слова, уступая постепенно место новому, еще живут в художественном сознании трудового населения, свидетельствуя о веках, прожитых в обстановке материальной бедности, социального бесправия и культурной темноты.

Прежде всего значительное место в обрядовом устном творчестве занимает поэзия заговоров и заклинаний на различные случаи жизни.

Далее идет так называемая праздничная поэзия, расположенная обыкновенно в порядке календарного года, начиная от зимы, продолжая весной и заканчивая летом. Число обрядов и песен в разделе обращает на себя внимание и количественно и качественно.

После праздничных обрядов и песен естественное и красочное место занимают в обрядовой поэзии свадебный и похоронный ритуал, особенно первый.

---

[1]) Ю. Соколов. Очередные задачи изучения русск. фольклора, стр. 15. «Худож. фольклор», I. М. 1926.

Наконец, встречается и ряд мелких обрядов и песен, сопровождающих различные случаи жизни трудового населения.

Стало быть, расположение материала дается в следующем порядке:

1) Заговоры и заклинания.
2) Праздничные обряды и песни.
3) Свадебные обряды и песни.
4) Похоронные обряды и песни.
5) Другие обряды, обычаи и песни.

§ 2. Заговоры и заклинания.

Заговор, как известно, имеет своею целью, с магической помощью слова, воздействовать на высшие силы природы, при чем он имеет обязательную силу, одинаковую и для людей и для богов.

Древнейший вид устного творчества, основанный исключительно на психологии темного, невежественного сознания трудового населения, бессильного в борьбе с природой и трудностями жизни, заговор дошел, однако, до наших дней и на Дальнем Востоке занимает довольно широкое место.

Дальневосточный заговор и в частности заговор Приморья в общем типичен. Та же печать двоеверия, те же отголоски апокрифов и легенд в содержании, та же двучленность, иногда несколько усложненная в композиции, тот же напевный речитатив и ритмичность, которые мы находим и вообще в заговоре.

В дальнейшим мы приводим 49 заговоров и одну «закрутку».

Заговоры можно разделить на 1) религиозные и 2) безрелигиозные, т. е. такие, в которых нет следов упоминания о богах, ни языческих, ни смешаниых с христианством.

Безрелигиозных заговоров—значительное число (№№ 6, 7, 15, 18, 19, 26, 30, 34, 41, 47, 48, 49). В других заговорах религиозный элемент очень слаб и заключается лишь в словах «раб божий», «раба божья», «святое» имя, что скорее можно характеризовать, как словесную традицию, чем существо.

Обращая внимание на безрелигиозные заговоры, мы хотели бы видеть в них известный отход от привычной религиозной традиции и приближение заговора, как вида устного творчества, к быту, к жизни, известное, если можно так назвать, опрощение заговора.

Большинство записанных в разных местностях Приморья заговоров—заговоры от болезней, порезов, ранений, ушибов, поломов. Мало заговоров от лихорадки—болезнь, которая в Приморье до сих пор встречалась очень редко и то, повидимому, в занесенном из других областей виде (малярия). Мало сравнительно заговоров от укуса змеи, что объясняется тем, что большинство змей Приморья—мало ядовитые или вовсе не ядовитые. (№ 1,26).

Значительное и яркое место занимают заговоры, связанные с жизнью, здоровьем и болезнями домашних животных (№№ 7, 8, 35, 36, 37,

38, 39, 40), что и понятно, так как в крестьянском быту домашняя скотина, «худоба», представляет собой предмет особых забот и попечения. Сельское же хозяйство в Приморье, особенно у переселенцев из Украины, составляет основное занятие.

Большой бытовой интерес поэтому представляют следующие заговоры: как у коровы сохранить молоко (№ 7, 8,); от сибирской язвы (№ 34), от «понатужения» скотины (№ 35); от молока, которое идет «по-за-шкурою», т.е. если корова дает мало молока (№ 36); от порчи скота (№ 37), на прибавку молока (№ 38); заговор на ведьму, если она доит корову (№ 40); при заболевани лошадей болезнью, которая называется «нонтем» (№ 39).

Встречаются заговоры промысловые, как например, для большего улова рыбы (№ 41). Среди русских рыбаков мало встречается заговоров. Эти закаленные в борьбе с водою люди больше надеются на твердую руку, навык и сметливость, чем на «пустое слово» заговорщика. Поэтому, несмотря на то, что рыболовство занимает в Приморье весьма значительное место в ряду основных занятий жителей, однако, заговоров на улов рыбы, как и на охоту, очень мало. Зато у туземцев как было отмечено во вводной главе, ряд таинственных действий перед лицом грозного Амура и великого моря до сих пор имеет немалое место.

Встречаются заговоры любовные: на любовное присушиванье (№ 15), на любовь (№ 42).

Особое от заговоров место занимают «закрутки», заклинания, которые соединяются не только со словом, но и действием. Обыкновенно, для «закрутки» употребляется пучок пшеницы, ржи, травы, при чем, по поверью, хозяин поля, на которое брошена закрутка, если он возьмет ее в руки, делается уродливо скрюченным, как и вся его семья (№ 50).

По диалектологическому признаку приведенные заговоры и закрутки делятся: на украинские или во всяком случае со следами украинского языка (№ 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 40), близкие к белорусским, но без крайностей этого языка, в частности без дзеканья (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 27, 28), русские с умеренным оканьем и умеренным аканьем (№ 9, 10, 11, 12, 15, 39, 41, 46, 47, 48, 49), наконец, смешанные, особенно когда переселенцы появились в Приморье после значительного периода жизни в Сибири (№ 42, 43, 44, 45).

В настоящее время заговор в Приморье довольно быстро умирает. Очень трудно встретить ворожею или «ворожейщика», они постепенно уходят из жизни. А с ними уходят и заговоры, т. к. молодое поколение, создающееся в новой социально-культурной обстановке, не нуждается в этих остатках былого суеверия и невежества, даже как в памятниках слова.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Заговоры и заклинания (№№ 1—50).

№ 1. Заговор от укуса «змяи».

Первым разам божжым часам, ты вуж Сакадын, змия Савра, каторая етаha раба (имя человека) укусила, ярая жала упустила, унимай сваих усих слуh и падруh. Ня будишь ты сваих слуh и падруh унимать, етаha раба (имя) жала вынимать, нашлет на тябе haспоть боh сильный маhущый hрамавый страх. Будуть тябе hрамы бить, малання палить, ни дасть тябе haспоть боh ниhде збыту: ни пат кустами, ни пат фарастами, ни на синим мори, ни пат белым каминям.

Дер. Перетино, Сучанской вол., Влад. окр.

№ 2. Заговор от вывиха.

Ехав царь на вараном каню, на Сиянскаю hару. Конь спаткнувсь, у (имя человека) сустав с суставами саткнувсь. Ехав haспоть боh на вараном каню на Сияньскаю hару, конь спаткнувсь, у (имя человека) сустав с суставам саткнувсь. Я ни сама сабой, с прячистай святой, мать прячистая прибывала, апосталав призывала и етаму рабу (имя) памачи давала.

Тоже.

№ 3. Заговор от урошной скулы.

Первым разам божжым часам, выhаварию скулу белаю, чорнаю, синяю, падушнаю, урошнаю, приhаворнаю, намовнаю, баhравую, жовтаю, зяленаю, падивнаю, супраживнаю.

Выhаварию, выhаманию на луhи, на далины, на разныя краски. Там-жа дажидають, сталы застилають и кубки наливають и вас каждую па имянню взывають (перечислить еще раз цвета 12 скул).

Яж ни сама сабой, с прячистай святой. И мать прячистая прибывала, апосталав призывала и (имя) памачи давала.

Оттуда же.

№ 4. Заговор «кров замавлять».

Ишов Пятро с Павлам па морю па лукаморью, ступая в ваду па калени. Бяре пяски с паткаминя. Як на каминю на латырю, лату нима, так (имя человека) у рани крови нима.

Дер. Перетино, Сучанского р., Влад. окр.

№ 5. Заговор «от радов».

Ишла мать прячистая з hорада з Русалима. Нисла ключи залатыя, замки сталяныя. И вы замки замкнитись, и вы кости с кастями сыйцитись. Стань залатник на места, як исус христос на кресла. Я ни сама сабой с прячистай святой. Мать прячистая прибывала и (имя женщины) памачи давала.

Оттуда же.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

№ 6. Заговор остановить кровь.

Шла баба па дарohи, вила сабачку с сабой. Баба упала, сабачка прапала, ты жижа стань, больши ни кань.

(Повторяется три раза).

Оттуда же.

№ 7. «Заhавар, штоб у каровы сахранить малако».

(Произносится шопотом, при чем корова, у которой заговаривают молоко, обсыпается маком три раза вокруг).

Апсиваю ету скатину (смотря по шерсти коровы, по цвету ее, напр. бурая), «бураю» шарстинку макам. Нихто ня можа етаhа маку падабрать, нихто ня можа у етыя скатинки, «бурыя» шарстинки, малака атабрать. Ни змей чарадей, ни змия чарадейница. Заhаварию змию чарадейнику и змяе чарадейнице hубы, зубы, и ярыя вочы, и чорныя бровы, и салоткий язык.

№ 8. „Заhавар сахранить малако".

(Заhавар на ваде).

Добрый день (или вечер, смотря по времени дня), вадица царица, бажжая памошница (при чем „шаптун", как его наз., говорит это над кружкой воды). Ишла ты с усхода на заход, змывала ты крутыя бипяhи, жовтыя пяски, сырыя каренння, белыя каменння. Вымывай у етыя скатинки (говорится смотря по цвету шерсти скотины)—шарстинки, уроки и вроки; прihаворы—мужськия, и женьския, и дявоччыя, и парабоччыя. Як етыя вады нихто няйме, так у етыя скатинки » шарстинки нихто малака ни тбяре: ни змей чарадейник, ни змия чарадейница. Заhаварию змию чарадейнику и змяе чарадейнице зубы, hубы, и ярыя вочи, и чорныя брови, и салоткий язык.

(После чего омывают заговорной водой вымя и дают корове выпить воды в пойле).

№ 1—8 записаны студ. Рабфака ГДУ И. Рослым, в 1926 году, со слов женщины 56 лет, переселенки Черниговской губ., Сурожск. у., в 1884 году.

№ 9. Заговор от крови.

На мори, на окияни, на острови Буяни лежал белый hарючий камень. На этом камени сидели три девицы, шыли, вышивали крававую рану.

Едет царь, под ним конь карый. Конь ни прянит, у рабы божей..... (имя) кровь ни канит.

№ 10. Заговор от зубной боли.

Антипию уверятель, зубной зберегатель! Сбереги, hосподи, у рабы божей.... (имя) зубы.

№ 11. Заговор от занозы.

Из моря щука, из лесу фараон. Выйди у рабы божей..... (имя) заноза (или предмет) з белоho тела, из красной крови.

№ 12. Заговор от детского крику.

Утренняя заря, вечерняя заря, прийди унеси, у раба божеho крик в чистое поле, в дикую степь, в дремучий лес, а ему, рабу божему (имя), принеси сон и покой.

№ 13. Заговор «от звыху».

На сынему мори лежить билый камэнь. Хто-то сыдыть, высыжуе, с жовтой кости цвили выклыкуе. Жовтая кость, львов дух. Як у льва дух не дэржыться, то шоб и раба божая звых (тут следует сказать имя, кому шепчет) нэ дэржався. Ключ у нэби, замок у мори, вас тры браты, колы зыйдэтэсь ныть, hулять, тоди будуть у hанны (нужно имя тому, кому шепчет, говорить, где имя Ганна) у правый руци звых нэ дэржаться. Амин. (Если вывихнута рука, то говорить в руке и какой, правой или левой, а если ноге, то говорить, в какой ноге).

№ 14. Заговор «от прыстриту».

Пэрвым разом, добрым часом, святый Мыколаю и божый yhодни-ку и скорый помошныку, и стань мыни, hосподы, и поможы мыни, hосподы, на рождэнному и хрыщэному, молытвэннэму (имя) есть прыстрит, прыстрит прыhовору, хожэно и брожэно, прыстритнэ, примитнэ, прымовлэнэ и прыhоворэнэ, и баба мыланка исуса хрыста воспрынимала и мыни нэ помочи стояла, стань мыни, hосподы, и поможы мыни, hосподы, и за здэннэ и за помышлэннэ и за пытящэ, соняшнэ, мисяшнэ и витрянэ, нутрянэ, ношнэ, полуношнэ и враняшнэ и вэчирне, и тут тоби нэ стояты и нэ hуляты и нэ буяты, hоловы нэ розбываты и сэрця нэ вповаты. hосподь из духом я словамы з божым духом нэ вповаты молытвамы, от худых людэй и от худых очей и от всякой поhыбэли отступыся, одыдысь и маковым зэрном откотысь и на луhа и на болота и от (имя) хрэбта, и там тоби упытно, уйитно и успокыйно.

№ 15. Заговор на любовное присушиванье.

Когда девушка пройдет, нужно по ее следу в тот же миг пройти и из-под правой пятки брать в пальцы песку три раза. По приходе домой нужно налить в посуду воды, положить глины и развести. Затем нужно размазать в печке в том месте, где выходит дым в трубу.

Еще хорошо подмешивать своих волос, вырезанных с головы и мелко насеченных.

№ 9—15 записаны в с. Струговке, Покровского района, Владивост. округа студ. Рабфака ГДУ Куликом.

№ 16. Заговор от зубов.

На нэби мисяць, в лису звирь, мэдвэдь, в мори рыба, щука, коло йй три браты. Сойдутьця у мисто hуляты, тоди будуть у рабы божоии (Катэрины) заболиваты (произнести девять раз не дыша и быстро каждый раз).

№ 17. Заговор «от пристриту».

Пристрит пристритыще, урок урочище, идить вы на очэрэта, на болота, на чорнэ кориньня, на билэ каминьня, дэ пивни спивають, дэ собаки нэ брэшуть, дэ людцкий hлас нэ заходыть.

Там вам буваты, билой кости нэ ламаты, чирвоной крови нэ полоныты, из рабы божои крещенои Марии выйты.

(Три плевка и «оченаш»; говорить надо по 3×9 раз, т. е. 27 раз, и зевать во весь рот).

№ 18. Заговор от крови.

На мори на окияни, на острови Буяни, там стоить hорилый пэнь. Пид тым пнэм дивыця красна шиить шовком раны. До неи приихав дид стар, а пид ным кынь кар, а ты кровь стань.

№ 19. Заговор от опоя лошадей и быков.

Пый, рябый, воду сеhодня, дэнь сэрэда здоровййшай, як вода (три раза).

№ 20. Заговор ет «бильма».

Ихав святый hригорий билым полэм на любый коняцы, била уздэчка, билэ сидло, била одэжа. За ным биhло три хоря: одын чорный, друhий чэрвоный, трэтий билый. Чорный лызнув, болизнь злызнув. Чэрвоный лызнув, кровь злызнув. Билый лызнув, бильмо злызнув (три плевка и «оченаш» 9 раз).

№ 16—20 зап. в с. Спасском, Владив. окр., студ. Рабфака Ф. Кобыща.

№ 21. Заговор от крови.

З добрый святый счастливый час, вси мои святыи поможыте мне заhовор заhоворыть, святую кров остановить, и маты божа и вси мои святыи, поможыте мни поскорие. Плыла чириз ричку, розу щыпала, роза прынялася, кровь запиклася. hосподи божэ, вси мои святыи, поможыте мни поскорие заhовор заhоворыть, льющую кровь остановить.

№ 22. Заговор от боли зубов.

На мори на окияни, на острови на Буяни стаить стол и старый дуб. За столом 12 братьев сэдять, на дуби бэсмэртная птица. Сэдять

воны и святыи слова hоворять. Мисяц на нэби, чэрвьяк у дуби, щоб нэ болилы у раба божэho зуби. Нэ сама я сии слова промолвляю, мати божа помоhае, своею божэствэною сылою свои слова утвэрждае и раба божеho исциляе.

№ 23. Заговор от слома ноги или руки.

Йихав исус хрыстос на сиром кони, на шовковом сидли, кинь упуhнувсь, сустав извыхнувсь. Я молитву чытаю, всих святых прызываю, сустав раба божеho исциляю. Вси мои святыи, поможыть мини скорие.

№ 24. Заговор от болезни «рожа».

Ты рожа рожыца, ты дива дивонька, ты наспана, ты наслана, ты задумана, ты заhадана, ты з проклену, ты з поhовору, ты з паhаных ричэй, ты вкорэнылася в раба божеho тили, в йеho крови. Тут тоби ни буваты и крови ни вьялыты, тила ни сушыты. Иды на окиян море hуляты, там будыш бурею бушэваты, на очэрэги hуляты, на волнах колыхатысь, а тут тоби ни буваты, крови ни вьялыты и тила ни сушыты.

№ 21—24 запис. студ. Рабфака ГДУ Н. Кобыща в с. Спасском, Владив. окр. от дев. 16 лет Е. Мороз.

№ 25. Заговор против бельма.

Йихал святый hриhорий на сиром кони, на золотом hнезди. За ним биhло два арчуки (чертенята), один друhоho доhоняет, тому бильмо зhоняет.

№ 26. Заговор от укуса «hадюки».

На золотой hори золотая яблоня, на золотой яблони золотое hнездо, в золотом hнизди hадина сивирюка. Забири свий hад hатный заhатный, водяный, сирый, билый. Забири свои зубы в свои hубы, никоho ни кусай и врида ни делай.

№ 25—26 запис. студ. Рабфака ГДУ А. Новиковым в с. Дубовском, Спасск. р., Влад. окр., от гр. Екатерины Ив. Костючек, 33 л., уроженки Киевск. г. Канск. у. Селышевск. вол. с. Таращево, прожив. в Приморье 17 лет.

№ 27. Заговор против крови.

Ишла баба тиряс ров и замавляла рабу божаму (имя) кров, лезла баба черес печь, у раба божаho крови ни нада течь. Ишла баба с горhу, патиряла торбу. Торба найдись, кровь займысь.

(Три раза повторить и «притиснуть палынь» к раненому месту).

№ 28. Заговор от вывиха.

С первым разам, з добрым часам, hоспаду памалюся и прячистой матери божай пакланюся. Сонца хадячая, зимля стаячая, кровь hарячая,

жыла балячая, кость пьяная. Кров разайдися, жыла выпрямся, кость на места станавися. Ехав сус хрыстос тиряс залатый мост на сивам кани, з залатым мячом. Конь спаткнувсь, меч звихнувсь, сустав с суставом саткнувсь. (Три раза повторить и потянуть за вывихнутое место).

№ 27—28 запис. со слов «шаптухи», из Черниговск. губ., студ. ГДУ Л. Генендер в г. Никольск-Уссурийске.

№ 29. Заговор от «бытыхи», или от рожистого воспаления.

Я тыбэ вызываю и ножэм пидпираю, чи ты дивоча, чи ты порубочья, чи ты от витру, чи от повитру. Да иды ты пид лыху hодыну в болота мэж очэрэта, там соби жовтым писком пэрэсыпайся, чирвоной водой пэрэлывайся. Тут тоби побуваты, тут тоби нэ расхошуваты, тут тоби красной крови нэ пыты, тут тоби жовтой кости ны hрызты, тут отчипыся, а там прычипыся. Куды позовут, то и пшона дадут, а дэ и по шии, то ты ны лякайся, а все заhоворы читать прынимайся. Биhла собака чырыз мист, читыри hоhи, пятый хвист, собака потяhаица, а тоби, роб божий, помоhаица. Аминь, аминь, аминь. (Плюнуть три раза).

Запис. учит. с. Красного, Спасск. р., Влад. окр. Н. Я. Бондарь.

№ 30. Заговор от «зубов».

Молодый мисяц на нэби, мэртвэц у hроба, як у умэршых людэй зубы ни болять, у (имя) зубы ни болять (2 раза). Окаминэлы и стоялы крэпко зубы, як у лэси дубы. (Прочитать молитву «очэнаш»).

№ 31. Заговор от испугу.

Чэhо hосподь из золотым крэстом из золотым мичом ляк, испуh из (имя) выдворят от ии руса волоса, от ии hоловы, мозков, hрудей и плэчэй, рук и hоh, сэрца и унутрэности, от ии сэмдэсят суставов, на сэмдэсят ножэн и сэмдэсят топоров, як анhилы набэси устанут и мэртвых з hроба воздвыhнуть, так испуh и младенчэско исходят из яичка на хворы, як хтары идуть по облакам кускамы и разриваютца исходь хтары на темны лэса и на ветры и с чадом и з дымом сему слову амин, амин, амин (3 раза «очэнаш»).

№ 32. Заговор от лихорадки.

Когда hосподь исус христос родылся, когда hосподь исус хрыстос умэр, коhда исус хрыстос воскрэс, тогда злообразны жэны и простоволосы 77 жэн изчэзлы. Енисей, Енисей, Енисей (1 раз «очэнаш»).

№ 33. Заговор от «извыху» (вывиха).

Пэрвым разом добрым часом йехал hоспод чэрэз калиновы мост. Конь споткнувсь, сустав из места истав. Шоб сэй сустав места став.

Помоч моя от hоспода милосэрдая, от спаса небесноhо, матэр прэчиста. Зари зарэници, будтэ божы помочныци. (Прочитать 12 раз «очэнаш»).

№ 34. Заговор от сибирской язвы.

Ни маланка, ни вода, ни hром, моланя австрыйская, язва утоловки, на туловки, твое имя рек им у руках присовэш моих меле ноч ветер, вот тебе ключ и замок цур, цур, цур так слову твоему. (Этот заговор нужно 9 раз прочитать над человеком и 9 раз над квасом).

№ 35. Заговор от «понатужения» скотины или женщины.

1.

hосподу боhу номолымся, hриhорию, как камень тежелый качать, так и младенца тебе нарождать, золоты замки, медны двери, затворы да служноhо часу.

2.

hосподы добры, поможы нам, hосподы, оспадыть. Так камены hоpы разойдытэся, замки одомкнытэся, защэбки ращэбнитэся. Пришла пара и прышло врэмя, кости в заду рожэныци разойдытэся заhово местностно корица, конус выйды у рожэници (3 раза).

№ 30—35 запис. в с. Дубовском Спасск. р., Владив. окр., студ. С. А. Костючек от крест. той же фамилии, 40 лет, урож. Черниг. губ., Сосницк. у., Александр. вол., с. Киселевки, 10 лет жив. в Приморье.

№ 36. Заговор от молока, которое идет «по за шкурой», т. е. если корова дает мало молока.

Здрастуй, Борис и Иван, вода Ульяна и земля Татяна, пришла матэр божа, воду брала и спасытеля на руках дэржала. От люцких рэчэй и от поhаных людэй, от мужэских и жэночных, из hлаз, из подевов обмывала и очыщала. Ты вода идэш и колышэшсе, дороhие каменя выкидуйеш и золоты корэня обмывайеш и новорождэным теленком и обмывайеш и высылайеш, дэ парэнь каня ни сэдлаеть, дэ дэвица косы ни расчэсуе, сему слову амин, амин, амин (три раза «очэнаш»).

№ 37. Заговор от порчи скота.

Святая Уляна великомученица, кропиву рвала у три окошка задевала, святоhо Ивана вама призывала. Есть у воротах золотая очэрэтына, у эты ворота входит злая людына, людына, скотыну съедает, молоко отымает, корова плачет и рыдает, Ивана святоhо воина прызывает. Иван выш прыбиhает, злую людыну проhоняет, идойды злая людына от этои скотыны, ты злая людына сей двор обмынай, обеhай, круhом двора кочки оhризай, а двор сей ни заходи (3 раза прочитать «очэнаш» и обмывать водою «дойки» у коровы).

№ 38. Заговор на прибавку молока.

Добрый вечэр, вода Уляна и земля Татяна, дай тоей коровы молока, а зори зореныци будте божы помощныцы (на «дойках» коровы два раза помазать свяченой водой и 3-ий раз хлебом и солью, прочитать 1 раз «отче наш»).

№ 36—38 запис. в с. Дубовском, Спасск. р., Владивосток. окр., студ. С. А. Костючек.

№ 39. Заговор при заболевании лошадей болезнью, т/наз. «ноһтем».

Ляһу благословлясь, стану перекрестясь, пойду под востошну сторону на окиян море. Там лэжить колода рыба. Пойду поближэ, поклонюся понижэ: вынь из моих лошадей двинадцать ноһтей, двинадцать скорбей, от дыхальнова, от пыхалнова, от нарошнова, от глазнова, от ушнова, от человешнова, от копитнова, от щоточнова, от хвостова, от хребтова, от болонова, от заболонова, от стрешнова, от поперешнова, от цыпоты, от ломоты, от западнова ветру. Бросай все наһоворы через плечо наотмач. Матушка колода риба, закрепи мои слова белояровым хрящом, белояровым песком на доброе здорове.

Запис. студ. ГДУ Сигидой в д. Покровке, Калин. р., Хабар. окр., от крестьянина.

№ 40. Заговор на ведьму, если она доит корову.

Делают так. Каждый домохозяин («для всякого случая») имеет святой мак (его святят вместе с пасхами). Этим маком обсыпают весь двор и «причитывают»: «Хто цэй мак собырэ, той мою корову здое». Эти слова читают до тех пор, пока не обойдут весь двор. Так спасают корову от ведьмы.

Записано в дер. Покровке, Калин. р., Хабар. окр., студ. М. Л. Сигидой.

№ 41. Заговор для большого улова рыбы на уху.

Как только поймаешь первую рыбку, снимаешь ее (осторожно) с крючка, берешь в руки ножик и как будто хочешь резать ее, а в самом деле «пугаешь» ее, проводя слегка острием «впоперек рыбки», за каждым разом приговариваешь: «Пошли отца, пошли мать, пошли братьев, пошли сестер, пошли дядю, пошли тетю», и т. д. и т. д. После того приема пускаешь рыбку в воду, и она «пошлет» тебе на крючок всех своих родителей и родственников, из которых и будет уха.

Записано в Калининск. районе студ. Сигидой, со слов гр. Ивана Ковдия в 1913 г.

№ 42. Заговор на любовь.

Раньше вотчи нашь надо читать, а потом: устану раненько умоюсь беленько. Помолюсь богу верно-верненько и выйду я со своей избы

ни на руках, ни на ногах, ни рылом, ни поползком. Пойду я дымами господними дыхати, выйду на край села, край села стоит баня, у той бани дубовая доска, и буду я просить ведра-ведровича и вихра-вихровича, ты ветер ветрович, и ты вихирь вихровичь, подыми дубаву доску, достань жовтаву песку и разгонь (имя) рабу божьему таску. Таску разгоняйте (имя), любовь сочиняйте. И як бог церковь любя, так чтоб раба... божява (имя) любив, целовав и потешеству вызывав. (десять раз прочитать заговор и десять раз прочесть «отче наш» став на колени и поцеловав то, на чем заговариваешь (на подушках, на кушанье, на белье).

№ 43. Заговор от «суда».

По зорях выйти и почитать (вечером и утром).

Встану раненька, вымыюсь бяленька, выду на вячерню зарю, hляжу на западную старану, на Сюризький камор (тюрьма), hде..... находится. Судящие исходящие, начальник и нахальники. Заhаварюю я начальникам и охальникам зубы и hубы, язык за зубы ретиво сердце и hарючую кровь, чтобы кров не разварилася, и уста не распаялися, и язык не ворочався. Як православные християне христову праздничку рады дрожат, маленькие детки красными яичками дорожат. И там чтобы рабу божьему (имя)..... начальники и нахальники дрожали и даражили и худово слова не наhаварили (три раза дунуть). Иды мой заhовор по вячерней заре и суду и парэ. Стань мой заговор зялезным тынам.

№ 44. Заговор от зубной боли.

Когда выйдет молодой месяц, выходят на крылечко, ковыряют спичкой в зубах (больных) и говорят: «Месяц молодой, Василь Васильевич, был ли ты на том свете, видел ли ты мертвых, болят ли у них зубы». Три раза перекреститься и после этого 1 раз плюнуть.

(От выходцев из Омск. губ., дер. Стародубихи).

№ 45. Заговор для исправления сломанной кости.

С первым разом, з добрым часом, господу помолимся и пречистой матери божьей поклонимся.

Солнце хадачае, земля стоячая, кров hарячая, жил, жила болячая, кость ломая. Кров разойдися, жила выпрямися, кость на место становися. Ехав еде христос чирез зиленой мост, на сивом кани, с залытым мячем. Конь спаткнувся, мечь звихнувсья, сустав с суставом соткнувсь.

Три раза проговорить и потянуть за вывихнутое место.

Запис. студ. Генендер. в г. Никольске-Уссурийске.

№ 46. Заговор против зубной боли.

Взять тарелку или блюдце с холодной водой и держать надо так, чтобы луна отражалась в воде. Обязательно прочесть молитву «отче

наш» и после этого говорить: «луна молодая, унеси мою боль к себе на небо и не пускай больше на землю». Начать заговор нужно обязательно во время новолуния.

№ 47. Заговор против боли бока.

Нужно ночью в 12 часов пойти в курятник и вырвать у 13 кур по одному перу, затем эти перья варить до тех пор, пока они не закипят три раза и после этой водой натирать бок. Перья сжечь на том огне, на котором они (перья) варились. Запис. в Приморье.

№ 48. Заговор от болезни.

Если болит поясница, нужно лечь на порог, первенцу встать обеими ногами на поясницу и таким образом 3 раза переходить с одной стороны порога на другую.

№ 49. Заговор от испуга.

Если кто-нибудь испугается животного, нужно испугавшегося положить на кровать и, 3 раза произнося заклинание, обвести яйцом вокруг него. Затем взять стакан с холодной водой и вылить в него содержимое яйца: желток и белок. Тогда минут через 5 яйцо примет форму животного, которого испугались. Запис. в Приморье.

№ 50. Закрутка.

Закрутку закрутуют люды, котори хочуть и можуть зробыты яке нибудь лыхо людям, на которых вуны сырдыты, а закрутуют они так.

Быруть пучек пшыныци, або дрyhoho якoho-ныбудь хлиба и скручують ehо похожим на пырывесло, а туди тэ пырывесло кладуть на поли. И от як хазяин прыйде и возьме тэ пырывесло закрутку, то и сам, и жынка, и диты вси скрутяця и будуть крутытысь быспырыстаня. hоловы им подвертае так, що очи будуть назад, а потылыця напырэд. Ны довыды hосподы, щоб хто-ныбудь злый чоловик закрутыть закрутку. А як уже якый-ныбудь злый чоловик закрутыть, то туди треба той хлиб зибраты и спалыты, и то браты ны рукамы прамо, а выльмы або hраблямы, то туди ничоhо ны будэ.

Записано студ. Рабфака ГДУ, Мазуренко со слов 50-летнего старика Тимофея Семенова, на хуторе Садагоу, Владив. окр., переселившегося в 1900 году из Киевской губ.

§ 3. Праздничные обряды и песни.

Календарный обрядовый год когда-то занимал очень видное место в жизни земледельца русского, украинца и белорусса.

Переселившиеся на далекую окраину крестьяне старых поколений старались сохранять традиции предков и проводить в жизнь все особенности праздничного ритуала.

С началом революции вся обрядность, когда-то довольно разнообразная, начала быстро распадаться и исчезать, как пережиток старины.

Еще десять лет тому назад, эта обрядность была довольно яркой. По приезде на ДВосток, именно в Приморье, нам приходилось наблюдать шествие со звездой в г. Никольск-Уссурийске, во время рождественских праздников. Правда, через месяц после этого по тем же улицам можно было наблюдать и довольно красочное шествие китайского населения с драконом, при чем большинство непосредственных участников, разряженных в разноцветные костюмы и в масках, очень искусно двигалось на высоких ходулях. Те и другие обряды мирно уживались, не мешая друг другу.

В настоящий же момент вся эта обрядность потускнела, распалась и, если даже по привычке еще проводится, то скоре, как простой обычай, чем праздник.

Гораздо больше сохранилось остатков праздничного ритуала у украинцев, чем у русских и белоруссов.

Но и здесь не видно той цельности и систематичности в обрядовой обстановке, о которой мы читаем, например, у Гоголя.

Одни обряды сохранились, другие нет; одни уцелели в большей степени, другие в меньшей; одни остались, примерно в том же виде, в каком праздновались и прежде, другие изменились.

Один учитель с. Красного, Спасского р., Владив. округа, Н. Я. Бондарь сообщает следующие обрывочные данные об уцелевших и сохранившихся обрядах:

1) Молодежь празднует «Андрия и Катырыны». На «Андрия» стряпают блин, который одни кусают, а другие под носом ему мажут сажей. На «Катырыны» девушки ворожат, «выворажывають» себе женихов и хорошую жизнь.

2) На Масленице колодки парням и девушкам «цепляют», чтобы поскорее женились или выходили замуж, а те, которые с колодками, должны дать выкуп в размере одной бутылки за печатью.

3) Празднуют Ивана Купалу.

4) Летом бабы празднуют день «шуляка» или ворона, гоняют и купаются в реке или около колодцев и обливают всех проходящих.

5) Устраивают веселые свадьбы со всякими обычаями, но не венчаются, потому что священника в селе нет, а псаломщика девушки не любят и венчаться к нему не идут.

Наиболее широкое место, как и прежде, занимают рождественские и новогодние обряды и песни. В некоторых местностях Приморья удалось составить довольно цельную картину обрядов, как, например, в с. Струговке, Покр. р. Влад. Окр. (№ 1); в других местах удалось собрать значительные циклы песен, как, например, в с. Волочаевке, Некр. р., Хабар. окр. (№ 4) или в с. Серафимовке, Ольгинск. р., Владив. окр., почти совсем на морском берегу (№ 7).

Обряды неизменно связаны с урожаем, с посевом, с собиранием хлеба.

Песни, вспоминающие христианские праздники и языческие обряды, образно подтверждают то, что проводится в обрядах.

Необходимо отметить, что песни, распеваемые во время зимних праздников в Приморье, смешанные по языку, стилистически так же, как и раньше, наиболее образны и красивы. Образы черпаются из мифологии, апокрифов, легенд, сказаний; сравнения заимствуются из жизни, из быта, из природы; разнообразие эпитетов дополняет картину.

Сохранились также весенние и летние обряды, праздники и песни.

В «весняных» песнях (№ 8), записанных в с. Серафимовке, Ольг. р., Владив. окр., вспоминается Россия, как «родимая сторонка». В «весняных» песнях, на ряду с целым рядом весенних моментов, как-то «трава-мурава», «широкая улка и зеленая трава», «рыкающая корова», чувствуется гораздо большее отступление от традиционной старой формы, большая свобода и какое-то молодое озорство, отличающее данные песни от строгого стиля старых веснянок.

Из летних праздников мы приводим Ивана-Купалу и относящиеся к этому празднику песни (№ 9). В приводимых песнях Иван прекрасный вместе с Варуней и Оляной уносятся с берегов Тихого океана на Дунай, на тихий Дунай, с первым ясным месяцем, со щебечущим соловьем, при чем основной образ купальской ночи и все освящающей, в частности и любовь, воды остается цельным.

Наконец, мы приводим ряд мелких обрядов, связанных с посевом, ростом и уборкой хлеба (№ 10).

Весной и летом праздники и обряды сопровождаются хороводами и хороводными песнями. Несколько образцов этих песен приводится нами из числа записанных в Приморье (№ 11).

ПРИЛОЖЕНИЕ (1—11).

а) Рождественские обряды.

№ 1. В первый день праздника садятся за стол и сразу едят постный борщ, потом рыбу, кашу, которую наливают сладкою водой, разведенной с медом. Сразу кашу не едят. Кто-нибудь из семьи, мальчик или девочка, имея не менее 7 лет, должен звать мороза, звать должен следующим образом: «Мороз, мороз! Иды кути йисты!» (3 раза). После этого съедает три ложки каши, при чем чем больше ложки, тем больший будет на следующий год урожай. Когда съест три ложки, снова еще зовет 2 раза также. И снова съедает по 3 ложки каши. Затем представитель семьи говорит: «Колы нэ идэш, то нэ иды нэ на hусэй, нэ на курэй, нэ на утят, нэ на свынэй, нэ на конэй». Так он должен перечислить все то, что имеется в хозяйстве, и снова съесть три ложки. Тогда принимаются кушать все. После каши начи-

нают кушать компот (озвар). Съевши все это, собираются, кто только может подняться на ноги, и идут выгонять «святки за ворота». Мужчины заряжают ружья и стреляют, а кто вышел выгонять святки, колотят палками по забору. Еще до захода солнца делают следующее. Берут мелкую тарелку с большим пирогом и идут, обыкновенно 2 человека, писать кресты везде-по забору, на дверях, на окнах. Не должно быть такого места, где бы не было креста. На другой день мальчики лет до 14-ти, рано утром набирают разных семян и идут засевать, заходят в каждую избу и бросают по одной горсти зерен, приговаривая следующие слова: «На счастья, на здоровья, на новэ лито, роды божэ. Жыто, жыто пшеныцю, всяку пашныцю, будтэ с празныком здоровы! З новым ћодом!» Хозяйка или хозяин подает им пряники или деньги, яйца и др. вещи.

После обеда в тот же день ходят и «рожествуют». Здесь собирается несколько ребят, человек 10, и поют песню «Рожэство твое».

Вечером ходят со звездой, сделанной из разноцветной бумаги, или с козой и поют песни.

Записано в с. Струговке, Покровского района, Владивостокского округа студ. Рабфака ГДУ А. Д. Куликом.

№ 2. На первый день «Рождества» после 12 часов дня деревенские дети ходят под окна и скороговоркой «колядують» т. е. поздравляют с праздником, или-же «христа славят». Обыкновенно ходят партиями по 3—5 чел. Прежде чем начать спрашивают—«Можна колядувать?» «Колядуйты», отвечают хозяева. Бывает, что« колядныкив» зовут в хату «колядувать», но это редко, да и то «настоящих колядныкив», а тех, которые похуже поют, не зовут, но дают плату, как и «настоящим», только гораздо меньше. И так, после того как хозяева разрешили «колядувать», не «настоящие колядныки» стараются погромче, чтобы хозяева в хате могли их расслышать (в хате не без внимания слушают):

«Коляд, коляд, колядныця,
Добра з медом паляныця,
А суха ны така,
Дайты дядьку пятака.
Як ны дастэ пятака,
Визьму вола за роћа,
А кобылу за чупрыну,
Тай повыду на моћылу,
А з моћылы та кодак,
Тай продам за пятак,
А видтиля повырнуся
Та горилочкы напьюся,
А бублычком закусюся.

Запис. в д. Покровке, Калин. р., Хаб. окр.

№ 3. Перед Рождеством заранее готовятся, колют свинью и вообще стараются, чтобы в праздник было, чем угостить гостя. В «сочельник» не едят до вечерней звезды. С утра ставят «кутью»—рисовую кашу и вечером едят непременно с медом. Под иконы ставят сноп пшеницы на солому и хлеб.

Зап. студ. Рабфака ДВГУ М. Ходасевич в дер. Бичевой, Некр. р., Хаб. окр.

б) Песни.

№ 4. Колядские песни.

Ой, святэ тэ рожэсво,
Що нам радось нринысло.
Выйды hосподь, выйды творэ,
Що мир божый помырае,
Нас на зарэ посылае,
Нас на зарэ, на зарэтэ,
Стало слово увэртеп.
Уси трубы затрубилы,
Мэртвых з hроба розбудилы.
Уставайтэ, мэртвы, з hроба,
Да ми пийдым вси до боhа,
Боh нас будэ всих судыты,
Души hриха умыншыты.
Идут правидни по праву руку,
А hришни по ливу руку.
Идут правидни вздыхають,
Батька, нэнько споминають.
Ох, ты, нэнько ты родна,
На що нас ты родыла.
Лучэ було ны родыла,
Душу hриха ни робыла.
А мы висылимся,
Рождиству поклонимся.
Коляд, коляд, колядныця,
Добра з маком паляныця,
А призьба ны тако,
Дайтэ пьятако,
А вы тутку hроша,
Колядка хороша.

№ 5. Песни—щедровки.

1. Мыланько ходыла,
Васылько просыла:
«Васылька, мий тато,
Пусты менэ в хату.
Я жыта жала,
Золотый христ дыржала,
Золоту кадыльныцу.
Надытыся (?) люди
До вас hосподь будэ,
Боhу свичку ставте,
А нам пьятак дайтэ.

2. Ой, у Юрусалимы рано зазвонилы.
Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье.
Рано зазвонилы, Марию збудилы.
Щедрый вечер, и т. д.
Марию збудилы да ни окристилы.
Щедрый вечер, и т. д.
А дива Мария по саду ходыла.
Щедрый вечер, и т. д.
По саду ходыла, сына спородыла.
Щедрый вечер, и т. д.
Сына спородыла дай ни окристила.
Щедрый вечер, и т. д.
Дала ёму имя святоhо Исуса.
Щедрый вечер, и т. д.
Воно ж тоhо имя тай ны возлюбила.
Щедрый вечер, и т. д.
Тай ны возлюбила, да в рай ни пустила.
Щедрый вечер, и т. д.

3. Щидривочко щидровала,
До виноньця припадала.
Чи ты, титко, напикла,
Ниси нам до викна.

№ 6. Песни на новый год.

А в поли, поли сам hосподь ходэ,
Дива Мария ризы носила,
Ризы носила, боhа просила:
Ой, уроды боже дай жыто пшыныцю,
Жыто пшыныцю на всяку пашныцю.
Сею, вею, повиваю (бросают зерно),
С новым hодом поздравляю.
Здрастуйте, с праздником.

Утром молодежь мужского пола поет и бросает в иконы овсом или каким-либо хлебным зерном. Называется обряд «посивать».

Запис. в с. Волочаевке, Некрас. р., Хабар. окр., от крест. Анастасии Артеменко, урож. стан. Ивановки, Темрюкск. окр., Куб. обл., переселивш. в 1908 г.

№ 7. «Колядные» и новогодние песни.

1. А рано рано петушок попел,
Святой вечер добрым людям.
А раней того Петро встал, звонком позвонил.
Звонком позвонил, ковалев побудил.
Ковалев побудил: вставайте ковали.
Вставайте ковали, куйте топоры,
Куйте топоры, тешите брусы,
Тешите брусы, стелите мосты,
Да будет итти три праздничка:
Первый праздник—святое рождество,
Второй праздничек—святого Василия,
Третий праздничек—святое крещение,
Святое крещение, с колядами прощение,
Святой вечер добрым людям.
(Припев: «Святой вечер»...)

---

2. А рано рано пава летала,
Пава летала, перья роняла.
А раней того Ганна встала,
Девочка встала, перья сбирала.
Перья сбирала в колышечку,
Из колышечки брала, веночек плела.
Свивши венок в танок пошла.
В танку трех полюбила:
Первому дала шелковый платок,
Другому дала золотое кольцо,
А за третьяго сама пошла
(Припев: «Святой вечер»...)

---

3. У ворот яблонка стоит.
На той яблонке свечка горит,
Под той яблоней Петро стоит,
Петро стоит, коника держит.
А у того коня золотая гривка,
Золотая гривка, серебряный копыт.
Серебряный копыт камень рубая,
Шелковый хвостик двор подметая
(Припев: «Святой вечер»...)

---

4. Я девочка маленькая,
Юбочка рябенькая,
Башмачки оковенькие,
Будьте с праздничком здоровенькие.

---

5. Ходит Илля на Василя,
Носит пугу плетеную, жительную.
Где пугой махнет, там жито растет.
А в поле, поле, на вороном коне
Иисус христос едет и жито сеет.
Мать пречистая обед носила,
Иисус христа просила:
Уроди, боже, жито и пшеницу
И всякую пашницу.
На сторонах стогами,
В клети коробами,
На столе блинами.
Сколько в совке дырочек,
Столько свиночек,
Сколько полячек,
Столько теличек,
Сколько в бороне клецов,
Столько жеребцов.

---

6. А в поле поле стоял дуб зеленый,
На том дубу, там сидел орел.
Туда шел молодец с ружьем.
Но не бить молодцу этого орла.
Иди, молодец, до короля,
Даст тебе король вороного коня,
Королевночка—зеленый жупан,—
Тогда будешь пан!

---

7. Поздравляю с новым годом,
С новым годом, со всем родом,
С праздничком с колядничком,
Исусом христом, святым рождеством.
Первый праздничек—святое рождество,
Второй праздничек—новый год,
Третий праздничек—святое крещение,
Святое крещение, с колядами прощение.
Святой вечер добрым людям.
(Припев: «Святой вечер»...)

---

8. У кого, у кого явор на дворе,
На том явору золотая кора,
Около того явора коничек стоит,
На том конику седельце лежит,
В том седельце молодец сидит,
Письмеца пишет, пускает стрелки,
Пускает стрелки до своей девки:
Вот тебе, девочка, все на прянички,
А мне молодцу все подарочки
Святой вечер добрым людям.

---

9. Я маленький хлопчик
Взлез на стопчик,
В дудочку играю,
С праздником поздравляю.

---

10. Сею, вею, посеваю,
С Новым Годом поздравляю.
Чтоб живы были,
Долго лет жили.

Записано в с. Серафимовке, Ольг. р., Владив. окр. М. Голубевым, от переселенцев из Черниг. губ., Суражск. у.

№ 8. «Весняные» песни.

1. Как выйду я на улицу, да крикну:
Я в России родилася, нигде не привыкну,
Хоть привыкну, не привыкну, надо привыкати,
А родимую сторонку надо забывати.

2. Как выйду я на улицу, гуляю, гуляю,
Кличет мати вечеряти, не иду, не думаю.
Ой, вечеряй, моя мати, да ложися спати,
Рассердила я любого, не могу власкати.
Хоть сирдися, не сирдися, ни чорт тебя просит.
Отдай мои перстенечки, пускай другой носит.
Было у меня три перстенька, все с рук покатилися,
Было у меня три жениха, все бизумилися:
Один ошалел, другой подурел, третий бизумился,
Четвертого черти взяли: на другой женился.

3. Как по той по травке, по той по муравке,
Люли мои люли, по той по муравке.
Молодец гуляет, в hусельки играет,
Люли мои люли, в hусельки играет.
Красную девчонку к сибе примолвляет,
Люли мои люли, к сибе примолвляет.
Красная девчонка парня послухала,
Люли мои люли, парня послухала.
За новы воротички она выходила,
Люли мои люли, она выходила.
С удалым молодчиком речи говорила,
Люли мои люли, речи говорила.
Пуховую шапочку с головы свалила,
Люли мои люли, с головы свалила.
Шевровые сапожки на нет изорвала,
Люли мои люли, на нет изорвала.
Как пошел молодчик он до своей мати,
Люли мои люли, он до своей мати.
Ой, ты, мать моя родима, ты на что миня родила,
Люли мои люли, ты на что миня родила.

4. Туда сюда,—все крутая гора.
Как на той горе старик коней пасет,
Девка девица тай водицу несет.
Девка девица, ты напой моего коня,
Твоего коня я не поила, не буду поить,
Твоего дружка я не любила и не буду любить.

5. Летел певень через реку, кричал «кукареку»,
Подай, подай, милочка, руку через реку.
Ой, я рада бы, молодчик, обе подати,
Не мелася моя мати за тебя отдати.

6. Как на улке широко, широко,
Люли рано широко, широко.
На муравке зелено, зелено,
Люли рано зелено, зелено.
Да там девчонки гуляли, гуляли,
Люли рано гуляли, гуляли.
Да там красны гуляли, гуляли,
Люли рано гуляли, гуляли.
Да меж девочек детинка удалой,
Люли рано детинка удалой.
Да в зеленом жупане, жупане,
Люли рано жупане, жупане.
Да на вороном на коне, на коне.
Люли рано на коне, на коне
Да в зеленом жупане карманы,
Люли рано карманы, карманы.
А в кармане белый платочек,
Люли рано платочек, платочек.
А в платочке три узла, три узла,
Люли рано три узла, три узла.
А в первом узле белила, белила,
Люли рано белила, белила.
А в другом узле красила, красила,
Люли рано красила, красила.
А в третьем узле румяна, румяна,
Люли рано румяна, румяна.

7. Ты лети, стрела, прямо вдоль села,
Ты убей, стрела, добра молодца.
По тому молодцу некому плакати:
Матка старенька, дочка маленька,
Сестра молода, коло ḥорода.

8. Зарыкала коровка, из черету идучи,
Заплакала девочка, мальчика ждучи.

9. По саду хожу, там цветы я сажу,
У своḥо таточки я холостой хожу.
Ты женись, мой сын, бери вдовушку,
Бери вдовушку, Пелагеюшку.
Чем удовку брать—холостым ходить.

10. Неужели Мареечка, червонная роза,
Где стоит, где сидит, оглядеть пригоже.
Как пошел Киреечка в поле косити:
Ой, боже мой, божечка, что я опоздnился,
Что я со своей Мареечкой не наговорился.
Кинул косу, топ во росу, стал голосити.

Записано в с. Серафимовка, Ольгинского р., Владивосток. округа М. Голубевым.

11. Высна красна,
Шо ты нам принисла?
Хлопцам изросту,
Дивчатам коросту.

Запис. студ. Рабф. ГДУ. П. Хрипко, в пос. Широкая Падь, ок. ст. Кангауз Уссур. ж. д.

№ 9. Песни на Ивана Купалу.

Запевало запевает:

1. Ой, скакав коныk пид hрэчкою,
За ным Кырыло з hнуздэчкою.
Ой, постий, коню, заhнуздаю,
Тай поидымо до Дунаю.
Ой, до Дунаю воды пыты,
А до Оляны любыты.

Хор поет:

2. Ой, ходыла Варуня по полю,
Выбирала пшыныченьку с куколю.
Ой, идэ Ёсып тай hукае,
Боже, тоби Варуню помоhай,
Боже, тоби Варуню помоhай,
Будэ с цэй пшыныченькы урожай.
Будэ с цэй пшыныченькы насиня,
Колы будэ Варуно висиля.

Девушка отвечает:

Упыдимо дивчата вныдилю,
Бо я маю на Ивана надию.

3. Ой, за нашым садом
Три мисяци
Первый мисяць ясный радом,
Наш Иван прыкрасный.
Друhый мисяць ясный
Наш Стыпан прыкрасный.
Третий мисяць ясный
Наш Андрэй прикрасный

ПРИПЕВ:

Защыбычы, соловейко, защыбычы,
На тыхому Дунаеви сыдячы.

Затем поют эту же песню, только указывают имя не парня, а девушки.

Ой, за нашым садом
Тры зиронькы радом.
Защыбычы, соловейко, и т. д.
Перва зирка ясна
Марика прыкрасна.
Друhа зирка ясна, и т. д.

Девушки поют:

4. Ой, наши хлопци ныбайлыци,
Вырубалы нам купайлыци.
Ой, як рубалы до мисяця,
Ныхай на ёму повисяця.
Ой, на hороди строки с порис,
Забрав чорт хлопцив
Тай в лис понис.
Носив, носив ны выносив,
Занис у яр тай выдушыв.
Ой, на hороди пид дубочком
Побыв чорт хлопцив молоточком.
Ой, на hороди пид hрушую
Побыв чорт хлопцив онучую.
Ой, на hороди пид лыпкою
Побыв чорт хлопцив калыткою.

Ой, мала ничка ныщивочка,
Ны выспалася нывисточка.
До чырыды hнала,
На hрудкы пальци позбывала.
На hрудкы пальци позбывала,
На шпычкы очы повыймала.

Дальше хор останавливает свое внимание на одной из девиц и поет ей:

Ой, мала ничка мала, мала,
Дэ ты, Варуню, нучувала?
Ты нучувала пид хатою
Со своею собакою кудлатою.

Девушка отвечает:

Я нучувала пид дубчыком
С своим Андрэем hолубчыком.

Хор не оставляет девушку в покое, поет ей дальше.

Ой, на hороди лыпух, лыпух,
hоhось у Варкы живит опух, и т. д., и т. п.

Запис. студ. ГДУ И. Мазуренко, в с. Маргаритове,
Ольг. р., Владив. окр.

№ 10. Обряды, относящиеся к посеву, росту и уборке хлебов.

1)

Перед посевом весной никто не чистит трубу в избах, чтобы не было в хлебах сажи.

2)

Когда хлеб в сорной траве, то выходят полоть его. В первый день приговаривают, севши на меже между двумя пашнями: «сыдыть Илья на мэжы, вдывляется бороди, бородка моя золотенькая».

3)

Когда кончают жать, то оставляют немного не сжатой пшеницы, приблизительно с квадратный аршин. Колосья, которые остаются, связывают вместе, а в средину закладывают кусок хлеба и посыпают солью (это—бороде Ильи пророка).

4)

Когда оканчивают жать пшеницу, то несколько колосьев связывают крестом, привозят домой и ставят в углу возле икон, где они находятся до будущего года, а весной, во время первого посева, забирают этот пшеничный хлеб и там, на пашне, его вымолачивают и рассевают.

5)

Первый день на пашню берут одну буханку хлеба и никто не смеет начать кушать на поле: ее обязательно кушают дома всем семейством за столом.

6)

При перевозке первого хлеба с поля первую телегу провозят, из—под колес три раза набирают земли в пальцы, приносят в ту кадушку, где замешивают тесто для хлеба, и высыпают туда набранную из—под колес землю.

Записано в с. Струговке, Покровского района, Владивостокского окр., студ. Рабфака ГДУ А. Д. Куликом.

№ 11. Хороводные песни.

1. А я с цвэтом хожу,
   С hолубым я хожу,
   Я ни знаю, куда цвэт положыть.
   Положу я цвэток, (2 раза).
   Положу hолубой,
   Браву молодцу на правое пличо
   Положу, положу, (2 раза).
   Поцелую, сама прочь отойду (2 раза).
2. Ой, у поли кэрнычэнько,
   Там холодна водычэнька (2 раза).
   Ой, там Настя воду брала,
   С козакамы размолвляла (2 раза).
   Ой, Романе, Романочку,
   Оддай мене вэдёрочко (2 раза).
   Миня маты будет биты,
   Будет биты и журыты (2 раза).
   Гдэ-ж ты, сука, пропадала?
   Целый день тибя шукала? (2 раза).
   Отпусти же, козачэньку,
   Пожалей бидну дывчэньку (2 раза).

hарна дивка Настуночэк,
Поцелуй одын разочэк (2 раза).
Бо сэрдэнько мое ное,
День и ночь нима покоя (2 раза).
Но Настунька нэ вмовляла,
Чорны очы потупляла (2 раза).
А витэр в кустах смиявся
Да с цвитами цыловався (2 раза).

3. Чья же эта хата?
Чья же эта вышня?
Чья же эта дывчына
За ворота выйшла?
Ковалева хата,
Ковалева вышня,
Ковалева дывчына
На улыцу выйшла.
Чья же эта хата не заметена?
Чья же это дывчына не заплетена?
Пэчникова хата не заметена,
Пэчникова дывчына не заплетена.

4. У Кондрата тепла хата,
У Кондрата мила жынка,
А у мене сиротынки
Нема хаты, нема жынки.
Не хочу колечком быть,
Хочу распаяться,
Не хочу тебя любить,
Хочу отказаться.
Во саду ли, во лесу,
Выросла рябина.
Эх, не девка у Петра,
А одна малина.

Запис. студ. Рабф. ДВГУ, М. Ходассвич, в д. Бичевой, Некр. р., Хаб. окр.

§ 4. Свадебные обряды и песни.

Свадебные обряды и песни всегда занимали значительное место в жизни разных групп, разных классов общества.

Созданные не трудовыми слоями, а господствовавшим когда - то княжеско-дружинным классом, эти обряды и песни довольно быстро проникли и в трудовую среду.

На Дальний Восток было принесено то, что сохранилось в местах, откуда переселились жители края.

Необходимо отметить, что на далекой окраине свадебные обряды и песни сохранились в наибольшей полноте. Многое, конечно, изменилось и отпало, обрядность стала проще, песен стало меньше, но все же основные моменты ритула вместе с сопровождавшими их песнями можно и сейчас встретить в разных уголках Приморья.

Влияния туземных народов на нашу свадебную обрядность незаметно.

В дальнейшем мы передаем несколько записей свадебного ритуала, отиосящихся к Владивостокскому и Хабаровскому округам (№ 1 и 2), из которых видно, что основные моменты обрядности сохранились, а именно: 1) сватовство (измовины), 2) подготовка к свадьбе, 3) приглашение гостей, 4) гулянье у невесты с расплетением косы (заручены), 5) гулянье у жениха с выкупами (печeнлоды), 6) приготовление к свадьбе с прощанием, 7) свадьба, 8) общее гулянье после венца.

Все эти обряды совершаются в разных местах по разному. Для того, чтобы проследить изменения в свадебном ритуале, а также взаимовлияния и решить вопрос, не создается ли в Приморье какого-либо смешанного и в то же время общепринятого более или менее ритуала, для этого необходимо проделать большую стационарную работу в разных местах. Для этого мы не располагаем необходимыми данными, да это и не входит в нашу задачу.

Теоретически можно предполагать, что едва ли это так, потому что быстро идущая вперед жизнь и быстро растущее культурное сознание населения ведут скорее к упрощению всей названной обрядности.

Сохранились вместе с тем еще разные мелочи свадебного ритуала.

В разных селениях и деревнях Приморья полагается еще выкуп.

Существуют „брачные кампании". На упорных холостяков, особенно великовозрастных, девицы надевают „колодку". Снять колодку можно, после угощения девок водкой или конфектами.

Существует своеобразное „умыканье", вернее соперничество, когда один парень у другого перехватывает и отбивает невесту.

Свадьбы обыкновенно совершаются зимой. Сани запрягаются парой, реже гусем. Дуга обертывается кумачом. Много колокольцев, бубенцов.

Женятся рано, с 18 лет, замуж выходят—тоже, с 16 лет. Женятся потому, что дома нужны рабочие руки.

Обращает на себя вниманид обряд обтягивания новобрачных (№ 3), записанный одним из студентов ДВГУ на Уссурийском стекольном заводе.

Свадебные песни довольно типичны (№ 4, 5, 6, 7, 8, 9). В них—постоянное колебание между смехом и слезами, радостью и горем. Большинство песен недобрыми словами вспоминает сватов и свах: им в вину ставятся все несчастья настоящего и будущего, а потому на их голову сваливается много злых насмешек, угрожающих слов и недобрых пожеланий. Достается в песнях также дружкам и „боярам". Много внимания уделяется родителям, а также братьям невесты. Далее идет жених, и, наконец, в центре внимания—сама невеста. Ей песни уделяют больше всего места: лучшие слова, наиболее яркие сравнения, наиболее художественные образы идут на долю невесты, прощающейся с молодостью и девичеством, вступающей в самостоятельную трудную жизнь.

Немало в песнях места уделяется и угощению, разным закускам и напиткам, особенно караваю (№ 5).

Особенной последовательностью и живостью отличаются песни, записанные в с. Серафимовке, Ольг. р., Владив. окр. (№ 6). Плачущая девица сравнивается с гудящими пчелами, прилетающими «к ульику» и «шукающими» меда. А в дороге мчится Ваня, подгоняющий коня розгами, чтобы его невеста не досталась другому. Вот скрипнули ворота на дворе. Дочь спрашивает, не «по ней» ли приехали и, когда узнает, что «по ней», обращается к девицам с просьбой подмести улицу до конца, чтобы везти девицу «до венца». Дальше песни переплетаются, захватывая различные моменты брачного обряда: беседу девицы с братом о расплетении косы; желание ее выйти замуж; слезы родителей; разговор с конем спешащего на свадебный пир жениха; пропиванье невесты братьями; горе матери, лишившейся дочери; насмешки над сватами; плач матери, пустившей дочку «во чужи люди».

Композиция свадебных песен, стилистические приемы, языковые особенности,—все моменты формы в этом виде устного творчества отличаются наиболее четкой и совершенной отделкой.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Свадебные обряды и песни (№№ 1—9).

№ 1. Свадебные обряды в дер. Бичевой Хабаровского окр., Некрасовского района.

1) Сватовство.

Невесту едут сватать несколько человек с хлебом и водой. По окончании сватовства пьют «заручены», устраивают вечеринку. Обыкновенно, начинают гулять с субботы.

2) Подготовка к свадьбе.

Подруги невесты помогают ей готовиться к свадьбе. Приходят, убирают избы елками, на стол кладут хлебы, из которых один более узорчатый, а иногда и более сдобный. В этот каравай втыкают елку, украшенную всевозможными бумажками, цветами и калиной. На самую верхушку прикрепляют лучший цветок или звезду. Затем одевают невесту в подвенечное платье, при чем мать заплетает две косы и надевает венок. В это время невеста плачет, а подруги поют песни.

3) Приглашение гостей.

Потом отправляются приглашать гостей. Заходя в избу к приглашаемому, невеста кланяется старшему в семье три раза в ноги, целует руки. Тот благословляет ее. Потом невеста говорит: «Тату и мамо, и я вас прошу приходить к нам на веселья». И так в каждом доме. Возвращаясь домой, подружки поют песни. Поется, например, такая песня:

«Летят галочки, во три парочки,
Спереди возуля.
Как все галочки на поля сели,
Зозуля на калину.

Идут дружечки во три рядочки,
А Настунечка (имя невесты) напереду.
Как все дружечки по лавкам сели,
Одна Настенька на поленочки».

Поют и другие песни. Смысл одной из песен таков: «Ходила невеста с подружками по всем дворам звать на свадьку, нигде слезинки не уронила, а как пришла к отцовскому двору, то заплакала».

И действительно, возвращаясь домой, невеста с подругами долго стоит у ворот и плачет, пока не выйдет отец с матерью и не благословят ее хлебом. Тогда позволяют входить в дом. Подруги садятся за стол, по левую руку невесты и дожидаются жениха с гостями.

4) Жених у невесты.

Жених приходит со своими товарищами и гостями. Его долго не пускают в дом. У жениха—тоже елка, которую он приносит к невесте и ставит на стол. Жених садится по правую руку невесты, и начинается угощение. Водкой сперва угощают отец и мать невесты. Иногда гости кричат «горько», и тогда невеста и жених «подслащают».

После угощения долго гуляют. Молодежь танцует, а старшие угощаются. Часов в 12 ночи невесте расплетают косы. На середину избы ставят табуретку, а на нее кладут подушку. Старший шафер со стороны жениха танцует с невестой вокруг табуретки и пытается посадить ее, но она сопротивляется до трех раз. На третий раз он ее садит на подушку, и ей начинают расплетать косы. Косы сначала расплетает самый младший брат невесты. Подруги поют при этом песню: «Как было раньше за тобою, братик, я не ходила, тебя не просила, а теперь по двору хожу и тебя прошу: расплети, братик, косу». После трех раз брат расплетает концы кос и целует невесту. Вслед за ним подходят все подруги, расплетают по одной пряди и целуют невесту. Когда косы расплетены, старшая из свах расчесывает их и оставляет волосы распущенными. После танцуют до поздней ночи.

5) Свадьба.

На завтра утром едут к венцу в церковь. Невеста берет несколько подруг, жених товарищей. После венца едут к жениху, где родители встречают их хлебом и солью. У околицы молодежь, не бывшая в свадебном поезде, останавливает лошадей, и старший из дружек дает на водку деньгами или угощает сам. По приезде домой, снова угощаются. Только теперь возле жениха и невесты садятся не их друзья, а старики; молодежь садится далеко. Гуляют до позднего вечера, потом опять ставят табуретку с подушкой. Только уже, посадив невесту, мать жениха завязывает ее платком, как замужнюю женщину.

На другой день снова гуляют, но уже молодежь не ходит. Ей там быть не позволяется.

Записано студ. Рабочего Ф-та ГДУ
М. Ходасевич.

№ 2. Обряд свадьбы.

Во время свадьбы украпают какую-нибудь ветку цветами, сделанными из разноцветной бумаги.

Когда едут за невестой, то мать жениха накрывают шубой, дают в руки какой-нибудь горшок и насыпают туда „конфет“, медных денег, разных семян (пшеницы, гречихи, овса, ячменя) и водят кругом жениха. Подводят к какому-нибудь другому парню и спрашивают: «Он или нет?». Она отвечает: «нет»! Обводят вторично и подводят уже к жениху. Во время того, как водят мать жениха, то бьют ее кнутом.

После всего этого уезжает несколько троек за невестой. Приезжая за невестой, проезжают мимо двора и на обратном уже пути заезжают во двор. В воротах стоят несколько мужчин, которые запирают ворота, чтобы жених со своими «боярами», которых он набрал, дал им бутылку водки. Тогда они открывают ворота. Во дворе стоит группа ребят, которые требуют за невесту целую четверть спирту, иначе не пускают к невесте или ворота запирают на замок, чтобы поезд с невестой не уехал. После того, когда жених отдает спирт, ребята

уходят и где-нибудь распивают. Жених заходит в избу, садится за стол, и начинается пьянство. Во время гулянки одна из подруг невесты берет и прикалывает к шапке жениха какой-нибудь цветок. За это накладывается цена, и жених должен платить деньги, уговариваясь с подругой невесты. На тарелке или на блюде подносят ей деньги и рюмку водки, а если не берет, то какой-нибудь подарок добавляют на блюдо и снова подносят ей. После этого уезжают домой с невестой, а потом едут к венцу.

После венца жених приезжает и стоит рядом с невестой у порога. Выходит из избы мать и насыпает за шею жениху пригоршни две гречихи, а потом заходят в дом и садятся опять за стол. Затем все уходят.

На следующий день собираются девицы и ребята, приносят невесте завтрак и, погулявши несколько времени, уходят куда-нибудь и справляют вечеринку.

Старики продолжают гулять целую неделю. Ходят замаскированными мужчины в женских платьях, а женщины в мужском, при чем подмазывают лица сажей, делают усы. Ходят от хозяина к хозяину, собирают яйца, масла, муку, сметану, мясо, мед, и др. Мужчины ходят с ружьями и стреляют кур, гусей, маленьких поросят и уток. Все несут на свадьбу, где варят, жарят и едят.

Записано в с. Струговке, Покровского района, Владивостокского округа, студ. Рабфака ГДУ. А. Д. Куликом.

№ 3. Обряд обтягивания новобрачных.

(на Уссур. стекольн. заводе при разъезде Кипарисово, Уссур. ж. д.).

Мастер—стеклодув женится на девушке из соседнего села, или из места отдаленного от стекольного завода. По окончании брачной процедуры он обязан показать своей жене процесс выработки стеклянных изделий и место своей работы. Новобрачные приходят в завод. Муж дает жене объяснение производства. В это время, обыкновенно, два мастера набирают на трубки стеклянной массы, соединяют трубки. Масса, находящаяся на концах трубок, сливается. Затем ее растягивают. Получается длинная—стеклянная палочка. Эта палочка еще не застыла и обладает гибкостью. Затем они обходят с двух сторон новобрачных, держа в руках трубки. Получается круг, в котором заключены новобрачные. Через этот круг новобрачным пройти нельзя, потому что стекло горячее. Когда новобрачные заключены в круг, то обтягивающие требуют от мужа выкуп. Происходит нечто вроде торга. Когда сошлись на цене, то круг разламывается, и новобрачные делают приглашение, преимущественно старым мастерам, посетить их вечером. В благодарность за приглашение, мастера делают безделушки из стекла и дарят их «молодым». Вечером, обыкновенно происходит попойка в доме новобрачных.

Обычай обтягивания существует очень давно и свойственен каждому заводу. Выяснилось это из расспросов мастеров. Обыкновенно, ма-

стера долго не работают на одном заводе. Часто переезжают с места на место. Следовательно, этот обычай распространен на разных стекольных заводах.

Сообщ. Амеличев., ст. I курса отд. русского языка и литературы ДВГУ.

№ 4. Песни, поющиеся на свадьбах.

1) Чоho, нэнько, ходышь потыхэнько.
Чоho, нэнько, плачышь жалобнэнько.
— Ой, як мини жалко ни плакаты:
Одну дочку, дай Манюшку малу,
Дай ту взялы дай за люды одалы.
Ой, шо—ж тоби, дай Манюшка, будэ,
Як пидешь от мине в чужы люды.
Там усэ ны по нашему:
Щэ сниденья пидобиданья.
Обидаты аж у вечери,
Вычеряты аж у пивночи,
Ни выспятся твои кари очи.

2) Куда, дитя, собираешься,
Чысто било умываешься.
Ой, ни ходы, чужи люды,
Бо там тоби hорэ будэ.
Ой, hорэ крымонистое,
Там свыкруха наровыстая,
Вона-ж тоби наровы покажэ.
Як устанышь, так похылыся,
Слово скажишь, так помырыся.
— «Нэнько, моя нэнько, hолубонько,
Возьмы-ж мене дай до домочку.
Развяжи-ж мини дай hоловочку,
Бо вже-ж мини надокучило,
Столы, лавки застылаючи,
Двори, хаты вымитаючи.
Если-б моя ридна нэнько знала,
Она-б мини вечеряты прислала,
Хоть мисяцим, хоть чырницёю,
Хоть братком, хоть систрыцёю.
А сыстрыця собирается,
А братык чысто било умывается.
Братык конька сидлае,
А сыстрыци дома нымае.

3) Ой, на пролуби два hолубка сидят,
Помиж собою оны речи hоворят.
Все про добpоho про молодца,
Про Иван Васильевича hоворят.
Ой, люли, ой люлюшки,
Про Иван Васильевича hоворят.
Он бohатый разбohатый человек,
Он из тысячи на тысячу ступа.
Ой, люли, ой люлюшки, и т. д.
Красных девок он рублями одарял.
Ой, люли, и. т. д.
Понаехалы разорители мои,
Разорили родноho батюшку моho.
Ой, люли, и т. д.
Прослезили родну матушку мою.
Ой люли, ой люли, и т. д.

4) Брала нэнько лен, лен.
Вымытала дружичек вон, вон.
На що було браты,
Як не выhоняты.
Мы до тэбэ ны сами прышли,
И от тебэ ны сами пидэм.
Найми нам цимбалы,
Щоб за нами hралы,
А мы танцовалы.

5) А в нашоho свата соломяна хата.
Пусты свату нас по биhать,
Четверо-пятеро и всих дисятиро.

6) Выhрибай, маты, жар, жар,
Колы дочку жаль, жаль.
Укидай у пичку дрова
И оставайся сама здорова.

7) Поют девки парням:
«Йилы бояры, йилы,
Цилоho быка зйилы!
На столи ни крыхотки,
Пид столом ны кисточки».

8) Поют парни девушкам:
«Йилы, йилы дружкы, йилы,
Цилоho hолубка зйилы!
На столи ны кисточки,
Пид столом ны крыхотки».

9) Поют, когда замуж выходит [сирота.
«Пohлянь, чужий батенько,
Як сыротка плаче.
Вона плаче и слизно рыдае.
Батькы ныма, мамыньки ни зна.
От самоho ранку нымае порадку.

Запис. в с. Волочаевке, Некр. р., Хаб. окр.

№ 5. «Свадебная» песня:

«Каравай чапают».

Каравай мой малеваю,
Ти боhи тябе маливали,
А ти малые боженятки.
Малявали мяне сястрицы
Ув новянькой святлицы,
За тисовами сталами,
За яровой свячою,
С прячистаю святою.
Нихто же нявhадае,
Што ув нашам караван:
Сями мельниц мука,
Сями криниц вада,
Сями каров масла,
А яец павтаряста.
Дружка каравай рэже,
Дружчиха на пароh лезе,
С семярыми дятями
Ува с кашелями.
Весь каравай забрали.

А мы свашкам аткажым,
Арбуз к пузу привяжым,
Каторая ему пнеть,
hарбуз па пузу лупнеть.

А за этие hаворки
На шее вам аборки,
А за эта hаварення
На шэю вам ряпення.
А у большее свахи
hанец, як у ряхи,
hниды скачуть, вошы пляшуть,
А маленькие вашенятачки
По верху спалзають
Да hнидам памаhають.
Бегла сучка ледком,
За ей свашки рядком,
Они думали мати,
Стали сучку сосати.

Дайти свашкам сала кусок,
Штабы им сучкам язык усох,
А девачки за сталья, за сталья,
Як сучички в заhволья.

Друшки на пароhи шли,
Женяха в мяшку нясли,
А нohи тарчали,
Сабаки вирчали.

(В это время дают «дивчатам» выпить, невесту подпоясывают красной лентой, девок угоняют, а молодых закрывают в комнате).

Ни стыдна тибе, дружочик,
Што купил поясок, как матузок,
Нечим маладую падпирязать.
Дайти памялы кусок,
Сделать нявесте паясок.

А у нашиhо hосподаря
Курчавая hалава,
Он кудрями патрясет,
Как hарелочки паднясет.

Хватилася мати,
Ни вся семья в хати.
С уhарками пад лавками,
Нема дитя в хати.
Ня великая щарбина,
Што нема семьянина.

Запис. студ. ГДУ Л. Генендер в г. Никольск-Уссурийске от выходцев из Черниговской губ.

№ 6. Свадебные песни.

1. Измовины—обряд сватовства. 2. Заручены — гулянье у невесты, где присутствуют родные невесты и жених. 3. Печеhлоды—гулянье у жениха. 4. Общее гулянье после «венца» у невесты.

1. Заhули пчелочки, заhули,
К улику прилетаючи,
В улье меду шукаючи.
Плакала красна девица,
К кублику прилегаючи,
У кублика правды пытаючи,

2. Ой, в дорозе, дорозе
Привязал Ванька коника к березе,
Ломает три розги,
Сечет коника под ножки.
Беги, мой коничек, все рысью,
Чтоб моя шапка в пыль не упала,

Чтоб моя девочка другому не стала.
Ванькина шапочка в пыль не упала,
Моя девочка другому не стала.

3. Скрипнули ворота на дворе:
«Погляди мамочка, ти не по мене».
«По тебе, дочушка, по тебе».
«Да ћотуй, мамочка, кублик мне».
«Поезжай, дочушка, без кубла,
Почему мычечки не скубла?
Да было на печи не лежатя,
Да было ножками не дрыгать,
Да было ручками щевелить,
Чтоб было что в кублик положить».

4. Берите, девочки, венички,
Метите хаточку, сенечки,
Метите улочку до конца,
Повезем девочку до венца.
Та пыталася девочка у своево отца,
На что мне пытаться у отца,
Як в мене коло боку идет старши брат.
Он мене под венец подведет,
Он мою косочку расплетет.
Да упал ћребенец под столец,
Да подай, братец, ћребенец.
Да я тебе, сестрица, не паробец,
Да найми паробца чернявца,
Да найми челядку чернушку.
Да чернец требенец подает,
А чернушка косочку расплетет.

5. ћоворила бочка дубовка:
«Коли меня не выпьете,
Так я сама со двора покачусь,
Об тын разобьюсь, по двору разольюсь.
Под ворота ручеек пущу».
ћоворила Дунечка девка:
«Коли вы меня не выдадите
Я сама замуж пойду,
Сама себе жениха найду.

6. Зелена моя липочка
Все лући убелила,
Одноћо я не убелила
Зеленоћо куста.
Хоть я его не убелила,
Около нећо я сама стану.
Красная девочка всех ребят похваОдноћо я похудила. [лила,
Хоть я его похудила,
Около нећо я сама сяду.

7. Ай, заржали сивые кони в поле,
Застучали кованы возы на дворе,
Обестйлася красна девочка в тереме:
Ты не выдашь, мой таточка, ты мене.
Остается моя рюточка вся у тебе,
Моя рюточка в огороде под тынком.
Текли слезочки у моего таточки ручейком
Вставай, мой таточка, раненько,
Поливай мою рюточку частенько.

8. Детинка зоречку запрашивал:
«Свети, моя зоречка, до свету,
Пока я до девочки доеду.
Детинке зоречка сказала:
«Тоћда я тебе светила,
Коћда тебе мамочка родила».

9. Не куй, детинка, стальноћо ножа,
Подкуй детинка вороноћо коня.
Стальному ножу на столе лежати,
Вороному коню—в дорогу бежати.
Поедем же мы бором—борами,
Широкими мостами.
Бор будет шуметь, подковка звенеть,
Люди почуют—нам слава будет,
Теща почует—готовиться будет,
Девочка почует—собираться будет.
Сталы застилаты, кубки наливати.
Кубочки на стол, бояре на двор,
Кубочки со стола—бояре со двора.

10. Пропойцы, пропойцы, девочкины братцы,
Пропили девочку да за темную ночку,
За чарочку виновую девочку молодую,
За чарочку крышталевую, девочку чернобровую.
Я думала: такие люди, аж то сваты сидели.
Я думала: смеялися, ажно правду взмолвляли.
Я думала: сварилися, аж боћу молилися.
Я думала: воду пили, ажно ћорелочку.
Я думала: кружкою, ажно чарочкой.

11. Чия эта рута мята за горою
Заросла, забуяла лебедою?
Отћего девочка не полола,
Ти ты свои руки поколола?
«Девочки, подружечки,
Мне не до лебеды,

Берут мою головочку
Всё хлопоты.
Девочки, подружечки,
Мне не до рютки,
Берут мою головочку
Да все смутки.

12. Хватилася мати,
Что нема семьи в хате.
Свечками по запечками,
Сугырками по подлавками.
Небольшая щербина,
Что нема семьянина.

13. Пропили свату дочку,
На сладком медочку
Да еще на hорелице,
Свистунов на тарелице.

14. Дурни, дружки, дурни,
Что заехали в hумны.
Они думали —девка,
Аж то свинья белка.

15. Бегла сучка ледком,
За ней свашки рядком,
Они думали мати—
Начали ее сосати.

16. Летела сорока издалека,
Села на печи: «Чи-чи-чи».
Печи, мамочка, калачи,
Приедут к нам паничи,
Будут мою косочку трепати,
Станет моя мамочка плакати.
Не плачь, мамочка, по косе,
Поплачь, мамочка, по дочке,
Что кукобила, ростила
В чужи люди пустила.

Запис. в с. Серафимовке, Ольг. р., Владивосток. окр.,
М. Голубевым.

№ 7. Свадебные песни.

1. Найихалы боярэнькы з чужоhо сыла.
В одноhо боярэнька крыва hоhа,
А в другоhо боярэнька сыва борода,
А в трэтеhо боярэнька лыса hолова.
Крывой hоhой жар выhортать,
А сывою бородой пичь замитать,
А на лыси hолови боб молотыть,
Що ни куды зярнятко ны полытить.

2. Налытив чорный ворон.
Знайтэ бояры сором,
Дэсь вы дома та ны маетэ,
Що тут пожыраетэ.
Дэсь ваша маты ны топила,
Обидаты ны варыла.
Дэ котори биитэся боhа,
Та найижтэся дома.

3. Старша дружка стужка,
А другa коробка,
А трэтя колодка,
А чэтверта дaты водыть,
Тай щэ в дружкы ходыть.

4. Налитилы совы з чужой стороны.
З довhымы носамы,
Тай нас покусалы.
Ваш князь ны моторный,
Стоить, як пэнь чорный,
А наша княhыня
За столом, як калына.
Наш князь бо моторный,
Стаит чорнобровый,
А ваша княhыня
За столом, як дыня.

Запис. С. Е. Кмитовенко в с. Милоградове, Ольг. р.,
Влад. окр., от старых жителей, приехавших на ДВ в 1899 г.
из Киевск. губ.

№ 8. Свадебные песни.

1. Среди поля ивенька,
Под ивенькой горенка,
Во горенке вдовушка.
У вдовушки девица,
Невиличка маленькая,
Круглолица бастенькая,
В косе лента алая.
Села девка браво,
Рвала цветы алые.
Плела венки златые,
Кому венок достанется.
Достался венок старому,

Не милому сушителю.
Суши, суши девицу,
Невеличку маленку,
Круглаличку бастеньку.
В косе лента алая,
Сама девка бравая.

2. Па садику шла,
По зелену гуляла.
Изюм ягоду брала,
На бело блюдо клала.
На бело блюдо клала,
На серебряный поднос,
Кто бы милому поднес.
Я насила ко милому
На высокий на терем.
Милый ягод не примает,
Ничего со мной не бает.
Я поставила на стол,
Отдала низкой поклон.
Сама с терема долой,
По лесенке по новой,
По чистовой дубовой.
Я на лесенку ступила,
Призадумалась.
Я на другую ступила,
Воратилася назад.
Слово выговорю,
Дружка выругаю:
«Ох, ты миленький-милой,
Друг сердешной дорогой,
Ты не ходишь ли к другой,
Ты не хвалишься ли мной,
Моей русою косой.
Моя русая коса
Всему городу краса,
Молодушкам сухота
Красным девкам честь—краса.

3. Как на речке,
Как на Казанке
Купался бобер;
Купался, купался,
Да не выкупался,
Весь охлюпался.
На гору збежал,
Отряхивался.
Охотнички рыщут,
Черного бобрика ищут.
Хочут бобра бить,
Хочут истребить,
Конью шубу сшить.
Конью шубу шили,
Рукав не дошили,
Бобриком пушистым.

4. Где это видно,
Где это слыхано,
Чтобы курица
Бирюка родила,
А поросеночек
Яичко снес.

5. Раскурмился таракан, таракан,
Скроил Дуне сарафан, сарафан,
Китайчатый голубой.
Пошла Дуня за водой, за водой,
Вдоль улицы мимо кузницы.
Во кузнице молодые кузнецы,
Они куют, приговаривают,
Суля мне котовы башмаки.
Мне не надо котовых башмаков,
Скуйте ружье, мушкатан.
Стара мужа ушибу, ушибу,
На белой свет я не пущу, не пущу.

6. У Варварушки сын Иванушка,
Сын Иванушка пивоварушка.
Пивовар пиво варил,
Зелено вино курил.
Вы пожалуйте, ребята,
На пивоварню на мою.
У меня на пивоварне
Пиво пьяно на ходу,
На сладком на меду.
Девки с нами, молодушки с нами,
А старых старушек не надо нам,
Старых старух на посыпку молоть,
Козлам посыпать.

7. Оринушка, Фомина вдова,
По сеночкам ходила и гуляла,
Мила дружка будила и просила:
Встань, Иванушка, послушайся меня,
У меня в доме нет никого,
Одни маленьки ребятки спят.
Они спят не пробудятся,
Пробудятся не вздоганутся,
Вздоганутся—раскуханутся.

Запис. студ. Генендер в г. Никольске-Уссур. от выходцев из с. Кукмары, Вятск. губ.

№ 9. Свадебные „висильни письни“.

1. Ой, выиди, матка, поhляди,
Вой! што мы цябе привязли,
Привязли скрини, пярини
Молодые княhини.

2. Под хатаю, под свитлицею
Стоит вырба с расыцею.
Ох! хто цу вырбу дай зрубае?
Ох! хто цу росу позбырае?
hрыцко вырбу дай зрубае,
А Марына росу позбырае,
На вылочке позлывае.
Красуйся, красуйся, мое вылочко,
Як в батька красовалася,
Що субботи умывалася,
На улицу собиралася.

3. Що у нашоhо свата
С вырбы, с лозы хата,
Синци с бэрэзы,
Наши дружки твэрэзы.

4. Що за hоры hуска литила,
С перцем капуста кппила,
С перцем ни с перцем,
А просим щирым сэрцем.

5. До нас хлопци,
До нас хлопци,
До нашоhо збору,
Наварымо варэников
С собачэhо здору.

Запис. студ. Рабф. ГДУ П. Хрипко в пос. Широкая Падь, ок. ст. Кангауз, Уссур. ж. д., во Владив. окр.

§ 5. Похоронные обряды и причитания.

Похоронный ритуал не занимает сколько-нибудь широкого места в Приморье. Это и естественно. Переселенец, кто бы он ни был, земледелец ли или работающий на промыслах, самым ходом жизни поставлен в такие условия, которые воспитывают в нем более упрощенный взгляд на жизнь и ее отправления. Не до праздников ему среди тяжелых условий колонизационного существования, и не до пышных торжественных похорон с соблюдением различных обрядов.

Революция, открывшая переселенцу глаза на предрассудки и суеверия, тем самым еще более способствовала упрощению форм жизни.

В поездках по Приморью нам не приходилось наблюдать случаев выполнения старых обрядов. Из расспросов жителей различных местностдй, различных поколений выяснялось, что эти вопросы стоят как-то в стороне от внимания трудового населения.

Отдельные привычные обряды (№ 1 и 2) и одно причитанье (№ 3) по умершим родителям приводится нами из материалов, записанных в Приморье.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ 1. Обряд похорон.

Если помирает кто-нибудь, его ложат на диван или на стол в почетном углу комнаты, складывают ему руки крестом. При выносе из дома, где лежал покойник, бросают ему в гроб деньги. В церкви же в гроб ложат земли небольшой комочек. Когда тело «захоронят», то «ближние сродственники» берут с его могилы небольшое количество земли, завязывают ее в тряпку и тот узелок вешают на шею.

Запис. студ. Рабф. ДГУ А. Белосорочка в с. Черниговке, Черниг. р., Владив. окр.

№ 2. Тоже.

Когда умрет кто-нибудь из семьи, то к животу привязывают ему сшитый из материи пояс, зашивают в него несколько копеек для того, чтобы мертвый на том свете выкупил себе место.

Если умерший имеет долги, то ему насыпают в гроб семян мака, чтобы он на том свете расплатился.

Записано в с. Струговке, Покровского района, Владивостокского округа, студ. Рабфака ГДУ А. Д. Куликом.

№ 3. Причитание с безголосных могилок.

Чесныя радитили, ляжыти вы ф сырой зямле. Што слово вы прямовитя, так што начальником и нахальником на раба божыго (имя) слово ня haварыть.

(Три раза взять по три горсти земли, три раза повторить причитание и три раза вокруг себя обсеять).

Записано со слов «шаптухи», выходицы из Черниговской губ., студ. А. Генендер в г. Никольск-Уссурийске.

§ 6. Другие обряды, обычаи и песни.

В жизни человека, в том числе и в жизни трудового населения Приморья, несомненно, встречается еще не мало обрядов и обычаев, которыми обставлена его жизнь.

Рождение на свет ребенка, наречение ему имени, крещение, различные моменты его роста—все это бывает связано иногда с обрядами, обычаями, приметами.

Не ставя для себя специальной целью изучение этого явления или явлений, мы отмечаем лишь то, что попутно удалось подметить и записать.

Здесь приводится ряд мелких обрядов (№ 1) и одна песня, в которой описывается «бабуся», «бабка—повивалка», как их называют в др. местах, спешащая к роженице, чтобы принять от нее младенца (№ 2).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ 1. Мелкие обряды.

Когда в семье есть маленький ребенок, то в первый день его рождения нельзя никому давать ничего, кто бы ни был, а также нельзя возвращать и чужое, несмотря ни на какие уважительные причины.

Не заглядывать вечером в окошко, чтобы ребенок ночью не плакал.

Не показывать ребенку зеркало, чтобы во сне ночью не кидался.

Записано в с. Струговке, Покровского района, Владивостокского окр., студ. Рабфака ГДУ А. Д. Куликом.

№ 2. На крестинах.

Нэй стук стучит
И не hрюч hрючит.
Эта Алешечка по бабусю идеть.
А бабусечка да и даhадлива,
Да и сама пашла
В адном чобате да и бес пояса.
Да несе с собой три прастиначки,
Да и, прасти боже,
Да три душечки,
И старенькую и маленькую,
И Марию малоденькую.

Запис. студ. ГДУ Л. Генендер в окрестн. Никольск-Уссур. от выходцев из Черниг. губ.

III. Внеобрядовая лирика.

§ 7. Общие положения и деление.

Обрядом, праздником весь круг жизни различных слоев трудового населения не охватывается.

Основа жизни трудового населения — труд в его разнообразных видах, труд постоянный, повседневный.

Эта разнообразная, собственно бытовая область жизни — в различном виде, различных формах труда, в семье, разлуке, жизни на «чужбине», в различных видах отхожих промыслов, в минутном отдыхе и снова в тяжелом труде—тоже отражается в устном творчестве, в песне.

Внеобрядовая лирика прочно и всесторонне охватывает крестьянский быт, с его радостями и трудностями, со всем укладом семьи, с трудной замужней жизнью женщины, и т. д. Это — *бытовая* лирика, в широком смысле слова.

Различные виды промысла — горный, рыбацкий, таежно-охотничий—тоже выступают в песне, составляя собой как бы второй отдел, отдел *промысловой* лирики.

Тяжелая *солдатская* доля, трудности *казачьей* былой службы в приграничной полосе, без особых земельных угодий, среди постоянных опасностей, больше на коне—эти темы также входят в состав внеобрядовой лирики.

Наконец, особые, выходящие из норм явления жизни, — *тюрьма* и *бездомная* жизнь беспризорника также находят отражение в песне.

Такова широкая тематика внеобрядовой лирики Приморья.

Внешне, в форме исполнения, внеобрядовая лирика обставлена, кажется, не менее разнообразно, чем и обрядовая поэзия.

Эти песни распевались и распеваются в одиночку и коллективно, на работе в поле, и на «вечерницах»; распевались казаками во время походов и поездок; распевались невольниками за тюремной стеной; распеваются беспризорниками на городских улицах.

В старые бытовые формы властно врывается новая жизнь. Новая жизнь по разному отражается в нашем быту, в частности в быту сельского и городского трудового населения. Старые поколения деревни оказывают своеобразное сопротивление, принимающее подчас уродливые формы.

Своеобразная психология скрывается, например, в обычаях типа деревенских «субботнин». Несомненно, что этот обычай, отличающий-

ся и по самой сущности от традиционной обрядности, явление нового времени в большей степени, чем старого. Он представляет собой своеобразную реакцию против вовлечения деревенской женщины в общественную работу. Социально-психологическая сущность его реакционна. Трудно, однако, сказать моментами, чего здесь больше, неудовлетворенности ли традиционными, уже до очевидности устаревшими рамками деревенской семьи с забитой бесправной женщиной, чувствующей себя привольно лишь в среде себе подобных, или недовольства новыми веяниями, нахлынувшими на деревню и год от году захватывающими ее все шире и глубже.

Можно отметить, что этот обычай, описанный в с. Анучине Владивостокск. округа, встречается, как нам удалось установить, и в др. местах ДВК. Обычай, описанный в с. Анучине Е. Ковалевым, так и называется — «субботницы».

„Субботницы“ в Приморье — гуляющие женщины. Это — «бабьи вечорки». Раз в месяц или и чаще они собираются у одной из своих подруг. Садятся за столом, под образами. На столе — водка и закуска. Во время закуски передаются очередные деревенские новости. Беседа проходит под таким лозунгом: «Лучше пусть пьем, да не бродим по всяким собраниям. Вот бабье собрание». Потом начинается пение: «Гуляй, моя милая, красавица моя». Грустные переливы заунывно тянутся несколько минут и обрываются. Печальный напев пробуждает давно забытые старые горькие воспоминания. Затем бабы по очереди танцуют. Позднее бабы расходятся по домам с разухабистой песней, в которой деревенские женщины сами горько смеются над своей долей.

Но типичнее, характернее для Приморья не эти гулянки потерявшей старые устои и еще не нашедшей себя женщины. Типичнее — «вечерницы», «вечорки», летние гулянки, особенно в предпраздничные вечера, когда, после трудового дня, собираются парни, парубки, и девицы, дивчины, «побалакать», попеть, повидаться со своими «любыми», и излить в той же песне — и горе, и радость, и неудачу, и счастье, и «проклятую долю», и «сладкую» любовь.

Нужно заметить, что с точки зрения психологической настроенности в разбираемой в данном разделе длинной песне больше застойности, традиции, чем, например, в короткострочной частушке, где живее, ярче схватываются элементы нового, светлого, революционного.

Стиль и структура приводимых и разбираемых далее песен разнообразны и разнородны. Песни принесены нашими крестьянами с различных сторон: здесь и Дунай, и Дон, и «Кубанюшка», и Волга; здесь и степь, и горы, и леса, и озера; здесь отголоски и лютой стужи, и мягкой южной природы. Они, эти песни, созданы и создаются разными национальностями, в которых еще не стерлись те черты, которые не только по внешнему типу отличают одних людей от других, но и вносят различный темперамент в песню, различный язык, разнородную ритмико-синтаксическую структуру. Получается узорчатая кар-

тина, то со стершимися крайностями, то несколько потускневшая, то недоделанная. Везде и на всем, на всей форме песни Приморья лежит ясная печать своеобразного процесса ассимиляции, в широком смысле слова, но ассимиляции часто только начавшейся и во всяком случае незакончившейся. В такой песне найдет родные для себя ноты переселенец из Киевской, Полтавской, Черниговской, Пермской, Новгородской, и др. губерний и областей, и в то же время каждый из них скажет, что это не совсем то, к чему он привык с детства, что он считает своим.

Для существа песни это значения не имеет, но исследователя это явление ставит в затруднительное положение, приучает его самого к осторожности и побуждает исследователя призвать к этой особой осторожности всех, кому придется столкнуться с могучим и социально жизненным процессом скрещивания различных элементов прежних национальностей в единый сложный и узорчатый организм, что мы и видим ясно на берегах Тихого океана.

Весь раздел внеобрядовой лирики удобнее всего, нам представляется, разделить на следующие части, по которым в отдельности и разобрать:

1) бытовые песни,
2) промысловые песни,
3) воинские песни,
4) песни тюремные и песни беспризорников.

§ 8. Бытовые песни.

Бытовая песня охватывает различные моменты крестьянской жизни. Но справедливо, нам кажется, сказать, что центральными темами являются *любовь и семья*.

Рамки семейного института—традиционны и застойны. Не так часто любовь парня или девушки находят для себя естественное и скорое разрешение. Различные причины, как-то социально-экономическое неравенство, бытовые разногласия, семейные неурядицы, домостроевская закваска в родителях, и др. препятствуют естественному союзу любящих друг друга парня и девушки. Получаются конфликты и, как результат их, или трагедии или чаще несчастная семейная жизнь с нелюбимым мужем или с немилой женой.

Очень трудно семейный институт поддается влиянию времени, новых социальных веяний революционного периода. Нелегко прививается в нашей деревне новый, основанный на свободном и равноправном выборе, институт брака и семьи.

Еще труднее поддается влиянию времени словесное творчество, песня. Уже в жизни многое изменилось и изменилось радикально, а песня бытовая все еще поет о старом, о традиционном, о сделавшемся иногда скорее предметом истории, чем фактом жизни.

Приводимые в дальнейшем бытовые песни собраны в различных уголках Приморья. Часть песен записана в с. Волочаевке, Некр. р., Хаб. окр. (№ 1—16), населенном в значительной степени кубанцами,

другая часть записана в с. Спасском, Спасск. р., Влад. окр. (№ 19—27), населенном в значительной степени черниговцами и киевлянами; еще часть записана в дер. Покровке, Калин. р. Хаб. окр. (№ 28 — 39 и 57—61), населенной в значительной стенени полтавцами; еще часть записана в Ольгинском и Сучанском районах Влад. окр. (№ 41, 45—56); часть записана в Суйфунском р., Влад. окр., и в г. Никольске-Уссурийске (№ 42—44), и в др. районах, смешанных по своему населению.

Даже самый поверхностный просмотр песен говорит о различной композиционной основе, о различных стилистических приемах, о разнообразном языке, начиная с довольно чистого украинского, продолжая акающими южно-русскими, заканчивая окающими северно-русскими говорами и смешанного типа городскими языковыми новообразованиями.

На форме некоторых песен лежит печать довольно глубокой старины и наивного анимизма (№ 18, № 1—16), другие песни, наоборот, говорят о влиянии новых приемов, более близких к искусственной литературной форме (№ 51—53, 55—56, и др.).

На ряду с отголосками преданий о Дунае, Кубани, Днепре, мы встречаем ясные указания на приморский район, на ряду с чумаками мы встречаемся с матросами, товарами, колечками и платочками.

Но основным сюжетом и основной темой остаются те же, т. е. любовь, брак и семья.

Дочь просит родителей не разлучать ее с милым, которого крепко полюбила (№ 2—3). Молодец разговаривает с орлом о своей милой (№ 8). Милая не выдерживает разлуки с молодцем и идет на поиски его (№ 10, № 61). Девушка готова отдать милого за другую, а сама умереть (№ 11). Люди осуждают за любовь (№ 14). Нередко, под влиянием этих пересудов, девушка решается по песне утопить младенца в колодце или в реке (№ 7, № 9 и 48). Нередко в подобных несчастьях виноват в песне и милый, который идет проститься перед женитьбой со своей милой, так как он женится на другой, а ее оставляет (№ 12).

Реже в песнях встречаются мотивы, говорящие о том, что девицу никто не любит, и красота ее зря увядает (№ 21). Иногда и сама она не может решить вопроса—любить или не любить (№ 23).

Гораздо чаще поется в песнях о несчастной женитьбе или выходе замуж (№ 1). Иногда муж готов лучше итти на военную службу, чем жить с немилой женой, и просит смерть умертвить его жену (№ 5). Достается в песне и ревнивому мужу, который не дает никакой свободы жене (№ 16).

В отдельных песнях слышится своеобразный юмор и сатира на любовь, брак и семейную жизнь (№ 6, № 27, № 21). Значительное число песен посвящено веселым мотивам, распеваемым во время вечорок, часто с припевами, под приплясыванье и танцы (№ 33 — 39, № 63, и др.).

Образ матери занимает также в песне не последнее место и мотивы, связанные то с тем, что мать отдает свою дочку за нелюбимого (№ 65), то с тем, что мать, выгнанная женатым сыном, находит себе приют у дочери (№ 62), и др.

К форме записи песен необходимо заметить, как и раньше, что некоторые из них записаны с недочетами, неполностью, в измененном виде.

Там, где это можно было, нами внесены коррективы путем непосредственной проверки.

ПРИЛОЖЕНИЕ (№№ 1—65).

Бытовые песни.

1. Ой, ны жалко да мини ныкоho,
Тильки жалко мини дай отця своho,
Ожынив вин мэнэ малолетнeho,
Малолетнeho, малоумноho, щэ ны разумноho.
Ой, узяв же мини жинку ны домовую и ны доразумную.
Ой, ны сноп связать и ны слово сказать.
Ой, як сноп свяже, вин развяжыться,
Слово скажэ — ны наравится.
Як пиду я в Китай hородок щэ на ярморку.
Закажу корабль за сто двадцать рублив щэ с полтыною.
Псажу я жинку щэ з дытыною.
А жина сыдит, як свича hорыт,
А дытыночка, як картыночка.

2. Ожынывся комар, ожынывся,
Взяв соби муху нывмывану:
Ны жнэ, ны прядэ, ны билыться.
Ны в чему комарыку приходыться.
Ой, задумав комар свое hорэ.
Ой, знявсь, полытив в чистэ полэ.
Ой, сив же комар на дубочку,
Свишав свои билы ножкы до долочку.
Да взялася шуря-буря,
Комарыка з дуба здула.
Ой, упав же комар на помосте,
Розбыв, поломав свои кости.
Ой, найихалы, паны-паны hэныралы.
«Ой, ще-ка це лыжить за звирище,
Чи староho заповеду козачище,
Чи князь, чи царь, чи полковник.
Ны князь, ны царь, ны полковнык,
А старой мухы полубовнык.

3. Ой, сырву я с розы квитку, дай пущу на воду.
Плыви, плыви с розы квитка, а незнакомоho роду.
Вышла маты воду браты и квитку спиймала.
— Оце-ж квитка дони моей на води завьяла.
Дэ-ж ты, доню моя люба, дэ-ж ты прohуляла.
— Ны дэ-ж, мамо, ны дэ-ж мило, ны дэ-ж ны hуляла:
Попалася я в вражьи рукы и на вик пропала.
Быры-ж, маты, тую воду, що я наносыла.
Зовы, маты, того-ж зятя, що я полюбыла.
Ны ризлывай же, маты, той воды, що я наносыла,
Ны разлучай мэнэ с мылым, що я полюбыла.

4. По улицы зашумило,
Знать пиду я туды смило
И выбиру соби пару:
Лет симнадцати дивчонку
Чорны брови, як шнурочек,
Било лычко, як платочек.

5. Ой на hорки на крутой там Ванюша стоял,
Там Ванюша стоял, соловэйко пытал:
Соловэйко малинький, у тэбэ hолос тонынький.
«Защэбэчишь ты мини, шо я в чужый сторони,
Шо я в чужый сторони, ныма роду при мини.

Ныма роду ны отця и никому журытыся».
Сам заплакав, зажурывсь, шо молодым ожинывсь.
Ни домыслив я жинку взять; мэнэ батько принуждае,
А мамынька призывала, щэб нас парочка була.
Я ны хочу с нэю жить, буду в армии служить,
Буду в армии служить, на жину смэрти просить.
Ой, смэрть моя часова, ны минуй моно двора,
Умыртви мою жину, чирняву молоду.
Красни поты набыру и на лавци покладу.
Щэ ударю кулаком, щэб ны звала дураком.
И в садочку схороню, виноградои обсадю.

6. Дед рудый, баба руда,
Батько рудый, маты руда,
И я рудый, руду взяв,
Рудый пип нас винчав;
Руда музыка играла,
Руда челядь танцовала.
Одно було манысыньке
Да и тэ соби рудэсыньке.

Запис. студ. Рабф. ДГУ Проценко в с. Волочаевке, Некр. р., Хаб. окр., от крест. А. Артеменко, пересел. из ст. Ивановки, Темрюкск. окр., Куб. обл., в 1908 г.

7. Ох, ты коваль коваленко,
Чи ты не куешь рано параненько.
Чи у тебе зелеза ня мае,
Чи у тебе стали ня хватае,
Чи у тебе дивчины ня мае.
Есть у мене душа Катерина,
Вона мене славы наробила:
Из вечера дытыну парадила,
Из пивночи в крыницю утопила,
А, як свиту, уже боно прасила:
Нашли, боже, снеги да марозы,
Да заняси паля да дарони,
Шоб не зналы, куда я ходила,
Шоб не зналы, шо я робила.

8. Шо на речушке да на Кубанюшке
Там купався чабан са сизакрылым арлом:
— Ох, ты, арел, ты, арел, да ты таварищ мой!
Ты высоко лятаешь да ты высоко видаешь.
Чи ни быв ты, арел, на маей старане,
Чи ни журится моя мила аба мне.
— Вона журится, пабивается,
Ще-ж гарячий слезой абмывается,
Тонким шитым рукавом утирается,
За табою миленьким пабываится.
Маладец, маладец, ты бири острый меч,
Ты бири острый меч, рубай да голову из плеч.

Запис. студ. Рабф. ГДУ А. Проценко в с. Волочаевке, Некр. р., Хаб. окр., от крест. Гр. Павл. Кошель, 67 л., пересел. из Понуревск. вол., Старод у., Черниг. губ.

9. Пошли наши рыбалачки рыбачки ловить.
Ни паймали щуку—рыбу, паймали лыня.
Разгляделися, рассматрелися, аж малое дятя.
Взяли-ж тоно малютачку на казенный двор,
Палажили-ж малюточку на убранный стол.
Да-й ударили рыбалачки да в бальшой калакол.
— Сабирайтися-ж, дявченачки, да на пярябой.
Каторая дявченачка сына радила,
Ны пустыла на беленький свет,
В ричку утапила:

«Плыви, плыви, малютачка, за леһкае пяро,
Шоб на мяне на дявченочку славы ня было».
А в няделькy рано параненько в звоны зазвонют.
Даж вже-ж тую дявчиночку под наказ вядут.
За нею идут отец и мать, и плача рыдают.
— Ня плачь, маты, ня рыдай, маты,
Нас еще дома пяты.
Ни пущай на досвиткы, ныхай дома спят.
На досвитки чужа мать ныхай кладе дома спать,
Коло каждай дявчиночки—хлопчикав па пять.

10. Як паехав миленькай на Вкраину,
Не на довһое времячко, ой на всю зиму.
Ждала, ждала девочка ни даждалася,
Паслала висточку—ни даслалася.
— Сама пойду, ох дявченочка, далинаю до милоһо,
Далинаю широкаю, чистым полем.
Во полюшке травушка зяленая,
На травушке цвятки һалубые.
Рвала, рвала цвяточки ни зарвала,
Ляһла на край дароженьки да палижала.
Ехав мой милянький да становився,
На беленько личко подывився.
Знакомае личинько поһыбае,
Такае знакомае, як мылая.
Визьму-ж це я лыченько да и с собою,
Привязу до доменьку—не һоворе,
Пасадив за столичек—не промовле,
Прихилив һоловочку—прихилилася,
Оце-ж мая мила—дай ще-ж дараһая.

11. На базаре на рыночке девка мядок прадае.
Я спрасил яе напиться—вана мене не даеть.
Я спросил яе са мною прайтися,
Вана са с радастью идет.
Я же не ведала, падружки, якова у свети любовь.
Ну-ж теперь же паведала, есть мучитель дараһой.
Спомни здумай, друһ любезный,
Свою прежню да любовь.
Как мы с табою абищалися
Друһ дружка век любить.
Ну, теперь же шо случилось,
Милый словечко зминив.
Вон зминив священу клятву,
Сам жанився на друһой.
Жанись, жанись, друг любезный,
Жанись, радость, дараһой.
Ты засватаешь нявесту,
Но я буду слезы лить.
Вас повязут в белу церкву,
Миня младу понясут.
Вас поставят в церкви рядом,
А я млада пред табой.

11а. Пасматрю я в ту старонку,
Һде мой миленькай живет.
Живет миленький дружочек
В чужой дальней стороне,
В славном городе Москве.
Скоро сделала сагласье,
Луче було обождать,
Чем теперьче век страдать.

12. Ты рябина моя кучеревая,
Ты коһда же взошла, когда выросла.
Над крутым бережком стоя высохла.
Я сидела млада позно з вечера,
Зажһала свичку з воску яроһо,
Дожидала дружка разудалоһо.
И шумэ и гудэ, по дорожки иде.
То ни вор иде, ни разбойничек,
А идет до мене полюбовничек.
Он ни в һости пришов, ни вһоститися,
Пришов до мене распроститися.
Ты позволишь, серце, ожениться.

Ты жанись, ты жанись разбисовисна,
Ты бери ни молоду солдаточку,
У соседа дочку мою подружечку.
То в одной школи мы вучилися,
Под одним пиром расписалися.
На ћолову вянцы наденут
В одно времечко с тобой,
Шо на тебе залатые, а на мне ћро-
Вас повядут у святлицу, [бовые.
Меня-ж у темнаю ћрабницу.
Ты будешь любоваться младой жа-
ной своей,
А я буду приклонятьея ћробнице
частовой.
Приходи-ж, друг изменник,
Ты ко ћробу моему.
Прочитай ты, друћ любезный,
Золотые лентера.
Золотые лентера, что красотка я була.
У Биссарабии радилась, у Мало-
россии взрасла,
Шо в станице Ивановки я от любо-
ви помирла.

13. Снежки белые пушистые призакрыли все поля,
Одно поле ни закрыто—поле батюшки мово.
Среди поля есть кусточек одинохонек стоит,
К земле ветошок ни клоне и листушек на нем нет.
Хто ни думает жиниться, тот счастливой человек.
Хто в любови ни страдае, тот спокойно живет век.
Но я девка молодая родилась на свет.
Нихто девочку ни любя, нихто замуж ни бирет.
Пойду с горя в чисто поле во зеленый сад гулять.
Во зеленом во садочку тоску скуку рассевать.
Ты расти, расти кручина, выростай моя печаль.
Пойду с горя в чисто поле, стану я на бугорок.

14. Полно, полно нам с тобою знаться.
Про нас люди судят, шо я тебе
люблю.
Люблю девочку, люблю красную,
Ще и любить буду.
Ще у поли, поли, на поляночки,
В зеленом садочку там стояло
И выростало-ж тонкое дерево.
То ни дерево, ни елина—беревочка
Як на той-то белой березе [бела.
Сидев сизый голубочек,
То ни голубь ни голубочка,
Тож удалый голубочек.
Перед голубочком сизая голубочка
Жалобно бирначе,
Перед молодчиком красна девка
Все силненко плаче.
Ни плачь, девка, ни плачь красна,
Заброшу любити, и буду дуру бити.
Ой, побью девочку, ой, побью красну,
При всем при народе, в большом
караводе.
15. Цвилы в поли ћалые цвиточки,
Типерь посыхают,
Любыв паринь красну девку,
Типерь спокидае.
За што про што милый спокидаешь,
Али у чем замичаешь.
Счасливый тоби путь дорожны,
Куды задумаешь.
Ой, да задумав милынький дружочек
В Питер—городочек,
А я млада одна остаюся,
ћоря набируся.
Ой, да як пиду з ћоря в чисто поле
В широко раздоле.
Што-ж у поли в широком раздоли
Стоить кущ калыны.
Ой, да зрублю, зрублю чирвону калыну
Пид самый коришочек.
Уверну-ж я тую калыну
У шолковый платочек.
Ой, да-ж посадю чирвону калыну
В саду под оконцем.
Росты, росты, чирвоня калына,
Тилько ни шатайся,
Живи, живи, красна девка,
Живи ни пичалься,
Живи ни пичалься,
И у тоску ни вдавайся.

Запис. А. Проценко, студ. Рабфака ГДУ, в с. Волочаевке, Некр. р., Хаб. окр.

16. До ворот hусли вдарили, ох, вдарили, вдарили.
Ох, леф, леф, леф вдарили (2 раза).
Про мяня младу баяли, ох баяли, баяли.
Ох, леф, леф, леф баяли (2 раза).
Что у меня-ж младой муж рявнив.
Ох, муж рявнив, муж рявнив.
Ох, леф.., и т, д.
Да на улицу ня пущая, ня пущая.
Ох, леф..., и т. д.
Ох, как пустя, то приhрустя.
Ох, леф..., и т. д.
Уж как я млада hулять пайду,
hулять пайду, hулять пайду
Ох, леф..., и т. д.
Ужо кочет поет, яж ня иду,
Я-ж ня иду, я-ж ня иду.
Ох, леф..., и т. д.
Уж второй поет, я-ж ня иду,
Яж ня иду, я-ж ня иду.
Ох, леф..., и т. д.
Уж как треть поет да я-ж пайду,
Уж я пайду, да я пайду.
Ох, леф..., и т. д.
Дома муж сярдит руhаятся,
Руhаятся, руhаятся.
Ох, леф..., и т. д.
Уж где-ж ты, шельма, шляяшься,
Шляяшься, шляяшься.
Ох, леф..., и т. д.

17. Ой, папироса, друг мой тайный,
Да как тибя да ни курить.
Когда курю, то дым свывается в кольцо
Малаша шьет, шитье бросает,
Ей не весело сидеть.
Возьму я карты, поhадаю,
Что в жизни сбудится со мной.
Что в жизни сбудится, случится,
Карты правду да hоворят.
Четыре выпало валета,
Да посредине туз червей;
Десятка треф, король бубновый,
Настоящий милый мой.
А милый пишет мне записку:
«Ты мне больше не нужна,
Я нашел себе другую,
Сама собою хороша».
Один кричит: «Мамаша, чаю!»
Другой кричит: «Я спать хочу!»
А третий сидит и з hинтарой,
Подай-ка трубку табаку!».

Запис. студ. А. Проценко в с. Волочаевке, Некр. р., Хабаровского окр.

Старинная песня.

18. Жила вдова на Дунаю,
Тай ни мала талану.
hей, hей воhда лулей.
Тай ни мала талану,
По Дунаю ходила,
Два синочка сродила.
Да, hей, hей, воhда лулей.
Два синочка сродила,
Два синочка сродила,
И Ванушу, Василя.
hей, hей, воhда лулей.
И Ванушу, Василя,
И Ванушу, Василя,
У китайку сповила.
hей, hей, воhда лулей.
У китайку сповила,
У китайку сповила,
До Дунаю понисла.
hей, hей, воhда лулей.
До Дунаю понисла,
До Дунаю понисла,
В Дунай речку бросила.
Да hей, hей воhда лулей.
В Дунай речку бросила.
Ох, ты, речушка Дунай!
Як колышышь той hойдай.
hей, hей воhда лулей.
Як колышышь той hойдай,
Як колышышь той hойдай,
Моих диток забавляй.
hей, hей воhда лулей.
Моих диток забавляй,
А ты, жовтая сока,
Давай дитам молока.
hей, hей, воhда лулей.
Давай дитам молока,
А и жовтонкой писок
Доhлядай моих диток.
Да, hей, hей воhда лулей.
Доhлядай моих диток,
А ты сиче ни сичи,
Моих диток ни збуды.
Да hей, hей воhда лулей.
Моих диток ни збуды.
Заклялася удова,
Што по воду ни пиду.

Да hей, hей вohда лулей.
Што по воду ни пиду.
В двадцать первому hоду,
Пишла (в)дова по воду.
Да hей, hей, вohда лулей.
Пишла вдова по воду,
Стала вдова воду брать,
Став карабил припливат.
Да hей, hей, вohда лулей.
Став карабил припливат,
Став карабил припливат,
Ниhде вдови воду брат.
Да, hей, hей, вohда лулей.
Ниhде вдови воду брат,
Один сидит узаду,
Тай росчисуе косу.
Да, hей, hей, вohда лулей.
Тай росчисуе косу,
Друhой сидит впириду,
Тай роспитуе вдову,
Да hей, hей, вohда лулей.
Тай роспитуе вдову:
«Ой, ты, вдовушка вдова,
Чы пайдош ли за миня?»
«За одноho сама иду,
За друhoho доч даю!»
Да, hей, hей, вohда лулей.
«За друhoho доч даю.»
«Ох, ты, вдовушка вдова!
Дурна твоя hолова».
Да, hей, hей вohда лулей.
Дурна твоя hолова.
Якой сичас свит наста,
Сын же матири не взна.
hей, hей, вohда лулей.
Сын же матери ни взна.
Яки сичас попы стали,
Сыстру с братом извинчали.
hей, hей, вohда лулей.
Сыстру с братом извинчали.
Ходит сестра в манастыр:
Нихай нам же boh простит
Да, hей, hей, вohда лулей.
Нихай нам же boh простит
Ходит сестра в леси.
Ныхай асы-ж звирь поисц.

Запис. в дер. Невской, Спасск. уезда, Приморск. обл., (теперь Спасского Рик'а, Владив. округа).

19. Витэр вие, да витэр вие, повывае,
Маты дочку да про жытя пытае.
Спытай, маты, да сироhо утяты,
Сирэ утя да на мори ночуе,
Воно-ж мое да всэ hорэ чуе.
Пэрвэ hорэ да дытына малая,
Друhэ hорэ да свэкруха лыхая,
Трэте hорэ мой мылый рэвнивый.
Сам вин идэ да у поли ораты,
Мэнэ бэрэ волы поhоняты.
Ой, hэй волы, да ой hэй полевые,
Вэрнить мои да лита молодые.

Запис. в с. Спасском, студ. Ф. Кобыща.

20. Дэсь поихав милой на морэ hулять,
Меня самую бросив дома hоривать.
hоривала я ничку, hоривала я дви,
На трейтую ничку выйшла на вари,
Подывилась: на мори плывуть корабли.
На тых кораблях виют паруса,
Ой, болит мое сердце, вьяне душа.

21. Запрэжу я трое коний,
Та вси воронии,
Тай пойду паhаняты.
Лита молодии!
Лита мои молодии
Марно пропадають,
Лицэ билэ, брови чорни
Од витру лыняють.
Тай наhналы
Лита мои молодии
На зэлэном дуби,
Лита мои молодии
Вэрнится до мэнэ.
Не вэрнэмось мы тэпэр до тэбэ,
Булоб тоби шалуваты,
Як булы мы в тэбэ.

22. Молодая дивчиноньку,
Нэ слухай радоньци,
Дэржы розум да щэй добры
У своии hоловоньци.
Одэржала розум добрый
Да пустыла я в воду,
Нэ вповала на сивы волы,
Тилько на ёho вроду,
И з сывою худобою
Быця да сварыця,
А з хорошою дружыною
На свити нажытьця,
И з сывою худобою
Трэба рано встаты,

З хорошою дружиною
До полудня спаты.

А доня не чуе да жартуе воля,
З москалями там и заночуе.
Кохайтеся чорни брови,
Тай нэ з москалями,
Бо москали чужи людэ,
Смиются над вами.
Москаль любить жартуваты,
Жартуючи кине,
Сам пойде в москивщину,
А дивчина ḣине.

23. Дэсь поихав, дай нэмае,
Ма сэрцэ помирае,
Сэрцэ на ḣрудь болыть,
Сама ны знаю, що робыть.
Сама ны знаю, що робыть,
Чи покинуть, чи любить.
Спокидати тяжко буде,
Забувати важко буде.

25. Поросята ня ф котят,
Воны йисты хотять.
Ой, ну да ну! воны йисты хотять.
Порося порылы,
Свинню к чорту рознэсли,
Ой, ну да ну, свинню к чорту рознэсли.

24. Ой, шо вчэра рано из вэчэра,
Як маты заснула,
А я пиду слухать соловэйка,
Бо зроду не чула.
Клыче маты дома вэчэряты.

Запис. студ. Раб. Ф-та ДГУ Ф. Г. Кобыща в с. Спасском, Влад. окр., от старухи 60 лет.

26. Из мисяця сэнтября упала пороша,
Тым дид бабу полюбыв, що баба хороша,
И слипа и крива и бэз ножки прявой.
Ой, казав дид, щэ нэ бачив такой бабки бравой.
Убэрыся, бабко, у свое убирья,
Нэхай я тэбэ повэду хоч раз ня весилья.

Убралася бабка у свое убирья:
Выды жэ, выды, вряжий диду, хоч раз ня весилья.
Ходыть дид по току, баба по ḣороду,
Носыть дид чиплыню, баба сковороду.
А дид бабу товчэ, товчэ,
Що нэ рано млынци пэчэ.
Ой, цыть, диду, не бийся,
Як ня печу, няесыся.

Зап. в с. Спасском, Спасского р., Влад. окр., студ. Рабфака ГДУ Ф. Кобыща.

27. Дала мине маты корову
На мою бидну ḣолову.
До коровы трэба рано встаты,
А я люблю до полудни спаты.
Как возьму я хворостыну,

Тай пожыну корову—дубыну.
ḣей, ḣей корова до вовка,
Щоб была свободва ḣоловка.
Я думала, то бубэны бубнят,
А то вовкы коровыцю трубнят.

Запис. студ. Рабфака ДВГУ М. Ходасевич в с. Бичевой, Некр. р., Хаб. окр.

28. Ой, ḣоре тий чайцы, ḣоре щей велике,
Що вывыла чайнята при битий дорови.
А чумакы ишлы, тай чаечку найшлы.
Стару чайку изогналы, чайнят забралы.
А чаечка вьетця, об дорожку бьетця.
До дорожкы припадае,—чумакив блаḣае.
Ой вы, чумакы, вы, бурлаки, вы, добрые люди,
Вернит мои чайнята, то добре вам буде:
Буду волы пасти, буду поḣаняты,
Малэсынькым чумачатам дрова собираты.
Полети ж ты, чайко, на зеленые луḣа,
Бо вже-же твоих чайнят та бильши не буде.
Полеты-ж ты, чайко, на зелену пашу,
Бо вже-ж твои чайнята поварились в каши.

Ой щоб ваши, чумакы, волы похрамалы,
Як вы мои чайнята в кашу повкыдалы.
Ой щоб ваши, чумакы, волы поздыхалы,
Як вы мои чайнята в каши поварылы.

29. Распроклята ой да та деревня, в которой я рождена,
Щастлывая ой-да-та дивчина, котора любви та не знала,
Теперь же я молода узнала, що-то в свити та-за любов,
Любов наша ой-та дорога, жизнь разлука тяжела.
Выходила молода дивчина за новые ворота,
Выпускала соловейка из правого рукава.
Лети, лети, соловейко, лети в гору высоко,
Ни высоко ни далеко, де мой милый друг живет.
За горою каменою, за ричкою за быстрою
Сама граю на гитары, сама граю та веселюся.
Никто моего горенька не знае, що я з мылым растаюсь.
Сама розочку садыла, сама буду полывать,
Сама милого любила, сама буду забывать.

30. Та давно-же я давно, я в неньки була.
Та ни як-же давно, четыре года.
Та вже-ж тая стежка терном заросла,
Де я походила з матырынкою.
Ой, сяду я впаду, край винограду,
Чи не выйде ненька рано по воду.
Та як выйшла ненька на-й раньше всих,
Промовыла речи до своих сосид.
Сосидочки мои, слухайте мене,
Щось у моим саду за пташка поет.
Ой то-же не пташка, то зузуленька,
Ой тож зузуля, то дочька моя,
Дочка, моя дочка, горювалнена(?).
Без щастя вродылась, быз доли взросла,
В чужий край—сторонку горювать пишла.

31. Як у саду, так и в леси соловей на ёриси,
А зузуля на калыни, здесь мый мылый на в крапины,
На коныку произжае, на сонычко поглядае,
Чи высоко сонце сходе, чогось мыла смутна ходе,
Выдно, выдно по лыченьку, що ны спала всю ноченьку,
Выдно, выдно по билому, що журыця по мылому.

32. Нема зими, нема леду, нема переходу.
Ой хто кого вырно любе, бреде через воду.
Брыла рычку, брыла дрыгу, на половини стала,
Що на тую молоду дивчину поговор та слава.
Перенесла поговорку, перенесла славу,
Шо я тую черную хмару платком размахаю.
Та ходим, ходим та товарищ, а на той край,
Ой чого мини тай товарищу на той край ходыти.
Перестала дивчыночка вирненько любыты.
Кто пизно ходы, та вирно любы, вырно женихався,
Розроилы та вражи люды, як не сподывався.

Без конца.

Запис. в д. Покровке, Кал. р., Хаб. окр.

33. Ой, *сосиды*, сосидочкы.
(В)*ой*, *со́*сиды, *со*сидочкы.
Собыриця до купочкы,
Та-й выпьемо hорилочкы.
Напылася, тай хылюся,
Йду до—дому, тай боюся,
Бо лыхоhо мужа маю
Будэ быты—добрэ знаю
Будэ быты, шэй лаяты,
(С)своhо двору выhаняты:
«Иды, иды утопыся (2 раза),
Бо—ты мини нэ hодыся».
Пишла жына топытыся,
У Дунай—ричку просытыся:
«Ой, ты, Дунай-Дунаечьку,
Прыймы мэнэ хазяечку.
На камини ноhы мыла,
А с ками́ня фыля збыла:
«Ой, вы, щукы, йижты рукы,
А вы ракы ростырзайты,
Моhо лычка ны займайты.
Ныхай воно умыйыця,
Прыйды милый подывыця».
Прыйшов мылый дывытыся,
У Дунай—ричку просытыся:—
—«Ой ты, Дунай-Дунаечку,
Оддай мою хазяечьку,
Бо сэмэро дитэй маю,
А—восьмоhо сповываю,
(Т)-а над ным слезы пролываю».
Лытыть ворон, чорный, крачэ:
«Устань, мыла, дытя плачэ».....
Ныхай плачэ, росповьеця,
Ридной нэнькы ны дождэця.

Запис. студ. ДВГУ М. Сигидой в д. Вербовке, Утк. вол., Спасск. р., Владив. окр.

34. Ны вздыхай мыла так тяжко
Ны вздыхай так тяжыло,
(В)ойда, кода тибе дружка жалко,
Забувай сычас иво.
(В)ой-да, я тода иво забуду,
Кода скроюця hлаза,
Ой-да сэрцэ кровью обильеця,
hрудь совянет, как трава.
Ой-да, hрудь совянет и засохнет,
Не расцветет никода,
Ой-да, напишу я мылому записку
Своей правою рукой.
Ой-да, я пысала, hоворыла,
Ны копай мылый моhылу.
Во—проклятом, во—яру.
(В)ой-да, выкопай, мылый, моhылу
Во-зылёному саду.
Во зылёном во садочкы,
Возли дорожкы столбовой,
(В)ой-да, дэ hулялы, цвиты рвалы,
Украшалыся вдвоем.

Запис. студ. ДВГУ М. Сигидой в д. Харьковке, Утк. вол., Спасск. района, Владив. окр.

35. Веет ветер по карманам,
Кошелек пустой hремить,
А мой милый ны рябееть,
За бутылочкой сидить.
Он сидить и слёзно плачеть,
Сам с собою hоворить:
«Ноhы босы, тело hрязно,
Рубашонка, как смола,
Распроклята-та дивчёнка
До чеhо-ж ты довыла.
Довыла ты до позора,
До позора до стыда,
До такоhо лишь позора,
До ёкружнова суда.
Ах, вы судьи, мои судьи,
За что судите меня.
Человека не зарезав,
hоловы я с плеч не сняв.
Ах, ты, ворон, чорный ворон,
Ты слитай в родимый край,
Пырыдай мылий почтенье,
Шэй заочный поцэлуй.
Роскажы, як я страдаю,
Как я думаю об ней,
Слёзы hорьки проливаю,
—Жаль мне участи своей.
Чем я дева, чем красива,
Чем я дева хороша,
Полюбила я мальчишку
Вот-такоhо молодця.

36. —А ёй ты ёрёл,
(В)ой-да сызокрылый,
Дэ-ж ты так довhо-й литав.
—А литав-же я
Ой-да за hорамы.
Видел сыние моря,
А-вой там девки
Ой-да красавицы,
Над окошечьком сыдять.

Та воны сыдять
И вси слёзно плачуть,
Про любов все-дай hоворять:
«А щаслывая
Ой-да та дивчёнка,
Котра любы а мужыка,
Бо мужык едит
Во-чыстэе пòлэ,
Возвращаеця дамой,
Да свои сири волы
Выпряhае,
Спать ложыця он со-мной.
А ны щаслыва
Ой-да та дивчонка,
Котра любы моряка,
Бо моряк едит
В открыто морэ,
Остаюсь я сыротой,
—Да и ни девицей
(В)-ой-да ни вдовою,
—Покрыточкой молодой.

37. Колыб скорий вэчыр
Тай повычырило,
Можэ-б мое сэрцэ
Тай повысылило.
Колыб скорий вэчыр
Тай сонычько зайшло,
Можэ-б мое сэрцэ
Тай до мэны прыйшло.
Ой, хочь ты до мэны,
До моеи хаты,
Оччиняла-б двэри,
Шоб ны чула маты.
Ой, як оччиняла,
Радосно (в)здыхала,
А як провожала,
Плакала-рыдала.
А як провожала,
Плакала, рыдала,
Выйшла за ворота,
Правдонькы пытала:
«Скажы, мылый, правду,
Чы ты мынэ любыш,
Чы ты мынэ любыш,
Чы з мэны смиеся.
Скажы, скажы, мылый
—Шо ты мынэ любыш!?
Чы з мэны смиеся—
До друhои ходыш?»
—По правди прызнаця,
Шо я тэбэ люблю,
Шо я тэбэ люблю,
Ше-й любыты буду.
По правди прызнаця,
Шо я тэбэ люблю,
Шо я тэбэ люблю,
А сватать ны буду.
Хоть-я-б тэбэ и взяв,
Так ны вылыть маты,
Хоть тэбэ й визьму,
То выжыны з хаты.
Есть у мэны жинка,
Ше-й диточек двое,
Ше-й диточек двое,
Обое чёрняви.

38. Як прыихав мий мылэнькый с поля,
Тай прывязав коня до забора,
Сам заплакав, над коныком стоя:
—Ны щаслыва нам, коню, дорога,
Засватана дывчынонька моя,
Колыб скорий вечыра дождаты.
—Пошлю людэй дивчыну сватàты,
А сам стану пид викно слухàты,
Шо буды дивчына казаты,
Ой, чы буды рушныкы даваты.
А дивчына по свитлонци ходы,
Били ручкы до сэрдынька ложэ,
Матир вирнэнько просы:
«Ой, ты маты, порадьмося в хати,
Порадь мэнэ, шо людям казаты,
Чы им рушныкы даваты,
Чы их назад отсылаты.

39. Ой, повий витыр, та повий буйный,
А в hлыбокоhо яру,
Та прыбудь, прыбудь та мий мылэнький,
А з далэкоhо краю.
Та й ой рад бы я та повыдаты,
Та ой цей яр hлыбокий,
Та й ой рад бы я та прыбуваты,
Та й цей край далэкый.

Запис. студ. Сигидой в дер. Покровке, Калин. р., Хаб. окр.

40. Вылетала hалка
З зеленоhо балка.
Вылетала друhа
З зеленоhо луhа.
Сила, впала hалка
На высокий сосни,
На hильцà (ветке) раскошний.
Витер повивае,
Сосну раскидае.
Не хилыся, сосна,

Бо й так мени тошно.
Да не хилысь на воду,
hоре жить без роду.
Тай в мене роду
Два братика з роду.
Соберемся, братцы,
У недили в ранцы,
Дай выпьемо, братцы,
hорилки по чарцы.

Чоhось мени, братцы,
hорилка не пьецця,
У моеhо серця,—
Ян hаданя, вьецця.
Нехай вона вьецця,
Вона одырвецця.
Нехай вона вьяне,
Вона перестане.

Запис. студ. И. Рослым в с. Тихменевке, Успен. вол., Влад. окр.

41. Ай хадив чумак,
Ай хадив бурлак,
А сем лет на Крыму,
А ня случалась
Чумаку нявзhоды
Да ни (з) сроду яму.
А случилася
Чумаку нявзhода.
А с Крыму идучи
А пад белаю,

Пад белай бярезой
А волов пасучи.
А прышло письмо,
Письмо пячальное,
А што мать памярла.
Што мать памярла,
А памёр батька,
Да памёрла маткa,
А я йще ня жанився.

Запис. в д. Екатериновке, Суч., р. Влад. окр. О. Пика.

42. Добре турhувалось,
Чи в Кииви, чи в Полтави,
Чи в самой столици,
Ходив чумак з матницею
По межи крамници.
В най боhатийший крамници
Два купци сидило.
И туды чумак заходыть
З матницею своею:
—Добри день вам, добры люди,—
Тай зачав питати,
Чи нема у них.....

Дьоhтю де продати.
—Нету, нету,—купци кажуть,
Тай вельми смиются:
—Здесь ни дьоhоть,
Тильки дурни
Адни прадаются.—
А чумак им:
«То пивроку-ж
Добре турhувалось,
Що два отаких hарных,
На продаж асталось».

Запис. студ. Генендер в г. НикольскеУссур. от переселенцев из Киевск. губ.

43. Чаму-ж мне ни пить,
Чаму-ж ни hудить,
А у моей хатоньки
Порядок идеть.
Сучка на лычке
Хату стереhет,
А паук по стенке
Поутину вьеть.

Було в батька три сына, ух я.
Все йоны Васили, ух я.
Адин конев пасеть, ух я,
Друhий лапти плететь, ух я,
Трети сидит на камени, ух я,
Держит дуду на ремени, ух я.
Дуда hраеть, веселить, ух я.
А як муха заhудела, ух я,
Дуда в воду полетела, ух я,
А як жук заhудев, ух я,
Василь в воду палитев, ух я.

44. Славня дуда моя, ух я.
Веселухна моя, ух я.

Запис. студ. Генендер в г. НикольскУссур. от переселенцев из Гомельск. губ.

45. Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя спобедненькая.
Не с кем мне, молодке, ночку ночевать,

Ночку ночевать, темну коротать.
Лягу спать одна, без мила дружка.
Ой, без мила дружка, да берет грусть тоска,
Грусть тоска берет, да далеко милый жывет.
Далече, далече, на той стороне,
На той сторонке, да не близко ко мне.
Я бы рада перешла, да переходу не нашла
Ой переходу не нашла, да жердочка тонка.
Жердочка тонка, да речка глубока.
Ох! как во этой речке купался бобер.
Охотнички свищут, да черного ищут,
Хотят его убить, да Маши шубу сшить.
Шубочка боброва, а Маша черноброва,
Чернобровая да черноглазая.

Записано со слов старушки 50 л., в дер. Пермской Ольгинск. вол., Владив. округа.

46. Арав мой милесинький,
Ат леду да леду.
Наарав жа мой милесинький
На миску квасоли.
«Иди, жана маладая,
Квасолю садити,
А я зайду у шиночик,
hарелачку пити»!
Пасадила квасолюшку,
Пайду я да дому.
Ни дайшовши да дому,
Зайду у шиночик.
У шиночку сядить милый,
Пьеть с кумой hарелку.
«Ти й та-ж табе, моя кума,
Дома дела нима,
Што ты з майим чалавекам
У шиночку засела»!..
«Иди, жана маладая,
Вячерю варити,
А я приду з кумою
Вячерю вячеряти»...
Наварила борщу, каши,
Паклала и ложки,
Сама села на припечку,
Склала в клетку ножки.
А склавши в клетку ножки,
Паплакала трошки.

47. Сядела Катинька позна вечарам адна,
Вышивала Катинька тонки белы рукава.
Вышивши рукавушки, пошла к батюшку в тярем:
«Родимый мой батюшка, пусти мяне паhулять.»?
«hуляй, hуляй Катинька, свае воли ни чини.
А то адцам, Катинька, тябе в дявоччий манастырь».
«Я в манастырь, батюшка, и насильна ни пайду.
В манастыре девушак я без смеху апсмяю,
Маладому чончику под нос кукишь пакажу»...
А ще сватав Катиньку з hораду баhат купец.
«А за купца, батюшка, за купца я ни пайду»!..
А ще сватав Катиньку дирявеньский мужичок.
«Я за этаhа, батюшка, за етаhа пайду!
У етаhа, батюшка, и скрипачка и дуда,
А скрипачка зайhрая, а дудачка заhудить...
Хоть есть будя нечаhа, дак жить будя весила»!..

48. Скучно жити лебедини одному,
Что поросло бело перье по нему.
То не перья, а то девичья краса,
У Машутки не заплетана коса.
А Машутка мало дитя родила,
Спородивши во пеленки сповила,
А сповивши в Дунай речку бросила:
«Плыви, мое дитя, речками,
А я пойду погуляю с девками».
Тебе, Маше, да не с девками гулять
Тебе, Маше, мало дитя колыхать.
Люли люли, распроклятое дитя,

Черес тебя мене мати прокляла,
Черес тебя доли счастья не дала,
Черес тебя в неволю жить пошла.

49. Ты, сосонка моя, ты когда взошла,
Ты когда взошла, когда выросла,
На высокий терем похилилася,
На высокий терем, еще и на яблоню. .
Я сидела Маша поздно вечером,
Зажигала свечу воску ярово,
А ждала дружка разудалово.
То не вор к Маши идет и разбойничек,
А идет к Маши полюбовничек.
Я не в гости пришел и не гоститися,
А я к Маши пришел-то спрсситися:
Ты позволь мне, Маша, женитися.
Ты женись-ка, женись, разбессовест-
[ный,
Ты бери-ка, бери мою подруженьку,
Мы с ней в одной школе обучалися,
Одной иголочкой обшивалися.

50. Мне не спится, не лежится, сон головки не берет,
Пошел бы до девчонки, сам не знаю, где живет.
Попросил бы товарища, пускай мене отведет.
А товарищ краше мене, он девчонку отобьет.
Всю Расеюшку объехал, краше Маши не нашел,
Назад Ваня воротился, живу Машу не застал.
Лежит Маша на постели пред завешанным окном,
Голова убрана цветами, грудь покрыта кисеей.
Я кисеюшку открою, к сердцу руки приложу,
Положивши белы руки, распрощенья попрошу.
Прощай, Маша, прощай мила, прощай душечка моя,
Расскажи, моя милая, почем скоро померла.
Я за все тебе прощаю, за колечко никогда.

51. Зашло солнце за оконце, за вышневый сад,
Взяла парня за рученку, тай повела в сад.
Целуются, милуются, а кто ж тому рад.
Постель белу постелила, положила спать,
Сама села вкрай оконца, зажурилася.
Не журись, моя милая, ты будешь моя.
Есть у мене бочка пива, а друга вина,
Есть у мене колясочка позлащеная,
Есть у мене тройка коней похищеная,
Только сядем да поедем до тещи в гости:
Здравствуй, здравствуй, моя теща, здоров милый зять
Вот теперя мы, мой зятечек, будем пить, гулять.

52. Ой, да ты, калиница размалиница,
Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой,
Ой, да не спускай галья на синя моря.
Ой, да на синем море корабли плывут,
Ой, да в тех кораблях три полка солдат,
Три полка солдат, молодых ребят.
Ой, да офицер майор богу молится,
Ой, солдат рядовой домой просится.
Ой-да, офицер майор, отпусти домой,
Отпусти домой к отцу—мать родной.
Отпусти домой к жене молодой,
К жене молодой, деткам дробненьким.

53. На берегу сидит красотка,
Она шелковый платок шьет.
Работа чудная такая,
У ней шелков не достает.
Корабль пристал, моряк спустился,
К нему красотка подошла:

Моряк любезный, нет ли шелку
Хотя немного для меня.
Есть белый шелк, а есть и красный,
Каково цвету нужно вам.
Но потрудитесь, дорогая,
Ко мне на палубу взойти.
Она взошла к нему на палубу,
Моряк ей шелку подает
И про любов свою
Ей песню чудную поет.
Под звуки чудные гитары
Она заснула крепким сном,
Но пробудившись услыхала
Шум моря синево кругом.

54. Скоро вечер будет, тай повечерее,
Скоро мойму серцу тай повеселее.
Скоро мой миленький той до мене приде,
Хоть он не до мене, так до моей хаты.
В окошко взирала, лeнонько вздыхала,
За ворота вышла, правдочки пытала.
Казачинька сердце, чи ты мене любишь,
Скажи ты мне правду, чи сватати будешь.
Дивчинонька сердце, сознаюсь по правде,
Что я тебя люблю, но сватать не буду.
Бог дай тебе, дурню, сватала лиха година,
Як за тебя дурня чурилась родина.
А чурился батька, а чурилась маты,
А еще чурился, кто думает браты.
Выйду на долину, долина широка,
Выйду на мoнилу, мoнила высока.
Как по той долине буен ветер вее,
А сeнодня милый, так он мене смене.

55. Потеряла я колечко, потеряла я любовь,
Как по том я по колечку буду плакать день и ночь.
Где девался тот цветочек, что долину украшал.
Где девался мой дружочек, что словами увещал.
Сам уехал, меня бросил, осталась в доме я одна.
Не одна я остаюся, дочь малютка на руках.
Дочь малютка, ввать Анютка, точно с миленького вся,
Понесу я ту малютку ко сестре своей родной.
Ты, сестра моя родная, воспитай мое дитя.
Ой, я рада-б воспитати, своих семеро кручат.
Ой, сестра моя родная, воспитай мое дитя,
Ой, пойду я утоплюся против милого окна.
Он не выйдет ли не скажет: не топись, моя мила.
Он не вышел, не сказал он, не топись моя мила,
Сколько девка не тонула, не достала в море дна.

56. Выйду я на горку, ой взгляну на моря.
Да плывет судно с моря да при всех своих парусах,
Один паруе белый, а другой голубой,
А по палубе ходит матрос молодой.
На нем всей одежды на один четвертак,
Костюм на нем двести, фуражка пятьсот,
А часы золотые в тысячу рублей.
Но базару ходит сам вроде как босяк.
Ой, крикнул он да гукнул он:
Подайте мне тройку карих лошадей,
Сяду я поеду к милашке своей.
Ой, моя милая сына родила,

Сына спородивши, сама чуть жива.
Девочки подружки, какой нонче белый свет,
Кого ни сполюбишь, ни в ком правды нет,
Ни в старом, ни в малом, ни в милом дружку.
Сизенький голубчик, чего бьешся над водой,
Миленький дружочек, чего смеешься надо мной.
Бог тебя накажет несчастной судьбой,
Несчастной судьбой, неверной женой.

Зап. в с. Серафимовке, Ольгинского район., Влад. окр. М. Голубевым.

57. Ой, свиты мисяць,
Ой, да свиты ясный,
А щэй полуношная зоря.
Ой, присвиты-ж ты
Мылому дорожку-да.
Куда, ай-куда-ж
Мылый пройзжа.
Мылый уйижае,
Мынэ спокыдае.
Остаюсь я сыротой,
Ой, ны якою, братци, я вдовою-ти,
Ой, покрыточкой молодой.

Запис. в д. Покровке, Кал. р., Хаб. окр., студ. Сигидой со слов Анисия Корфа.

58. Веточка моя
Ясыновая,
Дивчина моя
Чернобровая,
Вывыла коня
Тай осидлала,
Вынысла пучок,
А пучок стрилочок
Своему дружку
На подарочок.
Дэ стоит hора,
Там живэ кума.
Пиду до кумы
Й роскумаюся,
С кумыной дочкой
Я повинчаюся.
Кумына дочка
Мужа ны злюбила,
Узяла hострый ниж,
Тай заризала.
В вышнэвим садку
Тай повисыла,
Сила за столом
Тай пышы пыром.
Ой, ны так пыром,
Як вирным словом:
«Ой hоры, hоры,
С таким мужом жыть,
А шей hирше жыть,
Як такоho нет.
Як пойду я в сад,
Тай возьму назад и скажу:
Милый, уже свит билый,
Уставай, милый,
Бо вже свит билый.
Бо вже свит зоря,
Пробудыця пора,
Ой вже-ж ты, милой,
Дай навесился,
Скадких яблучок
Ты накушався,
Разных пташечак
Тай наслушався.

Запис. в д. Покровке, Кал. р., Хаб. окр., студ. М. Сигидой со слов Татьяны Бажан.

59. Хома пьяный у млыни
Хропэ, мов убитый,
А я ж тыбэ поцелую,
Мов ты самовытый.

Припев:

Гоп, кума,
Ны журись,
Сюды-туды повернысь,
Отакэчки скоком, боком
Перед моим карым оком.

Зап. в д. Покровке, Калин. района, Хабаровского окр. студ. Сигидой М. со слов Опанасенко.

60. Шо за люды булы,
Шо моему милому,
Ой разлуку далы.
Шо з быстрой рэчэнькы
Ой, воздушок нысэ,
Можы моҥо мылоҥо
Ой, ҥосподь а ҥосподь прынысэ.
Ты думаешь, дывчино,
Шо я тебэ вой-да ны люблю,
Я до тэбы, дивчино,
Ой орлом, орлом, а прылытю.
Ой сяду, я да впаду
А в вышнэвим—да саду,
Посмотрэл бы я на дивчинонку
На нё бело-да лицо.
Ой, ты, девица-ж да ты прыкрасна,
Лычком била да й хороша.
Только жысть моя йда нысчасна,
Шо влюбився да я у тебя.
Улюбився да поласкався,
Краше тэбы я ны найшов.
Ны жылал бы да я большэ счастя,
Лишь бы крылышка булы.
Ой, вспорхнул бы да полетел я
До дивчононьки в зылэн сад.

Запис. там же со слов Степаниды Кандела и Анисия Корфа.

61. У нэдилю рано, рано поранэньку,
Выҥоняе сын свою нэньку.
Иди, нэнэ, тэпэр прич вид мэнэ,
Будуть ҥосты кращы вид тэбэ.
Будуть ҥосты кумы—побратымы,
А ты, маты, у драний вытыни.
Будут ҥосты у сыний китайци,
А ты, маты, у драний запасьци.
Пишла маты стэпом толокою
И встрилася з ридною дочкою:
Дэсь ты, маты, ҥоспода нэмаешь,
Що ты тута по стэпу блукаэшь.
Ой, як бы-ж я ҥосподоньку мала,
То яб тута по стэпу ны блукала.
Иди, маты, до моей хаты,
Будэшь, маты, дитя калыхаты.
А як будэ «ҥирка доля» спаты,
То мы будэм тыхо размовляты.
А як пидэ на тык молотыты,
То мы будэм тыхо ҥоварыты.
А як будэ «ҥирка доля» быты,
Нэ хватайся, маты, мэнэ бороняты.
А в нэдилю рано поранэньку,
Клычэ сын назад свою нэньку.
Иды, нэнэ, тэпэр ты-ж до-мэнэ,
Сталась мынп вэлыка прычина,
Жинка вмерла, осталась дытина.
Бодай, сынку, щэй хата зҥорила,
То яб людям тушыты нэ вилила.
Нэхай ҥорыть от кола до кола,
Бильш не пиду я до твоҥо двора.

С панщыны.

62. Ой, ты брат ты, мусию,
Чи ты бачив, чудосию.
Ой, ну да ну, чи бачив чудосию.
Ой, я бачив чудака,
В чистым поли мужика.
Ой, ну да ну, в чистым поли мужика.
В чистым поли мужик
Штаньмы рыбу ловыв.
Ой, ну да ну, штаньмы рыбу ловыв.
Да паймав вин карася,
Матня вырвалася.
Ой, ну да ну, матня вырвалался.
Ой, ты брат ты, мусию,
Чи ты бачив, чудосию.
Ой, ну да ну, чи ты бачив, чудосию.
Я не бачив чудосии,
Тилько бачив чудака,
Тилько бачив чудака,
В сыним мори мужика.
Ой, ну да ну, в сыним мори мужика.
Комарями орав,
Дубиною поҥаняв.
Ой, ну да ну, дубиною поҥаняв.
А мухамы волочив,
Дай борону поттащыв.
Ой, ну да ну, дай борону поттащыв.
А на дубу на вершочку
Свыння ҥниздо извыла.
Ой, ну да ну, свиння ҥниздо извыла.
Свиння ҥниздо извыла,
Да поросят навэла,
Ой, ну да ну, да поросят навэла.

63. Да похожено, да поброжено
Коло саду киньмы.
Походыла журавочка
З малынькими дытьми,
А за нэю да журавличок
Ныжиньками дыбае.
Ой, ты, козак, за ҥорилочку,
А шинкарочка сыплэ.
Сыплэ ж вона да налываэ,

А козак выпивая.
Стоить дивка да у порoha,
hирко плачэ и рыдае,
hирко плачэ и рыдаэ.
Нэ плач, дивко,
Нэ плач, красна,
Бо така твоя доля.

Полюбила, да пройды свита
До мисяца стоя.
Да нэ я eho полюбила,
Полюбила маты,
Дай зahадала мыни маты,
Рушныкы даваты.

---

64. Ой, крыкнула сира утка,
На тим боци ставу.
Сватай мэнэ, козаченьку,
Нэ вводь мэнэ в славу.
Ой, сама ты, дивчинонько,
У славоньку входышь,
Що пизнэнько, да не ранэнько
Из улицы ходышь.

Ой, як мэни, козачэньку,
Ранэнько ходыты,
Шо як возмэшь да за ручэньку,
Не мусышь пустыты.
Ой, як вызмэшь на смирканне,
Пустышь на свитанне,
Да всэ ж мэнэ молодую
Да словамы блahаешь.

Запис. в с. Спасском, Спасск. р, Влад. окр. студ. Кобыщей.

§ 9. Промысловые песни.

Дальневосточный край—край не только земледельческий, но и промышленный. В отдельных его районах промышленность занимает даже более видное место, чем земледелие.

Особенно развиты в разных местах так называемые мелкие промыслы: рыболовство, охота, мелкопредпринимательское золотоискательство, и др.

Все эти виды промыслов должны были найти свое отражение и в устном творчестве.

Пока в наших руках нет сколько-нибудь значительного собрания промысловых песен, этих ценных памятников местного устного творчества.

Но, нет сомнения, что дальнейшие разыскания в этом направлении приведут к положительным результатам и дадут возможность опубликовать соответствующие произведения.

Среди промысловых песен ДВК отдельное место занимали да и занимают песни горнорабочих, работающих на приисках.

Работа приисковая, особенно до революции, до нормализации правового положения горнорабочего, была очень тяжелая. Здесь, на ДВостоке, как и в Прибайкалье, среди диких, хищнических нравов приискателей, в таежных колонизационных условиях, при полном бесправии рабочих, этот промысел был одним из самых трудных и опасных. Про Забайкалье сложена обошедшая в свое время всю Россию песня:

«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах».

Один из рабфаковцев ГДУ, Н. Калашников (в 1925 г.), сам в годы ранней юности испытавший долю горнорабочего, так вспоминал о

ней: „И надо отметить, работа приискателя—рисковая, со многими трудностями, невзгодами, почти каторжная".

Немало в пору господства этого промысла, в течение последнего полустолетия было создано горнорабочих песен, длинных песен с припевами.

Немало, как увидим в другом месте, отведено было внимания этому промыслу и в частушке.

Длинные песни, с припевами, получили название «подгорных—приискательских». Слагались они в течение ряда лет, нося следы разновременных наслоений. Неприглядная жизнь побуждала искать утешения в остроте, шутке, песне, почему и самые песни пронизаны своеобразным юмором. «Эта подгорна,—вспоминает тот же рабфаковец Н. Калашников,—хотя и со старинным слогом, но характерно и замечательно то, что она почти вся из бытовой жизни, и, действительно, каждое ее слово характеризует быт рабочего... В минуты неудач только и утешались своими шутками, остротами».

Дальше мы приводим образец такой подгорной, записанной студ. Калашниковым со слов старика горнорабочего Петра Васильевича Исакова, начинающейся словами: „Мы живем среди полей". (№ 1).

При чтении песни чувствуется, что вся она проникнута юмором по поводу окружающей бытовой обстановки, и этим юмором скрашены те тяжелые минуты, в которые горнорабочему ничего не оставалось, как «петь с горя барыню».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

1. Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Всех счастливых веселей
И вельмож могучих...
Ох, ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно!
Утром рано не встаем
Для денной работы,
Как пробудимся, поем,
Нет у нас заботы.
Ох, ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно!..
В пять часов всегда встаем
В орту*) весело идем,
В орту весело идем,
Хором песни все поем.
Ох, ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно!
Развеселы, работисты
Приискатели—артисты.
Приписка наши богаты,
Гребем золото лопатой.
Ох, ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно!
А когда кайлой копнеш,
Золотник и два найдеш.
Попадают самородки,
Лишь не длинны, а коротки.
Ох, ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно!
Иногда-ж бывает так,
Настараешься, натреш
На бубу-то кое-как,
И тогда уж с горя так
Только барыню поеш.
Ох, ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно!
Зато есть там впереди
Много скал, утесов,
Перекатов и земли...
Много волота, металла
Будет там не мало.
Ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно,
Шевели и ковыряй,
Деньги нужно—не зевай!

*) Орта—шахта.

Лишь приискатели
До денег доберутся,
С ними чистая беда,
Деньги льются, как вода.
Ох, ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно!
У них денежки ведутся,
Деньги льются, деньги льются,
С ними чистая беда.
Ты подгорна, ты подгорна,
Шевели пески проворно,
Шевели и ковыряй.
Деньги нужно—не зевай!

Записано студ. Рабфака ГДУ Н. Калашниковым со слов горнорабочего старика П. В. Исакова.

§ 10. Воинские песни.

Воинские песни и занимали и занимают довольно видное место во внеобрядовой лирике.

Социально-психологическая установка их совершенно ясна.

Война—зло, бедствие. Она нарушает в корне весь институт мирной жизни. Она выбивает из колеи трудовое население, в среде которого, при основном земледельческом хозяйстве, рабочая мужская сила имеет громадное значение.

Кроме того, русский крестьянин нутром чувствовал, что война в дореволюционной обстановке ни в какой мере не имеет в виду его трудовых интересов.

Поэтому воинская песня дооктябрьской эпохи всегда наполнена настроениями скрытого недовольства, протеста и глубокой безысходной тоски.

Резко в этом отношении отличается воинская песня эпохи после Октября, в которой чувствуется сознание, новая революционная настроенность, да и обстановка жизни выступает в совершенно другом освещении.

Все воинские песни можно было бы разделить на три группы: 1) старые солдатские песни, 2) красноармейские и 3) казачьи.

Старая солдатская песня живо напоминает по своему содержанию и настроению ту тяжелую, мучительную обстановку, о которой писали писатели разных эпох: Л. Толстой, Григорович, Некрасов, Куприн, Горький, Серафимович, и др. Чувство безысходной тоски и безнадежности заполняет песню. В песне прямо говорится, что тяжелее «государьской службы ва всем свити нима» (№ 1). В песнях подробно описывается, как отнимают у родителей детей (№ 4), как у вдовы отбирают единственного сына (№ 7). Самая обстановка солдатчины красочно рисуется в песне: как будут ломать «плечики» и «ножачки», чтобы надеть новую солдатскую одежу. Осиротевшие орудия крестьянского труда после ухода их хозяина на службу тоже выступают в песне (№ 1). Рыдающая девушка, провожающая милого в поход, типичный образ солдатской песни (№ 3). Еще больше, пожалуй, подробнее поется в солдатской песне «про солдацку жизь худую», особенно во время походов, когда по три дни «хлеба не ели и воды не пили» (№ 19). Походная жизнь особенно тревожит солдата тем, что убьют его на войне и некому будет закрыть его глаза и зарыть в землю; хищные птицы

выклюют глаза, раздерут по частям тело, а косточки разнесет ветер (№ 20, 21). Тяжело бывает положение солдатской жены, оставшейся дома. Иногда в песне встречаются сцены свидания семьи, неожиданно увидавшей своих кормильцев, пришедших на побывку или случайно с отрядом проходивших через родное село (№ 2). Бывали случаи, когда солдатская жена, долго не видевшая мужа, выходила замуж за другого, приобретала новую семью, и возвращавшийся старый муж ее жестоко наказывал (№ 10).

Форма старой солдатской песни мало чем отличается от бытовой. Те же образы, то же грустное, часто угнетенное повествование, те же стилистические приемы. Да и ритмика песни весьма родственна бытовой.

Песни красноармейские резко отличаются от старых солдатских по своему настроению и содержанию (№ 5, 6, 7). Конечно, и в этих песнях, особенно связанных с эпохой гражданской войны, когда красноармейцам не мало пришлось вынести и перетерпеть в тюрьмах своих классовых врагов, встречаются мотивы скорби и страдания. Так, в песнях военно-пленных красноармейцев в Приморье (№ 5 и 6) говорится про тяжелую жизнь тех, кому приходилось служить у противников нового советского строя (№ 5), кому приходилось сидеть в тюрьмах и готовиться к расстрелу (№ 6). Но и в этих песнях чувствуется за нотами скорби и страдания, сознание правоты, бодрая уверенность в победе.

Песни же мирной красноармейской жизни прямо говорят о том, какой переворот в положении старого солдата произошел и какую великую социально-культурную школу представляет собой красноармейская казарма (№ 7).

По форме эти песни не представляют чего-либо резко нового. Форма сразу не создается. Новое содержание вкладывается в старую оболочку. Нередко, эта оболочка берется от прежней какой-либо популярной искусственной песни, как это видим в песне «Шкатулочка» (№ 7), представляющей переделку некрасовской «Коробочки».

Пограничный район в Приморье, как и в Приамурье, заселен казаками.

В дореволюционной жизни казачества было много тяжелого. Брошенные по берегам Уссури и Амура, часто страдавшие от наводнений, несшие все тяготы приграничной жизни, казаки имели все основания быть недовольными своей судьбой. Единственно, что их привлекало, это — большие земельные угодия.

Новая жизнь после революции заставила казака заниматься сельским хозяйством.

К переселенцам поэтому отношение недоброжелательное. «Вот этта всё скрозь наша зимля была, а топерь порезали кресьянам да корейцам».

Однако, казак, уживающийся в новых социально-экономических условиях, с каждым годом усиливает свое хозяйство.

Уссурийское казачество — наиболее молодое и составлено из разных групп. Однако, и здесь процесс перехода на трудовое хозяйство идет

и развивается. Число наемных рабочих сократилось. Сдача земли в аренду понизилась. Количество земли, обрабатываемой собственными руками, повысилось.

В быту казака, знавшего когда-то коня да оружие и переходящего на трудовое положение земледельца, конечно, много своеобразного. Вот типичная сценка, записанная в станице Фаддеевке, Покровск. р., Владив. округа. Пришедшего в хату мужа, жена встретила такими словами: «Ездеешь! Тибе и горя мало. А тут ни спичек, ни керосину, уж нечево и говорить о масле». — Что-ж в кооператиф не сходила? — спросил муж. А хозяйка ему: «Доспелся бы тебе такой каператиф по седалищу! Ходила, ничево там нет!.. Ходи на соседний хутор за мелочью или пушшайся за границу...»[1])

Песни казачьи представляют собой непосредственное отражение старого быта и новых условий жизни.

В приводимых нами песнях отражается старая казацкая жизнь, быт во всем его своеобразии (№ 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18). Образ казака „на вороном коню“ — основной и типичный. Любовь казака к дивчине занимает немалое место. Вот казак просится у пана-начальника, отпустить его на свидание с дивчиной-красавицей — «Вона заhоворе, як у звин зазвоне, вона засмеется, як Дунай разилется» (№ 8). Вот казак, «приубравшись, приодевшись» перелетел на коне через Машин двор и видится со своей «душенькой» (№ 9, 13). В этих песнях также повторяются «измены» (№ 13), также встречается и горе (№ 14). Казачке еще чаще приходилось провожать мужа в опасные походы (№ 11). Привычка казака к шинку доставляла казачке немало тревоги и несчастий (№ 15). Смерть казака «на краю синего моря», да и в городах вспоминается в песне (№ 16, 17).

Иногда в казачьих песнях вспоминаются Дон и Дунай, память о которых переходит из поколения в поколенье (№ 8, 18).

В форме бытовой казачьей песни больше образов, взятых от походной жизни, чем от мирной. Построение песни отличается большей подвижностью и быстротой темпа, чем это наблюдается в бытовой крестьянской песне. Ритмика также более подвижна.

Некоторые песни уже раньше были записаны и отличаются лишь частично от прежних.

ПРИЛОЖЕНИЕ. (№№ 1—20).

1. Ты дубрава, дубрава,
Ты дубравушка мая.
Пачаму ты, дубрава,
Украшеная стаишь,
И дубьем и бирязьем
И високим курганнем.
А на тых курганах
Парасла палынь трава,
А гарчей таго палына
Ва всем свети нима.
Ох ты служба, ты служба
Гасударьская,
А тижалей тае службы
Ва всем свети нима.

[1]) Частично заимств. из ст. „Карандашом о деревне“ Никель Ан. в «Красн. Знамени» от 23 декабря 1925 г., № 293.

Павыбрали на службу
Удалых маладцов,
Атарвали радиминьких
Ат матушак, ат атцов.
Быв у вдовки адин сын,
И тей падышов пад аршин.
Яго паны жалели,
Жалетики надели.
Яго паны кахали,
У салдатики аддали.
Ох, ты, мать, мая мать,
Ни тужи па мне, ни плачь!..
Ты тады па мне паплачь:
Як будуть мае плечики ламаты,
Мундерики надиваты,
Вот тады па мне паплачь,
Як будуть мае ножачки ламаты,
Чаботики надиваты.
Вот тады-ж ище паплачь,
Як люди будут пахати,
А твоя сошка будя стаяти.
Ой тады па мне паплачь,
Як люди будуть касити
А твоя косачка висити,
И травушка стаити.

Жила салдацкая жана.
Засмутившися йина сядела,
Сабе щастика ждала.
Шли, шли два гринадеры
Из далекага пути:
«Разлюбезна ты хазяюшка,
Пусти пириначавать!..»
«Разлюбезны мае салдатики,
Ни вазможна вас пустить:
Три дни печки ни тапила,
Ни варила ничаго».
«Разлюбезная хазяюшка,
Нам нинада ничаго,
Тольки-б надо нам, салдатикам,
Из пахода аддыхнуть.
Мы в паходи притамилися,
Многа дней пад ряд ишли».
Атец сев на покути,
Сын садица на скамьи,
А вдова стаить у печки,
Абливаитца слязми.
Дватцать пятый тому гадочик —
Мужа на службу узяли,
И питнатцатый гадочик,
Як сыночка павяли.
«Падыйди-ка удовка ближи,
Укланись-ка мне панижи;
Вот на стале платочик,
И в платочку вузялок,
В вузялку пирстянек,
Ти ни я твой милый дружок,
А ета наш дарагий сынок.

2. Уси пташки, пташки запривныли,
Адна пташечка запела.
Возьли речьки бирижка
У тае ли быстрые речьки,
Новая святелка стаяла.
А у той жа у новай святелцы,

Запис. в д. Перетино, Влад.-Алекс. вол., Влад. окр. студ. Рабфака ГДУ И. Рослый.

3. Туман яром котится,
Ћулять парню да хочится.
Ћуляй, Ћуляй, паринек,
Пока тебе время е ,
Ой, Ћоря, Ћоря ни бида.
В саду дерево расте,
А салдат в паход иде,
Ах, Ћоря, Ћоря ни бида, и т. д.
Девка плаче, рыдае.
—Ни плачь, ни плачь, ни рыдай!
Ћорки слёзы ни раняй.

Ой, Ћоря, Ћоря ни бида и т.д.
Аж тогда не ты заплачешь,
Як на вайне ты пабачишь,
Ох, Ћоря, Ћоря ни бида и т.д.
Ой, на войне, ой, на вайнюшке,
Вой да на вароненькой канюшке,
Ой, Ћоря, Ћоря ни бида.
Вой да вароненьком кане,
На залотеньком сидле,
Ох, Ћоря, Ћоря ни бида и т.д.

Запис. студ. Рабфака ДГУ А. Проценко в с. Волочаевке, Некр. р., Хаб. окр.

Песни военно-пленных красноармейцев гражданской войны в Приморье.

4. Ой, выше лесу, выше темненького,
Выше саду, сад зелененького,
Ой, там лыжала, шла дорожинька.

Ой, по ней нихто-ж ны проихав, ны прошов.
Только прошло по ней три полка солдат,
Попереди офицерик молодой.
На коныку все-ж хыляится,
У бумагу высмотряится.
У бумази все написано, намалевано:
Ще всим трем братьям наименовано,
Которому с трех на службу ити.
Самый старший откупляится,
А младшой сабираится,
С отцом маменькой прощаится:
«Прощай, прощай, отец, мать родна,
Чим я в тэби ны дытына була,
Що ты мэнэ у салдаты одала.

Запис. ст. Рабф. ГДУ Проценко в с. Волочаевке, Некр. р., Хаб. окр. от крест. А. Артеменко, пересел. из ст. Ивановки Темр. окр. Куб. обл. в 1908 г.

5. Эх, ты день, ты день салдацкий,
Чересчур уж ты велик,
Почитать и подзаняться
В роте нет таких уж книг.
В роте книг конешна многа
Про начальство, про войну,
Но я знал еще мальчишкой
Чуть ни кажную главу.
Эх, вы братья дорогие,
Я бы рад поверить вам,
Тяжело и безнадежно
Нилехко живетца вам.
Вот и празник у салдата,
Всё про службу говорят.
Хто валяетца на нарах,
Хто опять идет в наряд.
Захотел гулять с девчонкой
Да в кармани денег нет,
Тогда я на казенку,
На казенку жыть пошел.
Офицеру-ль, генералу
Чесь не отдал у ворот
И за то в темнице
Три недели просидел.

6. В воскресенье мать старушка
К воротам тюрьмы пришла
И в платке красноармейцу
Хлеба соли принесла.
И привратнику сказала:
«Передайте хлеб Володи.
Люди всюду говорят,
Что в тюрьме красноармейцев
Власти голодом морят».
«Твой Володя уж расстрелян
На прошедшей ночи,
Расстрелял ево чека
У далекова моста.
Когда приговор читали,
Знали звездочки одни».
Покачнулась мать старушка,
Покачнулася слехка.
И нихто не знал печали,
Што в душе сваей несла.

Запис. студ. Рабфака Белосорочкой в с. Шкотово, где была военная тюрьма в 1920-22 г.г. до объединения ДВ с Советск. Россией.

Шкатулочка.

7. Эх, полна полна моя шкатулочка,
Есть газеты и журнал,
Поздно вечером на станцыю
Миня Ванька провожал. } 2 раза
Ну, езжай езжай, товарищь,
Ты на родину свою,
Расскажи моей Катюшеньке,
Как я Ванька здесь служу.
Передай мои газетки
Брату старшему мому
И скажи мому папашеньке:
Через год домой приду.
Не печалься, отец батюшка,
Не царю сынка отдал,
А в свою-то красну армию
Я как в рай сюда попал.
Ни с одной винтовкой учимся,
Как бывало в старину,

Не книжонки, не газетки
Не давали никому.
Изучаем все на свете,
Что пользительно для нас,
И винтовку, и культуру,
И в строю и политчас.
Церков мы давно забыли
И не верим в божество,
Ничего в ней не научишся,
Это есть невежество.
Ожидай, папаша, сына
С красной армии домой,
Не балван уж твой детина,
Не с пустой он головой.
Не с пагонами приеду,
А с книжонками в руках,
Не сохой пахать, как деду,
А на новых тракторах.
И прогоним мы трехполку
Вон из нашего села,
Даром гнуть не будем холку,
Станем жить мы свесела.

Запис. С. С. Матеров в с. Киев, Владив. округа.

8. Што под нашим яром пшаниченька рóсла,
Шо ту пшаниченьку дявчиночка жала,
Ана сваму парню всю правду сказала.
Всю правду, всю правду сказала:
Оце-ж тоби парню три дарожки ризных:
Первая дарожка—до синеho моря,
Вторая дарожка—близко до приема,
Третяя дарожка—арел воду носе.
О том казаченько сваho пана прося:
—Отпусти мене, пане, с приему до дому,
Покинув дивчину, ни вручив никому.
Хоть уручив, ны уручив сам за нию мучусь.
Вóна заhоворе, як у звин зазвоне,
Вóна засмеется, як Дунай разилѐтся.

9. Вышов Ваня за новы ворота,
Приубравшись хорошо,
Приубравшись, приодевшись,
Под ним коник вораной.
Под ним коник стрипенулся,
Пэрескочив Машин двор.
Перескочив Машин двор,
Чуть ни ударився в забор.
—Драстуй, Маша! Драстуй, Саша,
Драстуй, душенька мая,
Скажи сама, скажи, Маша,
Верно-ль любишь ты меня?—
—Як любила, любить буду,
Отказаться ни маhу.
Возьму в руки два пистоля,
Расстриляю hрудь сваю.
Я на камышке зрысую
И на бумази напишу.
Своим девочкам подружкам
Все словесно расскажу.
—Ох, вы подруженьки,
Вы не делайте тоho,
Вы не делайте тоho,
Ни влюбляйтесь ни в коho.
От из этой любови приключается болезнь:
Болят ручки, болят ножки,
Болит больно hолова.

Записал А. Проценко, студ. Рабфака ГДУ в с. Волочаевке, Некр. р., Хаб. окр.

10. Шли солдатики со службы домой,
На плечах погонушки, на грудях кресты.
Едут по дороженьке. Родитель идет:
«Здравствуй, мой папашенька!»—«Здравствуй, сын родной!»
«Расскажи, папашенька, про семью мою».
«Семья, слава богу, прибавилася:
Молодая жиночка сына родила.
Спородивши сына, сама чуть жива».
Сын отцу ни слова, сел на коня.
Подъезжает к дому, стоит мать, жена.

Мать стоит с улыбкой, жена во слезах.
Мать сына просила: «Прости, сын, жене».
«Тебе, мать, прощаю, жене никода».
Заблестела сабля в могучей руке,
Скатилась головка у неверной жене.

11. Как во лузе тай щей при дорозе червонна калина,
Спородила молода дивчина хорошего сына,
Спородивши, положила в зеленой дубраве.
Тай не дала тому казакови ни счастья, ни доли,
Только дала тому казакови бело лицо, чорны брови.
Завивайся, зеленый дубочек, завтра мороз буде.
Собирайся, молодой козаче, завтра поход буде,
Я морозу той я не боюся, зараз зараз завьюся,
Я походу той я не боюся, зараз соберуся.

12. Как во поле при лузе,
При счастливой доле,
В незнакомом табуне
Ходит конь по воле.
Зануздаю я коня
Шелковой уздою,
Трону шпорой под бока,
Лети конь стрелою.
Несися, несися,
Как вихорь несися,
Против Машиных ворот
Стань пристановися.
Перед воротами
Ударь копытами,
Чи не выйдет дивчинонька
С черными бровями.
Ой не вышла дивчинонька,
Вышла ее маты.
Здравствуй, здравствуй, мой зятек,
Пожалуйте в хаты».
«Ой, я в хату не пойду,
А пойду в светлицу,
Разбужу я крепкий сон
Красную девицу».
Дивчинонька встала,
Сон свой разгадала,
Правой ручкой обняла,
Ще й поцеловала.

13. Скакал казак через долину,
Через кавказкие поля,
Скакал он садиком зеленым,
Кольцо блестело на руке.
Кольцо казачка подарила,
Когда казак ушел в поход;
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.
Вот год прошел, казак стрелою
В село родное прискакал.
Он видит хату под горою,
Забилось сердце, он молчал.
Из хаты идет к нему старушка,
С улыбкой речи говорит.
Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня,
Твоя красотка изменила,
Другому сердце отдала.
Свернул казак коня налево,
В село родное поскакал,
Женился на своей невесте,
С гостями три дня пировал.

14. Тай ходиля дивчина бережком,
Загоняла селезня батожком.
Иди, иди, селезень, до дому,
Продам тебя жидови рудому.
За три копы селезня продала,
А за копу дударика наняла.
Взыграй мене, дударику, на дуду,
Нехай же я свое горе забуду.
Як бы тебе, так и горе як мене,
Той бы загул, як собака в бурьяне,
Як бы тебе, так и горе, як печаль.
Той бы вышел на улицу, той крича.
Была в мене дивчина Маруся,
Тогда в мене кучери вилися,
Была в мене дивчина Татьяна,
Она в мене кучери вырвала,
Была в мене дивчина Варвара,
Она в мене кучери вырвала.

15. Рябина моя, кудрявая, раскудрявая, кучерявая.
На тебе галье дубовое, на тебе листьё яворовое.
Кто ж тебя, рябина, раскудрявил.

Раскудрявил буен ветер, раскудрявили погодушки.
Ты, молодка моя молода, чего ты рано состарилась.
Состарил меня мой удалый муж.
Говорят люди, мой муж не пьет.
Он не пьет, не пьет, из шинка не идет.
Пропил коня вороного,
Шлет меня молоду по другого,
По другого по гнедого:
Выручай меня, молодого,
Я не раз, не два выручала,
Шелковы платья закладала,
Тебя, мой милый, выручала.
А сейчас, мой милый, казны не хватает.

16. Чего ты, калина, так рано завяла,
Чи жары боишься, чи дождя божаешь.
Жары не боюся, дождя не божаю,
Кого я люблю, за тем помираю.
Скажи, мой милый, где твоя маћила.
Моя маћила—край синеће моря,
В зеленом садочку самом ућолочку.
Как пойдешь ты, мила, маћилу искати,
Как найдешь маћилу, то засыпь землею,
Чтоб люди не знали, что я жил с тобою.

17. Ой, во городе случилася беда
Ой, там убили молодого казака.
Ой схоронили при широкой долине,
Ой, поставили кипарисный черный крест.
Ой, налетели соколики с стороны,
Ой, крылушками (у)весь дворик подмели,
Ой, лапочками все крылечко обняли,
Ой, глазами все крылечко светили.
Ой, уставай-ка, удалушка, давно спишь,
Ой, твоего коня уже в стайке давно нет.

18. Ой, ночь моя, ночечка, ночь моя весенняя,
Ночь моя весенняя, перва и последняя.
С кем же мне, ночечка, эту ночку ночевать.
Одна млада боюся, милого дружка нет.
Мой миленький на Дону, на том боку Дунаю.
Он машет, машет рукой, своей шляпой пуховой.
Подай, милая, руку через быструю реку.
Подай, милый, голосок через темненький лесок.
Темненький лесок высок, не сойдет мой голосок.
Быстра речка широка, моя рука коротка.
Сам молодец перейди, меня девку переведи.
На вашей стороне все забавочка гульня,
Все зеленые сады да все разные цветы.

19. Станем, братцы, в круговую, запоем песню новую.
Ой-ли, любо да люли, запоем песню новую.
Запоем песню новую, про солдацку жизнь худую.
Ой-ли, и т. д.
Как солдаты на войне три дни хлеба не ели.
Ой-ли, и т. д.

Три дни хлеба не ели, щей водички не пили.
Ой-ли, и т. д.
Как приходит нам приказ наступать нам на Кавка́з.
Ой-ли, и т. д.
Как приходит тут другой, отправлятся нам домой.
Ой-ли, и т. д.
Вот с Кавказа мы пошли, к Дунай речке подошли.
Ой-ли, и т. д.
Здраствуй, реченька Востока, мы пришли к тебе здалека.
Ой-ли, и т. д.
Мы пришли к тебе здалека проведать як глубока.
Ой-ли, и т. д.

20. В поле ветер веет, военный гром гремит.
Никто так не страдает, как милый на войне,
Он пули не боится, все думает о мне.
Одна пуля минула, другой милый убит.
Убит мой милый, под кусточком лежит.
Шинель его, фуражка, на кусточку висит,
Желала бы быть пташкой, по всем степям летать,
Желала бы милого во глазы повидать,
Собрала бы косточки в розовый платок,
Схоронила бы косточки в новенький гробок.

21. Под ракитою зеленой лежал наш воин молодой.
Грудь его штыком пробита, он крест свой медный прижимал.
Кровь лилась из свежей раны на тот истоптанный песок.
Налетели хищны птицы, зачулп лакомый кусок.
Ой ты, ворон, черный ворон, чего ты вьешся надо мной.
Ты лети-ка, черный ворон, к родимой матушке моей.
Ты передай-ка ей почтенье, еще заочный поцелуй,
Еще жене моей хозяйке, что я женился на другой,
Я взял женку черноморку в чистом поле под кустом.

Запис. в с. Серафимовке, Ольг. р., Влад. окр. М. Голубевым.

§ 11. Песни тюремные и беспризорников.

Песни тюремные, как и песни беспризорников, не составляют собственно какого-либо самостоятельного большого отдела. Но все же их удобнее фиксировать отдельно.

Сами по себе они тоже разные и по эпохе, и по сюжетам, и по построению.

Тюремные песни—отголосок старого, дореволюционного быта, когда карающая рука классового правосудия создала самые мрачные настроения вокруг тюрьмы, когда тюрьма была ужасным пугалом для трудового населения, откуда почти не мыслилось благополучного возврата. Разные случаи приводили в тюрьму. Попадали иногда «молодцы» в тюрьму «через тую любовь» (№ 1). Были и другие причины более глубокого социального порядка. Это—революционная работа. В песнях последнего порядка чувствуется сознательное, глубоко серьезное отношение к создавшемуся положению. Узника давят каменные

стены. Он знает, что немало таких, как он, сидит по тюрьмам. У него тоже есть милая. Узник готов поломать решетку тюремную, но знает, что кандалы не дадут ему возможности убежать, и решает постараться убежать из-под конвоя (№ 3). В других случаях узник живет с ясным сознанием того, что ему присуждено умереть, что его «уложит пуля злая», он будет расстрелян (№ 4, 5).

В форме тюремных песен много от типичной бытовой песни. Образы «столбовой дорожки», «маленького цветочка», «лянового листочка», высоко летающего сокола, ласточек, вьющихся над тюремной трубой и изображающих собой мать, родную сестру и «малодую жану» узника,—те же, что и образы старой бытовой песни (№ 1 и 2). Построение, стиль, ритм этих песен таков же. Но имеются и другие песни, в которых образы более типично тюремные, в построении чувствуется влияние литературных, искусственных песен, стиль и ритм представляются более четкими и близкими к традиционным литературным приемам. Тут больше элементов личного творчества, меньше элементов типичного устного творчества. Самый подбор слов — «администрация», «карцер», «паек», «камера», «следствие», «конвой», «правительство», и др.—подтверждает наличие определенно городского литературно-искусственного влияния (№ 3, 4, 5).

Беспризорничество—тоже старое явление. Но война, революция, гражданская борьба усилили это явление. Беспризорничество разрослось, как вредный гриб на здоровом дереве революции. Новые условия нашей жизни, несомненно, поведут в ближайшее время к уменьшению и затем к исчезновению беспризорничества. Но, однако, не сразу.

Беспризорники разбрелись по разным уголкам Советского союза, перенося с собою и образцы творчества своей среды.

Потому-то в песнях беспризорников—разное время, разные города и села. Во Владивостоке они поют в своих песнях об Одессе, о саратовском трактире, о московских трущобах, о железной дороге, о необозримой Сибири. Изучение этих песен специальное должно составить предмет немалого социального интереса. В дальнейшем приводится несколько таких песен.

Одна из приводимых песен говорит о том, что беспризорник живет «без роду», не имеет «родного уголочка», что когда и умрет он, никто не придет на могилу, только ранней весною соловей пропоет свою песню (№ 7).

По другой песне—беспризорник сидит в тюрьме: производится дознание, при чем беспризорник утешает родителей тем, что скоро он будет выпущен на свободу (№ 6). В третьей песне описан один из многих случаев жизни беспризорника, когда он находит свое местопребывание в трактире, гибнет в обстановке пьянства и разврата (№ 8).

По форме песни беспризорников сильно отличаются от других видов внеобрядовой лирики. И образы, и основные композиционные приемы, и обороты речи, и словарь, и самая ритмика—все это прибли-

жает данный вид песни скорее к полуискусственной, новой песне, чем к бытовой старой устной песне. Хотя автора мы не знаем и не имеем, но элемент личного творчества в данной песне более четкий и яркий, чем, может быть, в какой-либо другой из разобранных в данной главе.

ПРИЛОЖЕНИЕ (№№ 1—8).

1. Шел Ванька дарожкой сталбавой,
За ним девочка слядочком бижала...!
Слядочком бижала, ћаласком кричала.
ћолосу маћо ни слышно, платочком машу,
ћаленький цветочек, зачем рано ты завяв,
Ляновый листочек от деревца отпав,
Миленький дружочек любить мене ни став,
Чрез тую любовь в темницу попав.
В тямнице несносной нявольник там сидит,
Жду я, не дождусь острожноћо палача.
Двери загремели, острожный палач идет,
Шабли заблистали, от страху я чуть не упав.
«Палачи, рубайте—не плачь ты аба мне
Как був я волен по волюшке летав,
Ни пешаму, ни на лошади праходу ни давав.

Запис. студ. Рабфака ГДУ А. Проценко в с. Волочаевке, Некр. район., Хабар. окр.

2. Почему ты, сокал, высока лятаешь,
Почему, мил друћ, поздна прибываешь,
Аль ти родна мать ћулять запрещае.
Запритила мене тюрьма каменная.
Щей у той тюрьмы, ни дверей, ни акошка,
Щей у той трубе дымок прошибае.
Щей в том дымку три ласточки вьются:
Первая ласточка—малая стара.
Друћа ласточка—сястрица радна.
Третья ласточка—жана молода.
Мати плакала—речка бяжала.
Сястра плакала—кряница стаяла.
А жана плакала—раса ападала.

Запис. студ. Рабфака ДГУ А. Проценко в с. Волочаевке Некр. р., Хабар. окр.

3. Тюрьма, тюрьма, какое слово!
Для всех позорна и страшна,
А для меня нечто иное,—
С тюрьмою свыкся давно я.
Привык я к камере холодной,
Привык к тюремному пайку,
Привык к железным решеткам,
Привык к висячему замку.
В углу стоит ушат с водою,
Кровать привинчена к стене,
И все находится со мною,
Што полагается в тюрьме.
Сижу под следствием немнога,
Сижу сужденный второй год,
Забьется сердце ретивое,
Што на свободу не пойдет.
Нас давят каменные стены,
Замки, решотки давят грудь,
Администрация нас давит,
Не даст свободно нам вздохнуть.
Окна открыть не позволяют,
Нельзя нам громко говорить,
А крикнешь, в карцер запирают,
Спроси што, сразу станут бить,

Нас давят каменные стены,
Замки, решетки и закон,
По тюрьмам нас сидит немало,
Собрались мы со всех сторон.
Вдали виднеется ивбёнка,
Где моя милая живет,
Забьется серце ретивое,
Што на свиданье не придет.
Готов я голыми руками
В окне решотку поломать,
Но жаль, я скован кандалами,
Нельзя мне будет убежать.
Зачем, зачем мне торопиться,
Зачем решотку мне ломать,
Не лучше-ль будет постараться
Из—под конвоя убежать.

4. Прощай, холодная темница,
Последний раз в тебе сижу,
Прощай, душа красна-девица,
Я завтра на расстрел иду.
Я завтра, как цветок, увяну
Среди прекрасных юных лет,
Я завтра, как свеча, угасну,
Мне не видать прекрасных дней.
Могила заменит мне койку,
Постель—холодная земля,
Спать уложит пуля злая
Меня на веки молодца.

5. Пришел уж час—пора расстаться
Мне с родною стороной,
Слезами мать моя заплачет,
Расставшись бедная со мной.
Меня схватили, посадили
И все как будто бы шутя,
А на утро заявили,
Расстреляем мы тебя.
Зачем правительство судило
Меня с молодых юных лет,
Зачем ты, мать, не задушила,
Когда родился я на свет.

Запис. студ. Генендер в г. Никольске-Уссурийске.

6. Жил я в городе Одессе
Да на улице Семской,
Там стоят четыре башни,
Посредине дом большой.
Тот не дом и не больница,
А настоящая тюрьма:
В той тюрьме сидит мальчишка
Лет двенадцати дитя.
Он не слышит и не видит,
Когда ключники идут,
Отворяют тихо двери
И такую речь ведут:
«Ты признайсь, признайсь, мальчишка,
Сколько душ ты загубил?»—
«Восемнадцать православных
И сто двадцать пять других».—
«За других тебе прощаем,
А за русских никогда».
Выйди, выйди ты, мальчишка!
Посмотри на белый свет
Сколько там стоит народу,
А посредине мать, отец».
Не плачь, папа, не плачь, мама,
Не плачь, родная сестра.
Завтра рано на рассвете
На свободу выйду я».
С молодых юных лет
Я остался сиротою,
Счастья доли мне нет.
Мой холод и голод
Он меня изнурил,
А я мальчик еще молод
Это все пережил.
Других сожалеют,
Приласкают порой,
А меня все обижают
И для всех я чужой.
Я чужой на чужбине,
Я без роду живу,
И нигде я родного
Уголка не найду.
Вот нашел уголок
Да и тот мне чужой,
Надоела эта жизнь мне,
Я ищу себе покой.
Бывало, порою
Под открытым небом спал
И хлеб черствый с водою
Часто, часто вспоминал.
Умру я, умру я,
Похоронят меня,
И нихто ни узнает,
Где могила моя.
И нихто на могилу
На мою не придет,
Только раннею весною
Соловей пропоет.

Записано в г. Владивостоке.

7. Как в саду при долине
Вот пропел соловей,
А я мальчик на чужбине
Позабыт от людей.
Позабыт, позаброшен,

Записано в г. Владивостоке.

8. Во Саратовском трактире
Сидят барышни четыре
Очень хороши.
У одной затылок сбитый,
У другой глаза подбиты,
У третьей три скулы.
А четверта толста, рыжа,
Привезена из Парижа
Моду показать.
Она моду показала,
Шестьдесят рублей украла
Себе на наряд.
Носик маленький утиный
Три аршина с половиной
Это—для красы.
На носу еще добавка,
Поларшина бородавка,
Станция для мух.
Губки тоненьки, тонéньки,
Что у мерина коленки,
Есть чем целовать.
Шаль турецка голубая
Вся изорвана худая,
Точно из рогож.
А носовой у ней платочек
Точно угольный мешочек—
Это для сопель.

Записано во Владивостоке.

IV. Историческая поэзия.

§ 12. Общие положения.

Дальневосточный край—сравнительно молодой край, особенно та часть его, которая является предметом рассмотрения данного выпуска, т. е. Приморье. Достаточно припомнить, что полвека тому назад или немногим более важнейшие города Приморья — Хабаровск, Владивосток, Николаевск н/Амуре, Никольск-Уссурийск —представляли собой либо небольшие военные посты и поселки, либо только зачинались, как города. Достаточно также припомнить, что немного более полвека назад было открыто, что Сахалин—остров.

Естественно, что искать в Приморье каких-либо старых памятников исторической поэзии, созданных здесь, было бы бесполезно.

Однако, весьма вероятно, что переселенцы на ДВосток, вольные и невольные, из последних особенно старообрядцы, могли занести сюда отдельные памятники исторической устной поэзии подобно тому, как занесли они сюда рукопись о стрелецком бунте 1682 года, описанную нами в другом месте *). Тоже нужно сказать в отношении казачества.

С другой стороны, сама по себе молодая история ДВ края могла дать известные темы и сюжеты для устной исторической поэзии.

Действительно, некоторый материал по данному разделу имеется.

Прежде всего казачество принесло с собой воспоминания о старых временах. Затем, на месте оно успело внести в область творчества отдельные моменты из своей жизни на ДВостоке.

С другой стороны, героические события эпохи Октябрьской революции, в частности великое партизанское движение, оставили яркий след в устном творчестве.

В дальнейшем мы рассмотрим отдельно:

1) казацкие песни,
2) партизанские песни.

§ 13. Казацкие песни.

Казачество, его история дали не мало интересных сюжетов для нашего исторического эпоса.

---

*) См. А. П. Георгиевский. Вопрос об архивах и памятниках древней русской письменности в пределах ДВ края. «Записки Владив. Отд. Госуд. Географ. О-ва», т. II (XIX), Владивосток, 1929, или отдельный оттиск.

Песни эти переходили из поколения в поколение и естественно, что они, вместе с казаками, переселенными в Приморье в половине прошлого века, докатились до берегов Тихого океана.

История казачества была по преимуществу историей походов, а потому в казацких песнях прежде всего повествовалось также о походах, о войнах, о героях, о возвращении казаков из похода домой.

В приводимых далее песнях поется в одной из них о том, как казаки едут с удалого набега, как жены, старцы и девицы выходят им навстречу и как невесел один казак, потому что он круглый сирота (№ 1). В другой песне вспоминается русско-французская война 1812 года и описывается случай, как «казак Платон» попал в гости к французам, которые приняли его за купца, угостили, как Платон, признался им в том, кто он такой и как затем ускакал он от французов вместе со слугами, да еще посмеялся над врагами, что они не сумели поймать его (№ 2).

Эти песни, конечно, не единственные в Приморье. Интерес в этих песнях представляет то, что казачество, очутившееся в своеобразной походной обстановке на Дальнем Востоке, жило и вдохновлялось в значительной степени воспоминаниями о прошлом.

По форме более интересна вторая песня, чем первая. Она довольно типична по построению: на первом плане — «мать Рассейская земля», на этом широком образе другой образ конкретный, частный, подтверждающий первый—это образ героя казака партизана 1812 года Платона (повидимому, связь с Платовым), подробно описанный, каким он был и каким явился к французам; далее типичная встреча с французами, принявшими казака за купца; далее так употребительный в исторических песнях подробный диалог, заканчивающийся тем, что казак открывается, кто он такой; наконец, финальный эпизод — бегство от французов и насмешка над ними. Стиль и язык типичны для исторических песен более нового времени.

Но на Дальнем Востоке у казачества была своя история, которая также просилась на страницы исторической песни. Это — те первые тяжкие годы, когда казаки, перевезенные из Забайкалья и с Дона на плотах и разбросанные без порядка по р.р. Амуру и Уссури, терпели в половине прошлого века страшные лишения от недостатка провианта и лошадей, от неурожаев и наводнений, от полной опасностей и волнений службы в приграничной полосе. Вот это-то время и воспето в приводимой ниже одной исторической песне, где без всяких прикрас схвачена картинка из жизни тогдашнего Уссурийского казачества, заимствованная нами в одном из докладов наказного атамана Уссурийского казачьего войска (№ 3).

Помимо содержания, приведенная песня отличается от предшествующих и формой, скорее напоминая своим простым, безыскусственным повествованием старые бытовые песни, чем собственно исторические. В конце песни несколько чувствуется литературное влияние.

ПРИЛОЖЕНИЕ №№ (1—3).

Казацкие песни.

1. Пыль клубчится по дорожке, слышны выстрелы порой
И с набега удалого едут казаки домой.
Вот оне уж близ столицы,
Едут, свищут и поют.
Жены, старцы и девицы все навстречу им идут.
Градом сыплются вопросы и стихают лишь порой:
Жив ли, жив ли мой сыночек, жив ли братец мой родной?
Все казаки веселятся, все спешат они домой.
Вот один казак не весел, он был круглой сиротой.
Лучше-б лег на поле брани, и не ехал бы домой.

Запис. С. Клитовенко в сел. Милоградове, Ольг. р., Влад. окр.

2. Мать Рассея, мать Рассея,
Мать рассейская земля!
Мать рассейская земля,
Многа славы пра тебя.
Многа славы пра тебя
Пра Платона казака,
Пра Платона казака,
Ни стрыжина галова.
Ни стрыжина галова
И ни брита барада.
Чрез закон Платон ступив,
Соби ноженьки купив.
Соби кудреньки обстриг,
Русу бороду абрив.
Русу бороду абрив,
У хванцузав в гостях быв.
Хванцуз ево ни узнав,
За купчика пасчитав.
И за белы ручки брав,
И ево в усця цаловав.
За тясовый стол сажаз.
За тясовый стол сажав,
И в ним речи размавляв.
Ох, ты купчик, ты галубчик,
Выпий рюмачку винца,
Выпий рюмачку винца.
Скажи правду да канца.
Много тому я суммы дав
Хто—Платона-б мне вказав.
—На что ту сумму терять,
Ево так можно узнать.
Яко лычко, такий глаз,
Я сядю увесь у вас.
— Як находишься ты, Платон,
То покажи-ка свой патрон.
Платон патрон вынимав,
На тисовый стол брасав,
Сваих слуг вон закричав.
— Ох, вы слуги, вы мои,
Вы падайте каня мне.
Ох, ты грош хфранцуз, барона,
Ни умев лавить Платона.
«Ой ли, ой ли не умев лавить Платона.

(Последние 2 стиха поются через каждые два стиха).

Запис. студ. Рабф. ДГУ А. Проценко в с. Волочаевке, Некрасовск. р., Хабар. окр.

3. «Еду я мимо селенья большого.
Что это, брат, за село.
Это живут духоборы—крестьяне,
Лучшие земли у них...
Вольные люди,—ну, точно дворяне,
Податей нет никаких.

* * *

Сами пришли и селились охотой,
В рекруты их не берут.....
Пень | же у нас, не утес, так болото,
Где и распашешься тут...

* * *

Нас на Амур то ведь силой селили.
Сунут в болото и скажут:—«село».
Не до работы. На службах мы гнили.
Как не пропали давно.

———

«Стой, брат, ямщик. Уж ночка настала,
Вьюга завыла, шумит.
Видишь ты хату, в селе у начала,
Ту, что там с краю стоит.

* * *

Трогай туда, постучи-ка в окошко,
Старая дома—поди.

Надо заехать... закусим немножко
И отдохнем до зари...

* * *

Вышла старуха и смотрит уныло,
В сумраке, холод ночной:
Видно начальник... давно их не было...
Надо принять на постой.
«Здравствуйте, барин! Эх вьюга какая,--
И не узнала-б никак.....
Ну, заходите..... хоть хата малая—
Все—ж разместимся кой—как».

* * *

Холодно в хате, чуть лампа мелькает,
Пусто кругом по стенам.....
Села старуха и стонет, вздыхает,
Все-то печалится нам:

* * *

«Старая я уж, из сил выбиваюсь,
Некому дров нарубить.....
День-то денской все работаю, маюсь...
Да уж не долго мне жить.....

* * *

Третьего сына на службу угнали...
Всех отобрали, осталась ни с чем,
Сроду беды мы такой не знавали...
Осиротела совсем.
Хлеб продала я последний и сбрую...
Справила форму ему...
Лошадь взяла я у кума гнедую—
За долг работать пойду.

* * *

Продала все я, что было в амбаре.
Справила кой—как седло...
Всех—то овец извела на базаре...
И разоренье пошло...

Из «Записки наказн. атамана Уссур. каз. войска ген.-м. М. М. Манакина по вопросам землеустройства каз. войска», от 15 июня 1912 г. См. № 153, отд. V, библ. Примгубархбюро.

§ 14. Партизанские песни.

Историческая песня, как и всякая другая,—произведение классовое, принадлежащее тому или другому общественному классу, выражающее его идеологию и настроения.

Старая историческая песня, как и былевой эпос в собственном смысле, была произведением высших, господствовавших тогда классов и слоев общества. Из только что разобранных нами в предшествующей главе, песни под № 1 и 2 носят на себе следы настроений также господствовавших классов общества. Лишь песня под № 3 более близка интересам трудового казацкого населения.

Октябрьская революция в корне перевернула социальную структуру общества и вызвала к непосредственной и могучей творческо-революционной борьбе широкие трудовые классы, классы рабочих и крестьян.

Трудно найти более яркий момент, подтверждающий и выявляющий в нашу эпоху творческо-революционную волю трудовых классов, чем гражданская война и, в частности, партизанское движение на Дальнем Востоке.

Партизанское движение на далекой окраине Советского союза, в Приморье, составит яркую главу во всей мировой истории, с несомненностью подтверждающую, что с непреклонной волей трудовых классов в лице рабочих и бедняков-крестьян, руководимых несокрушимым партийным влиянием, не может соперничать никакая враждебная сила, в том числе никакая интервенция.

Естественно, что эта великая эпоха не могла не найти отражения и в устном творчестве, которое по своему содержанию и форме пра-

вильнее всего включить в данный раздел, так как в этом творчестве заключена самая живая история, самая яркая, но с той разницей, что творцами этой истории и творцами произведений являются сами широкие массы рабочих и крестьян.

В нашу тему не входит описание различных моментов эпохи партизанского движенья в Приморье 1918—1922 г.г. Мы приведем лишь воспоминание об одном из случаев этой эпохи, передаваемое студентом Рабфака ДВГУ и связанное с приводимым ниже произведением.

Вот что вспоминает о гражданской войне один из рабфаковцев. «В д. Бичевой был штаб партизан. В июне месяце (1919 г.) нагрянула разведка отряда Калмыкова, которая поймала несколько партизан и зверски расправилась. В конце июня нагрянул сам атам. Калмыков, который поступил еще более жестоко. Он замучил несколько крестьян, совершенно не причастных к отряду, убил 5 китайцев, предварительно поиздевавшись над ними (им выкручивали руки, били плетями, отрезали уши и носы). У молодых ребят, убежавших в лес, сожгли дома. У одного убили отца за то, что большевики, убегая, бросили в его дворе свою телегу. Это повлияло на жителей. В конце июля пришел японский отряд и зверски расправился с 4-мя совершенно невинными людьми, которые были расстреляны, и теперь на том месте стоит крест. В память этого события сложена песня» (М. Ходасевич. Песня—см. прилож. № 1).

Эта песня, являющаяся в сущности небольшой поэмой, с большой яркостью передает и настроения крестьянства в эпоху партизанщины, и роль казацких атаманов, в частности есаула Калмыкова, атамана Уссурийского казачьего войска, и зверскую политику японских воинских частей, и состояние в то время крестьянского хозяйства, и героически спокойную и твердую психологию трудового населения.

Далее мы приводим ряд партизанских песен. Составлены они в разных районах Приморья, под разными настроениями. Описывают они различные случаи из жизни партизан, походы и подвиги отдельных партизанских отрядов. В одной песне жених рассказывает невесте про то место на Сучане, «где кипел кровавый бой» (№ 2). В другой песне партизан рассказывает о своей семье—отце любимом, пахаре, матери и сестре, о том, как на них напало «японцев злое ополченье», как погибла семья и как сам он, «зажав рукою крепко рану, бежал, спасая жизнь свою, и вечной клятвою поклялся отмстить врагам за дом родной» (№ 3). Четвертая песня рисует издевательства японцев над мирными жителями, женщинами и детьми и те жестокие мучения, которым они подвергали население (№ 4). В пятой песне описывается партизан, верный товарищ, закапывающий в землю убитого бойца: совершая скромное погребение, он вспоминает о том, сколько забытых отважных бойцов спит по лесам и дорогам и сколько немые уста мертвецов, если бы они открылись, могли рассказать «про зверства и пытки, про тюрем сырых тишину, про все бесполезные к бегству по-

пытки в колчакском жестоком плену» (№ 5). Шестая песня представляет собой думы партизана, который, смотря на свой партизанский отряд, стройно выходивший в равнину, просит коршуна, носящегося над сопкой, «снести в Совотчизну партизанский привет» (№ 6). Следующая небольшая песня рисует тяжелый случай геройской гибели партизанского отряда, не пожелавшего сдаться врагам (№ 7). Последние песни рисуют моменты наступления партизанских отрядов на врагов (№ 8 и 9) и передают уверенное бодрое настроение, которое привело к окончательной победе над врагом (№ 10).

Таково содержание приводимых партизанских песен.

Что представляют они по форме? Построение партизанских песен неоднородно: одни из них носят на себе следы народнической поэзии, в частности Некрасова и его поэм (№ 1), другие ближе в композиционном отношении к казацким и разбойничьим песням (№ 2, 4, 7), третьи ближе к композиции устной лирики и больше говорят о настроениях, чем рассказывают (№ 5 и 6), некоторые созданы в стиле веселых походных песен (№ 9), наконец, некоторые песни носят довольно ясные следы влияния революционных гимнов (№ 10).

Есть и такие песни, которые представляют собою простую переделку уже известных ранее песен с изменением имен и названий.

Отдельные песни остались даже с именем авторов (№ 3 и 6). Стилистически и в языковом отношении партизанские песни тоже неоднородны: основные приемы — сравнения, эпитеты, метафоры заимствованы преимущественно из устного старого творчества, именно из старых песен; отдельные стилистические приемы взяты из современной революционной поэзии (№ 10).

Встречаются песни, густо насыщенные образами и разнообразными стилистическими приемами (№ 5).

Кроме того, в партизанских песнях необходимо отметить господствующий в них серьезный, высокий и торжественно строгий тон, который отличает их от других видов устного творчества. Это — песни особого рода, героические песни, созданные величайшей в мировой истории эпохой.

И нет сомнения, что печать этой великой эпохи выделяет партизанские песни из ряда других и ставит их на особое место.

ПРИЛОЖЕНИЕ (№№ 1—10).

№ 1. Песня из эпохи гражданской войны в Приморье.

Укажи мне в Приморье деревню,
Где бы зверь-Калмыков не бывал,
Где невинная кровь не лилася,
Где крестьянин от зла не стонал,
Где японцы совсем не бывали,
Не терзали невинных людей,
Где из глаз не лилися ручьями
Слезы горькие жен, матерей...

На первой из улиц в деревне глухой
Видали вы крест одинокий.
Невольно он страх навевает собой,
Как память расправы жестокой.
А было то в годы гражданской войны,
Когда вся Россия стонала,
Когда были русские страхом полны,
Смерть злая над ними летала.

Когда от неведомой чуждой руки,
Невинная кровь проливалась,
Ревели орудья, ложились полки,
Земля от пальбы содрагалась.
Тогда-то в деревне глухой Бичевой
Сироты и вдовы рыдали.
Бывал Калмыков с своей шайкою злой,
Японцев отряды бывали,
И все они злобою жгучей полны,
Людей ни за что истязали.
Как будто кошмарные тяжкие сны,
Над тихой деревней витали...
Не сны только. Нет! Это горькая быль.
Не спящие люди стонали.
Не в снах по дороге клубилася пыль
И стаи тиран налетали...
На крест одинокий как я погляжу,
И вспомню кровавое дело.
Про эту историю я вам расскажу.
Так слушайте, как было, дело.
Был полдень. На скудных крестьянских полях

Пшеница и рожь поспевала,
Душистое сено лежало в стогах,
Страдная пора наступала.
Лесною дорогой японский отряд
Шел, пыль поднимая ногами.
В ноту были желтые лица солдат,
Все злобно сверкали глазами.
Их души ненавистью были полны,
Чем дальше, тем злоба сильнее.
Деревня близка, вот уж крыши видны.
Японцы пошли побыстрее.
Бывалый везде офицер молодой
Завел свой отряд в Бичевую.
Идя улицей тихою быстро, глухой,
Зашел он в избу небольшую.
В избе той Василий с семьей своей жил.
Они за обедом сидели.
— «Тебе большевика?»—японец спросил.
И лица у всех побледнели.
Когда-ж офицер свой вопрос повторил,
К нему подойдя на два шага,
Со скамьи Василий поспешно вскочил,
Затрясся всем телом бедняга.
— «Нет, нет большевика»,—промолвил старик.

Его сыновья поддержали.
Но их озадачил суровый окрик,
Японцы им руки связали
И вывели всех из избы поскорей.
Один их в шеренгу поставил:
Василий, брат старший невестки, Михей,
Два сына—Григорий и Павел
Стояли от страха бумаги белей
И с ужасом смерть ожидали.
И, глядя на связанных бледных людей,
Три женщины горько рыдали.
За старостой старший солдата послал,
Вины за собою не зная.
Напрасно старик пощадить умолял.
Стоял тот, мольбе не внимая.
За старостой посланный живо сходил.
Пришел тот, бедой удрученный.
— «Эй, он большевика?»—сурово спросил
Его, офицер озлобленный.
Лишь староста молвил, что этот старик
И те не бывали в отряде.
— «Как нет.. Первой улица весь большевик»!

Воскликнул японец в досаде
И прежде, чем тот еще слово сказал,
Назад ему руки связали.
Поставить его офицер приказал
Туда, где другие стояли.
Василий, крестясь, молитву шептал,
Другие безмолвно стояли,
И что то солдат офицеру сказал,
И Павла из ряда убрали.
Два залпа сейчас же из многих ружей
Один за другим прогремели.
Японцы убили невинных людей,
И жены вступиться не смели.
Рыдала и билась об стол головой
Григорья жена молодая,
А староста Либус еще был живой,
Воды попросил он стоная.
Но звери-японцы, совсем озлобясь,
Поспешно штыки в грудь вонзили
И трупы людей невиновных глумясь
В бурливую реку спустили.
Остался один только Павел живой,
Стоял, побледнев от испуга,
И был он на правое око кривой.
Японцы признали в нем друга.
Когда они были еще в первый раз,
Он им услужал, не боялся,
На фронте германском подстреленный глаз
Приметою верной остался.
Очнулся тут Павел, японцам сказал,
Кого они зря расстреляли,
И горем убитый он горько рыдал.
Японцы смутившись стояли.
Сказал в оправданье себе офицер,
Невольно всем этим смущенный,
Что Либус не принял решительных мер,
В убийстве людей тех виновный, и что переводчик ему говорил
Тот раз, как они приходили,

Что никто в партизанском отряде не был.
Из этих домов уходили.
Теперь они думали, что в тех домах
Стоят лишь одни партизаны.
В запутанных, полных смущенья словах,
Оправдаться хотели тираны.
Но вот отступленье горнист заиграл,
Убрались поспешно японцы,
(Какой же их чорт в Бичевую пригнал
Из страны Восходящего Солнца).
Собрался народ. Стали трупы искать,
Но речка быстра и глубока.
В прозрачной воде ничего не видать,
Должно быть снесло их далеко.
Крючками, баграми ловили в воде
И хлеба краюшку бросали.
Напрасные поиски, нет их нигде,
Как тщательно все не искали.
Прошло двое суток. За сочной травой
Ребята поехали в лодке,
Нашли одного под талиной густой,
Сказали большим об находке.
Поехали люди, собравшись толпой,
И старосту в трупе узнали
И вынув втащили на берег крутой,
За бедной вдовою послали.
Замытая тиной была голова,
И труп был наполнен водою.
Рыдала пришедшая вскоре вдова,
Народ собирался толпою.
И жалость, и грусть зарождались в
[сердцах,
И многие слезы пролили.
С глубокою скорбью и в горьких слезах
На завтра его схоронили.
Старуха сама и Григорья жена
Искали тела по протокам.
Сквозь воду прозрачную галька видна.
Где трупы? В Хору ли глубоком
Лежат там на дне и их трупы рыбы
[едят
Иль илом в протоке замыло?
И ходят две женщины, в воду глядят.
И все им на свете постыло.
Однако, Григория скоро нашли.
Весь труп посинел, разложился,
Когда хоронить на кладбище несли,
Уж запах кругом разносился,
И мать и жена провожали в слезах.
Когда же река обмелела,
Нашли ребятишки Михея в кустах,
Его уже рыба объела.
Сестра его Домна упала на труп,
Рвала свои косы рыдая,
Собралось вокруг ее несколько групп,
Расправу зверей вспоминая.
Что надо им было в России у нас?
Кто их просил на расправу?
Иль думали, злато найдется у нас?
Хотели создать себе славу?
Не слава, проклятье им будет вовек!
Зачем они кровь проливали?
Невинный от них погибал человек,
Сироты и вдовы страдали!...
Удалось двум рыбакам отыскать
Василья в протоке глубоком.
И вот, где пришлось ему кровь проли-
[вать,
Поставили крест одинокий.
Окончен мой полный печали рассказ.
Промчались и бури и грозы,
Но крест одинокий почти каждый раз
Наводит унынье и слезы.

Записано в д. Бичевой, Некр. р. Хабар. Окр., студ. Рабфака ГДУ М. Ходасевич.

№ 2. Партизанская песня.

Знаю, ворон, твой обычай!
Ты теперь от мертвых тел
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Где же ты летал по свету,
И, кружась над мертвецом,
И похитил руку белу,
Руку белую с кольцом.
Раскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой.
На Сучане есть то место,
Где кипел кровавый бой.
Бой кровавый, пир богатый,
Будешь помнить целый век.
Вот идет к нам с улыбкой
Ненавистный человек.

(Без окончания).

Село Милоградово, Ольгинск. района, Владивостокского округа. Записал Степан Клитовенко.

№ 3. В стране под Ольгою гонимой.

(По Сучанскому району).

В стране под Ольгою гонимой
Жила родная там семья,
Отец мой, пахарь, был любимый,
Работал вместе с ним и я.
Японцев злое ополченье
Напало вдруг на нас кругом,
Огонь пожрал наше селенье,
И все живое замерло.
В пылу отцовскую бердану
Сломал в неравном я бою,
Зажав рукою крепко рану,
Бежал спасая жизнь свою.
Отец погиб в кровавой схватке,
Сгорела мать, я спас сестру.
Когда с сестрой мы в сопках были,
Я видел хат родных пожар,
Сестра за мать свою молилась,
И за отца, что в битве пал.
Но вдруг! в кустах зашевелилось,
Раздался выстрел с под горы,
И больше сердце уж не билось
Моей красавицы сестры.
И я один из всех остался,
В горах над мертвою сестрой,
И вечной клятвою поклялся
Отмстить врагам за дом родной.

Переделанная из старой песни военкомом 4-го Сучанского партотряда Конст. Рослым, в 1922 г.

№ 4. Партизанская песня.

Не цыганский шумный табор,
Не хунхузский вольный стан.
Там сидят на склоне сопки
Рота красных партизан.
Командир с орлиным взглядом,
Вожак старый и седой,
Зорко смотрит на селенье,
Что стояло над рекой.
И очнувшись от раздумья,
Сединой своей встряхнул.
И на сына молодого
Вопросительно взглянул.
Где ты был прошедшей ночью,
Где скитался до зари?
Все, что видел, все, что слышал,
Без утайки говори.
Видел я прошедшей ночью
Мать родную и сестру.
Подводили их японцы
К разведенному костру.
Били, жгли их, издевались
В час полночной темноты.
И от стона содрогались
Побережные кусты.
Я подполз вблизи японцев,
Все патроны расстрелял,
Двух солдат и офицера
Всех пулями я снизал,
С сестрою, с матерью простился
И поплыл через реку.

Село Милоградово, Ольгинск. района, Владивостокск. округа. Зап. Степан Клитовенко. Та же песня записана студ. Рабфака ДГУ А. Белосорочкой, в с. Черниговке, Черниг. р. Владив. окр.

№ 5. Партизанская песня.

Причудливо тени ночные ложатся на темно-зеленый курган.
Под ним отдыхает, уставши сражаться, герой, изнемогший от ран.
И видел лишь путник в степи запоздалый, присевши с котомкою тут,
Как треплется ветром рубиново-алый нагнувшийся древний ласкут.
Там верный товарищ, бойца зарывая, воздал ему бранную честь,
И выросла в поле могила, зовя на решимость и месть.
О, сколько их спит по лесам и дорогам, забытых отважных бойцов
И если-б могли, рассказали-б о многом немые уста мертвецов.
Рассказали-б о тяжких походах средь снежных уральских равнин,

О муках страдальцев в степи, на подводах, о стойкости красных дружин,
Рассказали-б они про зверства и пытки, про тюрем сырых тишину,
Про все бесполезные к бегству попытки в колчакском жестоком плену.
Рассказали-б они про ночные расстрелы в Самаре, Перми и Уфе,
Про месть утонченную челеди белой в изящных штабных галифе.
Тот путник, уснувши под скорбным курганом, увидит пророческий сон.
На утро он встанет, окутан туманом, отсюда уйдет потрясен.
Он видел, он знает, какою ценою купили свободу живым
Все те, кто на фронте стальною стеною путь заперли хищникам злым.
Пусть полчищем грянет на нас разъяренный взорвавшийся классовый враг,
К возмездью зовет на кургане зеленом кроваво-рубиновый флаг.

Зап. гр. Жегало в Ник.-Уссур. и прислано студен. Педфака ГДУ Генендер.

№ 6. Думы партизана.

(Поется на мотив «Чайки»).

Дуют холодные ветры,
Вьются над думой мирской,
Носится коршун над сопкой,
Крик его полный тоской.
Там средь Сучанской долины,
Где сопки угрюмо глядят,
Стройно выходит в равнины,
Наш партизанский отряд.
Нет на них ярких мундиров,
Кто в чем попало одет,
Не узнать без погон командира,
Но грозен врагам их ответ.

Пусть не боятся крестьяне
Проклятой цепи Колчака,
На их стороне партизаны
Избавят всегда от врага.
О делах партизанских отрядов
Скоро узнает весь свет.
Коршун, снеси в Совотчизну
Наш партизанский привет.
Дуют холодные ветры
Вьются над думой мирской,
Коршун, снеси в Совотчизну
Наш партизанский привет.

ПРИМЕЧАНИЕ: Песня эта была составлена двумя партизанами, товарищем Дубовым и товарищем Вильсоном (партизанская кличка). Спроектирована в 1919 г. в Сучанской долине, а окончательно переработана и пелась с отрядами, — в Иманской долине. Распространена была больше всего в первом Приморском отряде, начальником коего был товарищ Дубов (он же Кишкалев), погибший в дер. Любитовка и похороненный в д. Арнадная, Иманск. у., а последнее время тов. Милехин.

Сообщил А. Грищенко. 1925 года, 25 мая.

№ 7. Партизанская песня.

Не вейтеся чайки над морем,
Вам некуда бедным присесть.
Летите в долину Сибири,
Снесите печальную весть.
В далекой восточной долине
Врагом наш отряд окружен.
За правду там бьются партизаны
Совместно с советским полком.
Патроны у них на исходе,
Снаряды уж вышли давно,

А помощи нет ниоткуда:
Погибнуть нам здесь суждено.
Вы видите, белые чайки,
Подходит наш час роковой.
Бежали партизаны в аттаку,
Поля покрывались врагом,
Но в плен не сдавались живыми
Партизаны в неволю врагу,
А наши, как братья остались,
Навеки у белых полков.

Зап. в г. Спасске, Приморской области, в 1924 г.

№ 8. Наступление.

Трещат арешники большие:
Идут отряды боевые,
Отряды храбрых партизан,
Державших путь на колчаковский стан.
Дело было уж под вечер,
Колчаковский стан был весел,
Пил, гулял и веселился,
А партизанский поход длился.
Но стан этого не знал,
Спать ложиться уже стал.
Как вдруг ребята молодые,
Смелы, храбры, удалые,
На врагов напав врасплох,
Подушили их, как блох.
Таких подвигов было не мало
Колчаковцам холодно стало,
Стали они шубы надевать
Да в Корею удирать.

№ 9. Партизанская песня.

Японцы ездют часто
И хочут нас найти,
У нас же они спросют:
«Куда бурсук живи?»

Припев: Горные вершины,
Я вас вижу вновь;
Враги все притаились,
Но мы их всех найдем.

На путь мы их направим,
В тайгу они пойдут,
А наши партизаны
В деревне здесь живут.

Припев: тот же.
Берите все метелки,
Сметайте все песок:
Заложим динамиду
И кабеля кусок.

Припев: тот же.
Вот видим: идет почтовый
И тяжело пыхтит.
И сзади три теплушки
И твердый броневик.

Припев: тот же.
Вот кабель натянулся,
Фугас воспламенил,
Броневик тяжелый
С откоса повалил.

Припев: тот же.
Забегали японцы
С криками «банзай!»
А наши партизаны:
«Строго пост свой знай!»

Зап. в Спасском районе, Приморской губернии.

№ 10. Наступление.

Вот уж подходим мы к крестовой сопке
И с нами впереди наш бравый командир.
Идет он полн надежд и силы,
На нем старый и рваный мундир.
Мы идем ни наги, ни одеты,
Оборвалися все по кустам.
Но в тот миг мы забыли об этом
И смело идем! Ведь, нас ждут уж там.
Взобравшись на крестовую сопку,
Товарищей там мы нашли
И, отдохнув на горе минут десять,
К каппелевским окопам пошли.
И идем—не боимся мы смерти!
Командира мы чтим, как отца,
И сердца наши полны надежды,
Мы свергнем золотого тельца!
Мы побьем буржуев толстопузых!
Мы побьем всех эксплататоров чужого труда!
Мы наш люд и мы наше крестьянство
В обиду не дадим никогда!
Долго помню я эти походы,
Они врезались в память мою,
Когда по кустам и по сопкам
Шагал я с друзьями в строю.

Зап. Мазуренко, студ. Раб. Факультета ГДУ.

V. Сказочный эпос.

§ 15. Сказки, легенды и анекдоты.

Вопрос о сказке русского Приморья рассматривается в том же разрезе, что и другие вопросы устного творчества. Мы не имеем в виду дать сколько-нибудь полного собрания сказок, но приводим лишь в данном предварительном очерке те виды произведений сказочно-легендарного эпоса, которые вообще может иметь в виду исследователь при работе над русским фольклором Приморья.

Сказка, несомненно, имеет довольно широкое распространение в трудовых слоях населения Приморья.

Репертуар нашей приморской сказки-разнообразный. Даже в тех девяти образцах, которые в дальнейшем приводятся, можно видеть образцы различных отделов сказочно-легендарного эпоса. Первые две сказки: «Козу гнать» (№ 1) и «Детская сказка» (№ 2) принадлежат к животному сказочному эпосу. Третья сказка—«Теща-ведьма» (№ 3) представляет собою пример, правда, неполной и достаточно бедной образами волшебной сказки. Четвертый и пятый образцы — «Сказ о богатствах ДВостока» (№ 4) и «Сон богородицы» (№ 5) относятся к числу легендарных сказок. Остальные четыре сказки: «Отец и сын дурак» (№ 6), «Мужик, уездный начальник и царь» (№ 7), «Поп и мужик» (№ 8) и анекдот о попадье (№ 9) представляют собою скорее всего образцы анекдотов.

По основным сюжетам, в приморских сказках, несомненно, прежде всего можно видеть следы основных международных сюжетов. Сказки о животных, в частности о козе — виновнице несчастий портного, крестьянина, можно встретить в сказочном эпосе самых различных народов. Сюжет о теще—ведьме точно также обошел различные народы. Легенда о снах богородицы в том или ином виде является очень распространенной. Сюжеты о сыне—дураке или круглом дураке, о мужике и царе, о попе и мужике, о попадье также являются очень распространенными, при чем сюжет о попе и попадье, как и вообще о жизни духовенства, больше принадлежит Западу, чем нам, хотя очень распространен и в нашем эпосе.

Но в сюжетной стороне приморских сказок есть моменты, которые придают этим сказкам местный, даже приморский колорит. Остановимся на отдельных примерах. В сказке «Козу гнать», вместо портного, выступают украинцы-переселенцы, «дид да бабо» с тремя дочками и двумя козами, при чем дед «в чирвоних чоботах»; выгоняет ко-

зу-дерезу «из лысычкиной хаты» не петух и не пчела, как во многих сказках, а рак (краб), который в условиях Приморья занимает более характерное место. В «Детской сказке», на ряду с Соломоном, выступают сом, галушки, вареники, Левко, т. е. та же украинско-переселенческая обстановка. В сказке «Теща-ведьма», ведьма фигурирует в связи с Киевом, что также свидетельствует о местном украинско-переселенческом колорите; здесь же вороной конь, который неизменно действует в среде украинско-казацкой, который действует и в «Пропавшей грамоте» Гоголя. «Сказ о богатствах ДВостока» целиком связан с переселением, морем и его богатствами, особой странной формы рыбой, однобокой камбалой, и таким образом — явно дальневосточного характера. Сказка «Отец и сын-дурак» связана с тяжелыми условиями земледелия в необжитых районах Приморья, где в то же время, при наличии всяких случайных дельцов, как и в др. колонизуемых районах, и хунхузов, крестьянский труд, особенно в первое время, был очень тяжелым. В сказке «Мужик, уездный начальник и царь», на ряду с царем и попом, действует «хохол» (название украинца, противоположное названию «кацапа-москаля» великорусса, как след не установившихся еще в начале переселения да и отчасти и сейчас национальных отношений); уездный или крестьянский начальник, а не земский, как в Европейской части старой России.

Стиль и композиция приморских сказок не носят на себе каких-либо приемов, резко отличающих их от других сказок. То же стремление в сказках о животных связать крепче жизнь человека с остальным животным миром, те же приемы легендарных сказок, что и в других легендах, те же приемы юмора в сказках-анекдотах.

Своеобразнее язык. В языке сказок чувствуются разнообразные наслоения, как прямой результат обилия и разнообразия говоров Приморья. Некоторые сказки (№ 1, 2, 4, 5, 6, 8) записаны на языке более близком к украинскому, чем к русскому. Но и в них, на ряду с украинской речью, слышатся слова и выражения русские. Возьмем начало сказки под № 1: «Жыв соби дид да бабо. Було у их тры дочки и дви козы. Старшу дочку звалы Улькой, младшу Нюркой и саму младшу Туркой». Если первая половина выдержки ближе к украинской речи, то вторая, несомненно, гораздо ближе к русской. Ответ всех животных лисичке — «Давай, я выгоню»,—тоже типично русский. Тоже и в других названных сказках. Остальные сказки записаны на русском языке, однако, отдельные слова и выражения, не говоря о типичных фонетических особенностях, встречаются украинские: «жинца», «казав», «шо», «прийшов», «як», «шо казав-то казав» (№ 7). Типичным образцом смешанного языка является анекдот о попадье, относительно которого даже трудно сказать, каких элементов здесь больше в языке, русских или украинских: с одной стороны, «попадья своею бидою», «несчастная моя доля», «рядом скажут», «а как гляну на бороду», и др., с другой, «що пип», «мини», «як», «йисты», «як пиду до цэркови», и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ (№ 1—9).

№ 1. Сказка: «Козу гнать» (№ 2.015 по Андрееву).

Жыв соби дид да бабо. Було у их тры дочки и дви козы. Старшу дочку звалы Улькой, младшу Нюркой и саму младшу Туркой.

Вот послав дид старшу дочку киз пасты. Вона-ж их пohнала и пасэ, пасэ, дай напое, дай на камушке постое и hонэ до дому. А дид, став на воротьях в чирвоних чоботях с золотым кийком, дай и спрашуе киз: «Козы! козы мои милы, чи вы пылы, чи вы йилы?» — «Ни, диду, мы ны пылы и ни йилы, а тильки биhлы чириз мисточек, хватылы клиновый лысточек да биhлы чириз hрэбильку да хватылы капильку водычки. Вот, диду, шо мы йилы и шо мы пылы». Дид взяв и убыв кийком дочку и поклав пид корыто.

Послав дид на друhый динь средню дочку пасты киз. Вона-ж их пасэ, пасэ, дай пойде дай на камушке постое (2 раза) и hонэ до дому. А дид стоит на воротьях в чирвоних чоботях и спрашуе киз. «Козы! козы мои милы! чи вы пылы, чи вы йилы?» — «Ни, диду! Мы ни пылы и ни йилы, тильки биhлы чириз мисточек, хватылы клыновый лысточек да биhлы чириз hрэбильку, хватылы водычки капильку. Вот, диду, шо мы пылы и шо мы йилы». Дид взяв и цю дочку убыв и пид корыто поклав.

Пohнала третья дочка пасты. Пасэ, пасэ дай напое дай на камушке постое и гонэ до дому. А дид стоит на воротьях в чирвоних чоботях и спрашуе киз: «Козы! козы мои милы! чи вы пылы, чи вы йилы?» — «Ни, диду, мы ны пылы и ны йилы, тилько биhлы чириз мисточек, хватылы клыновый лысточек да биhлы чириз hрэбильку, хватылы водычки капильку. Вот шо мы пылы и шо мы йилы». Узяв дид и третью дочку, кийком убыв и пид корыто поклав.

На друhый динь посылае вин пасты киз бабу. Баба их пасэ, пасэ дай напое дай на камушке постое (2 раза) и гонэ до дому. А дид стоит на воротьях в чирвоних чоботях и спрашуе киз: «Козы! козы мои милы! чи вы пылы, чи вы йилы?» — «Ни, диду, мы ны пылы и ны йилы, а тилько биhлы чириз мисточек, хватылы клыновый лысточек да биhлы чириз hрэбильку, хватылы водычки капильку. Вот, диду, шо мы пылы и шо мы йилы». Дид бабу убыв и пид корыто поклав.

Пohнав дид сам киз пасты. Пасэ, пасэ дай напое дай на камушке постое и гонэ до дому. Тильки дohоняе до воротив, дай впэрэд забиh киз, дай став на воротьях в чирвоних чоботях с золотым кийком и спрашуе киз: «Козы! козы мои милы! чи вы пылы, чи вы йилы»?— «Ни, диду, мы ны пылы и ны йилы, тилько биhлы чириз мисточек, хватылы чирвовый лысточек да биhлы чириз hрэбильку, хватылы воды капильку. Вот, диду, шо мы пылы и шо мы йилы».

Дид пиймав одну козу, а друha утикла, и начав кожу здырать. Драв, драв и ни додрав, пишов ножык точить, а коза взяла да с облупленным боком из ни закрытой хаты и утикла у лис. Биhла, биhла

по лису и наткнулась на лысычкину хату. Лысычка в цэ вримя пишла за водою, и коза зайшла у хатку, заперла двэри и зализла на пичку. Прыходэ лысычка с водою, а хата закрыта и в ний хто-то е. Сила она у двирив и плачэ. Бижыт зайчик и, убачив, шо лысычка плачэ и спрашуе: «Лысычка сыстричка, чоho ты плачишь?» — «Дай як мини, зайчику, ны плакать, як хто-то в моей хатки сыдыть». — «Давай я выгоню», — каже зайчик. «Кто в лысычкиной хати сыдыть? вылазь!» — «Я, коза-дырыза, пид бока луплына, за тры копа куплына, туту-туту нohамы, сколю тэбэ pohамы, хвостыком вымыту, рожкамы выкыну». — Ой, боюсь, лысычко сыстрычко», — каже заяц и утик. Сыдыть лысычка и плаче. Идэ вовк, баче, шо лысычка плаче, и спрашуе: «Лысычка сыстрычка, чоho ты плачишь?» — «Да як мини и ны плакать, як в моей хати хто-то сыдыть и ныкоho ны пускае». — «Давай я выгоню». — Стучит в двери. «Хто у лысычкиной хати сыдыть? вылазь!» — «Я коза-дырыза, пид бока луплына, за тры копа куплына, туту-туту нohамы, сколю тэбэ pohамы, хвостыком вымыту, рожкамы выкыну». — «Ой, боюсь», — казав вивк и утик. Сыдыть лысычка и плаче. Идэ мидвидь и, убачив, шо лысычка плаче, и спрашуе: «чоho, лысычка сыстрычка, плачишь?» — Да як мини, куманек, и ны плакать, як у моей хати хто-то сыдыть. Заяц и вивк хотилы выhнать да испyhалыся». — «Ну, а я давай выгоню». — Стучит у двери. «Хто у лысычкиной хати сыдыть? вылазь!» — «Я коза-дырыза, под бока луплына, за тры копа куплына, туту-туту нohами, сколю тэбэ pohамы, хвостыком вымыту, рожкамы выкыну». — «Ой, боюсь», — сказав мидвидь и утик. Сыдыть лысичка и плаче. Лизэ рак. Убачив, шо лысычка плаче, и спрашуе: «Чоho ты, лысычко сыстрычко, плачишь»? — Ой як мини, рачку, и ны плакать, як у моий хати хто-то сыдыть». — «Давай я выгоню». «Ну-ж ты и выhонишь. Вивк, мидвидь ны выhналы, а ты такый манэнький дай выhонышь». — «Выhоню», — каже рак и стучит у двери. «Хто у лысычкиной хати? вылазь! — Я коза-дырыза, под бока луплына, за тры копа куплына, туту-туту нohамы, сколю тэбэ pohамы, хвостыком вымыту, рожками выкыну». — «А я рак ны дурак, як ущипну дай ны так», — и полиз у дымарь. Зализ вин чириз дымарь на пичку и як ущипнэ козу. А она: «Ны мэнэ, ны мэнэ!» — А вин ей ще раз, так и выhнав. И стала лысычка соби жыть да пожывать да добра нажывать.

Запис. ст. Раб. ГДУ А. Проценко в д. Волочаевке, Некр. вол.. Хабар. окр.

№ 2. Детская сказка: (Подходящего № нет).

Козы, козы, ны ходыты у лозы: там царь Соламон хоче вас половыть, на тры части роздилыть. За морым рыбу ловылы, пиймалы сома с копытамы, запряhлы в виз, поихалы в лис, нарубалы ohлоблив, зачипылысь за пынек и простоялы вэсь дынек. Ныхто ны зна, ныхто ны зhада: hадала муха hорюха, принысла хлиба краюху. А я, зайчик-стыпанчик, принис мэду стаканчик. Дэ ўзялася оса, потяhла мэнэ пид

нибыса. Там цирковка з hалушочек злиплына, блыньцямы обставлына, бублычкам зачыныта, пряныčком пидпэрта. Проломыв я той бублык и пряныk, увишов в тую цэрковку. Там попы, як ясни снопы, а дячки, як варэныčкы. А сонцэ пиче, а с их масло тиче. Ударыв я попа в нисок, покотывся вин у куток, казав: «Панаско! Панаско! поробы коляскы, да поидым святыть паскы». А коляска пырыкынулась, паска покотылась. Ишов Лывко из стижком, нашов паску с мишком, пырыкрыстився и пишов.

Зап. ст. Раб. ГДУ А. Проценко в д. Волочаевке, Некр. в., Хаб. о., со слов кр. Анастасии Артеменко, ур. Куб. обл., пересел. в 1908 г.

№ 3. Сказка: «Теща-ведьма».

У одной бабы была дочь. Ее долго никто не сватал. Вот нашелся добрый человек и захотел взять ее в жены. На свадьбе, когда все гости гуляли, теща приготовила какую-то жидкую мазь, мазнула ей себя, потом зятя и дочь. Сразу они сделались невидимыми и исчезли из дому. Их долго не было дома. Через несколько дней зять один возвратился домой из Киева верхом на палочке. Его спрашивали, как он попал в Киев и почему приехал верхом на палке. Он рассказал все, как было. «Когда я гулял на свадьбе, мне вдруг показалась ведьма, и я сразу, как она подошла ко мне, очутился на хорошем вороном коне. Он, не слушаясь, помчал меня в Киев. Там я встретил свою тещу и невесту. Однажды, подходит ко мне та-же старая ведьма и говорит, чтоб я отправлялся домой. И я против воли своей сел на палку и вернулся вот в этом виде к вам, как вы меня видите».

Зап. со слов кр. А. Л. Силиной, 45 л., прож. в д. Пермской, Ольг. р., Вл. окр., пересел. из д. Душкиной Старод. у., Черн. г. в 1893 г.

№ 4. Сказ о богатствах Дальнего Востока.

(Подходящего № нет).

Казалы нам, шо в тим краю будыте жыты як у боhа за двырыма. Хлиб родыть, лучэ ны можэ буть; лис, вода, чоhо хочь, все е. А монахы и попы казалы, шо там е рыба та, шо матыр божа йила в чыстый чытверh, коhда плакала по умершому сынови. А як до нэй прыйшов анhыл и спытав ии, чоhо вуна плаче, то вуна казала, шо плаче по умершому сынови. Туди анhыл казав ий: «Ны плачь, твий сын воскрэснэ». Матырь божа казав: «Як воскрэснэ сын, коhда ўмэрла рыба?» А рыба тут и ожыла. Тилько матырь божа уже половыну иззила, так шо рыба выйшла иднобока. Мы прийихалы и побачылы ту рыбу. Тут ии называють—камбала.

Зап. на х. Садагоу Ольг. р., Вл. о., ст. Рабф. ГДУ И. А. Мазуренко.

№ 5. Легенда: «Сон богородицы».

На hори на осияньскии, на зэмли на хрэстиянскии, там причиста маты спала и зночывала. Прыснывся ии сон, що ии сына жыдова споймала. На хрэст руци и нози роспынала, шыпшыною пидпэрэзала, тэрновый вэнок на hолову клала, ёho святую кров на зэмлю зпускала.

Анhэлы святы з нэбэс злиталы, золотыи чашы пидставлялы, ёho святои крови до зэмли нэ допуськалы. Цэ нэ сон, а чыста правда. Скилько на дрэви лысту, скилько на зэмли пыску, стилько на чоловику hрихив. Хто будэ цэй сон чытаты, то ня ём будуть уси hрихи опадать.

Зап. в г. Спасск. ст. Рабф. ГДУ Ф. Кобыща от женщ. 60 л.

№ 6. Присказка: «Отец и сын-дурак». (Подходит по Андрееву к № 1681 «Иванушка-дурачок»).

Выизжае сын на заимок пахать, а батько ему и приказуе: «Пашы, а в вечори сошку повисыш на кущ». Сын так и зробыв. Пахав, пахав, повисыв сошку на кущ, а сам пойихав до дому. Прыизжае и крычыть: «Тату! я сошку повысыв на кущ!» А батько йому и каже: «Ты кажы тыхэнько, а то кто-ныбудь почуе и вкраде сошку». Пойихалы на друhый дэнь у двох. Пишов сын за сошкою, а ии ныма. Прыходыть и кажэ батькови тыхэнько: «А сошки ныма». — «Бач, я тоби казав, шоб ты тыхэнько казав, а то бач, хтось и вкрав сошку».

Зап. в с. Ново-Русановке, Сп. р., Вл. о., Ив. Фр. Рыжим.

№ 7. Сказка: «Мужик, уездный начальник и царь».

(Подходящий № по Андрееву—921).

Один раз хохол приходит в церковь. В это время шла служба. Народ толпой напирал на передних. Поп рассердился на народ, что они так непослушны, и закричал: «Скоты вы необразованные!» Хохол, услышав слова попа, решил образовать своего быка, который тоже скотина, как и все присутствовавшие в церкви. Приходит домой и говорит: „Жинца! я хочу тоhо нашеhо бóльшеhо быка образовывать! Батюшка казав, шо ehо можна образовать". Жинка, узнав, что это говорил сам батюшка, решила ехать вместе с мужем в город, везти быка. Приехали к уряднику и рассказали, в чем дело. Урядник согласился образовать быка, чтобы через год он стал уездным начальником, как просил его хозяин. За все труды свои урядник взял только сто рублей. Прошел год, хохол едет в город узнать о своем будуньке. Оказалось, что урядник выучил уже на уездного начальника. Мужик обрадовался словам урядника и дал ему еще сто рублей. Идет по городу, заходит в дом к уездному начальнику и видит: сидит уездный

начальник за столом и что-то пишет. «Здравствуй, будуня!» Уездный начальник выпучил глаза, ничего не понимая. Его фамилия была Рябко. Потом он соскочил со стула и давай ругаться и бить кулаком по столу за такое обращение с ним. Хохол обиделся и говорит: «Я-ж тебя, будуня, в люди вывел, а ты на своёho хозяина—та ишо руhаешься. Я прийшов посмотреть, як тебе живется». Но тут ему не дали договорить и вытолкали вон. Мужик поблагодарил еще раз урядника и поехал домой. На пути ему попадается какой-то человек и просит подвезти. Он был одет в охотничью одежду, с ружьем и собакой. Это—царь возвращался с охоты. Хохол посадил его, и они поехали. Царь и спрашивает мужика: «Как, мужичок, тебе нравится царь? Даволен ли ты им?— «Да царь-то ничого,—говорит хохол,—да царица сволочь». Царь приехал домой, рассказал разговор с мужиком царице, и на другой же день велели притти мужику. Мужик пришел. Царь спрашивает хохла: «Ты ругал вчера царицу?» Хохол сразу ничего не мог вспомнить, но потом, подумав, сказал: «Шо казав, то казав, та якась-то сволочь донéсла!».

Зап. со слов кр. А. Л. Силиной, 45 л. прож. в д. Пермской, Ольг. р., Влад. о., приех. в Пр. из д. Душкиной Черн. г., Старод. у., в 1893 г.

№ 8. Сказка: «Поп и мужик». (Подходящего № нет).

До идноhо мужыка зайшов пип. А той мужык та був на идно око слипый. Пип бачыть, що мужык з идным оком, тай каже юму: «Ты майбуть, Стыпане, мало бачышь идным оком»,—каже пип мужыкови. А мужык каже юму: «Ни, батюшка, я бильше бачу идным оком, чым вы двома. Я идным оком бачу у вас двое, а вы двома бачытэ у мене идно».

Зап. ст. Р.Ф. ГДУ Мазуренко со слов перес. на х. Садагоу Вл. о., из Киев. г.

№ 9. Анекдот о попадье.

(Подходящего № нет).

Журилася попадья своею бидою:
«Несчастная моя доля, що пип з бородою.
Ох, мини тяжко, ох, мини нудно,
Що пип з бородою, жыть на свити трудно.
Як пизвут нас на христины,
Рядом скажут систы,
А как hляну на бороду, не моhу йисты.
Ох, мини тяжко, ох, мини нудно,
Що пип з бородою, жыть на свити трудно.
Як пиду до цэркови боhови молитися,
А як hляну на бороду, не могу хрэститися.
Ох, мини тяжко, ох, мини нудно,
Що пип з бородою, жыть на свити трудно».

Зап. в г. Ник.-Уссур. ст. Генендер от перес. из Черн. губ.

VI. Частушки.

§ 6. Характеристика частушки.

Частушка в Приморье имеет такое же широкое распространение, как и в других областях Советского союза. Основные свойства ее настолько благоприятны, настолько созвучны действительности, что эта коротенькая четырехстрочная песенка не может не получить самого широкого распространения *).

Тематика приморской частушки очень разнообразна.

Самый, пожалуй, обширный отдел частушки—это *бытовые*. Вся окружающая деревню и город обстановка, все мельчайшие подробности быта—находят свое место и отражение в частушке. С другой стороны, в бытовой частушке есть темы, на которых эта песенка останавливается дольше и внимательнее. Это, по преимуществу,—семья и жизнь, положение женщины в семье. Тяжелые условия семейного быта, горькая доля женщины, ненормальные отношения между мужем и женой, между отцами и детьми, тяжелая физическая работа женщины,—все эти частные темы сливаются как бы в одну центральную. В этом отношении бытовая частушка составляет как бы параллель старой длинной бытовой песне, которую она в значительной степени сменила (отдел 1-й).

Не меньшее, кажется, место в частушке занимает и другая тема, именно, *любовь*. Любовная частушка, может быть, более однообразна в смысле основного содержания, так как содержание вращается вокруг одного основного чувства, чувства любви. Зато образы частушки, ее художественные переливы, ее детали здесь еще разнообразнее и красочнее. В любовной частушке выступают, кроме милого и милой, и родители, и природа, и соперницы, и всякие приметы, и страх потерять любимого, и зависть к другим, и радость свидания, и тяжесть злых и недобрых предчувствий (отдел 2-й).

Война, как мы видели в других отделах устного творчества, занимает свое важное место. Солдатчина всегда была страшна деревне, крестьянину, деревенскому парню, девице. Красноармейская частушка как-то еще недостаточно проникла в деревню, по крайней мере, в записанных образцах не занимает места. Нет сомнения, что она в значительной степени изменит и содержание, и настроение, и тон воинской частушки. Пока же в *воинской* частушке сильнее звучат старые

*) Более подробное освещение вопроса и иллюстрации, за недостатком места, даются в «Записках Владивостокского Отдела Госуд. Геогр. О-ва», т. III (XX) Владивосток. 1929, в статье: *А. П. Георгиевский.* Частушка Приморья.

настроения, связанные главным образом, с потерей для родителей своих детей, для девицы своего милого, с потерей для молодой жены мужа и для малых детушек отца. Естественно, что мало воинских частушек веселых, радостных. В них больше горя, слез, страдания, чем радости, смеха и утешения. «Сиротинка горькая» — основной мотив и главная тема воинской частушки (отдел 3-й).

Нет сомнения, что одним из величайших бытовых зол, ярких социальных бедствий является пьянство — и для деревни, и для города, и для крестьянина, и для рабочего. В этом отношении важное место занимают частушки о *пьянстве*. Интересно, что в частушках о пьянстве как-то затушевывается сторона своеобразного веселья и разгула. Здесь больше поется о драках, о «рваных боках», о том, что пьют в то время, когда хлеба нет ни куска, о том, что часто пропивается все до последней рубашки. Значит, частушка в массе решительно осуждает пьянство. Оно выступает именно, как великое социальное бедствие, и частушка ведет с ним своеобразную борьбу.

То, что пока сказано о тематике частушки, говорит об элементах старого, традиционного, темного в быту крестьянина и рабочего. Но частушка этим не кончается. Наоборот, она, пожалуй, еще с большим вниманием, с большим разнообразием деталей охватывает и элементы нового, передового, светлого, революционного (отдел 4-й).

Революция приблизила к жизни, к повседневной работе трудящихся вопросы политики. Больше того. Поставив во главе политического и хозяйственно-культурного строительства классы рабочих и крестьян, революция тем самым поставила рабочего и крестьянина в центре всех основных, кардинальных вопросов хозяйства, индустриализации страны, обновления крестьянского хозяйства. И не только взрослых, но и молодежь, комсомольскую в особенности. Поэтому-то мы и видим, что частушка, как непосредственное отражение быта, все больше и больше, все шире и шире включает в сферу своего действия вопросы политики, вопросы жизни партии, заветы Ленина, вопросы о налогах, а также вопросы всей широкой работы партийной и комсомольской молодежи и в городе и в селе.

Прежде всего героическая борьба приморского крестьянства в годы интервенции и гражданской войны нашла свое отражение в частушке. Мы имеем значительное число *партизанских* частушек, поющих, с одной стороны, о калмыковцах, японцах, каппелевцах и, с другой, о партизанах, боровшихся тогда за пролетариат и советский строй. (Отдел 5-ый).

Далее различные моменты современности не уходят из поля зрения частушки: есть частушки *антирелигиозные* (отд. 7-ой), *о переселенцах* (отд. 8-ой), есть частушки о *нацменьшинствах* (отд. 9-ый).

Более подробно останавливаются творцы частушки на отношении между *городом и деревней*, при чем в этих частушках с особенной ясностью отражается приморское положение той части ДВК, которая

рассматривается в данном очередном выпуске: матрос и «деревенец», капитан и казачка, зимующие пароходы, названия Владивостока и Николаевска на/А, — все это детали одной общей приморской картины (отдел 10-ый).

Приморская частушка не может обойти своим вниманием такое явление, как *контрабанда* (отдел 11-ый).

Наконец, весьма значительное место уделяется в частушке тяжелому моменту современности—*хулиганству*, при чем частушка не любуется хулиганством, как и пьянством, но больше, пожалуй, смеется над ним и также бичует (отдел 12-ый).

Приведенные образцы частушки по 12-ти разделам, конечно, не покрывают всей обширной тематики этого разнообразнейшего по темам вида современного устного творчества, но в то же время указанные явления жизни находят наиболее частое место в частушке.

Ритмико-метрическая структура приморской частушки типична. Рифма не имеет значения для 4-хстрочности частушки, но господствует музыкальный шаблон. Ритмические ударения по долям музыкального такта—основа ритма частушки. Детали частушечного размера тоже в общем типичны. В отдельных случаях частушка выходит из своего четырехстрочного, или точнее четырехстишного, размера до шести и восьми стихов, превращаясь в последовательную цепь деталей основной темы.

Как и в других видах устного творчества Приморья, бóльшее своеобразие представляет язык частушки. В языке приморской частушки ярко, как в других видах творчества, отразилось разнообразие говоров. Мы сознательно привели примеры частушек из разных уголков Приморья, чтобы подчеркнуть разнообразие словаря этой песенки. Украинские слова чередуются с русскими, белорусскими. Русское оканье чередуется с южно-русским аканьем. Звуковые особенности также ярко отражаются в частушке. В с. Спасском, Влад. окр., населенном по преимуществу украинцами, записаны рядом частушки, из коих одни с яркими украинизмами, а другие русские:

Русские:

1. Ох, милая моя,
   Я тибя уважу.
   Куплю деńтю на пятак,
   Ворота измажу.
2. Ох, у нас село большое,
   Сто семнадцать домиков,
   Остаются стары девки
   Обмывать покойников.

Украинские:

1. У староńо борода
   Смырдить крапивою,
   А я сама молода
   Цвиту калыною.
2. Я от броду нэсу воду,
   Коромысло ћнэця,
   Нэ пиду я за староńо,
   Хай нэ западэця.

Однако, в языке частушки необходимо отметить, что господствует в ней не украинский, а русский язык. В украинских селениях частушки чаще распеваются на русском языке. Это совершенно ясно и из приводимых в приложении образцов.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

1. Бытовые частушки.

1. Ох, милая моя,
Я тебя уважу.
Куплю деһтю на пятак,
Ворота обмажу.

2. У стороһо борода
Смырдить крапивою,
А я сама молода
Цвиту калыною.

3. Ты закуривай не бойся,
Я ни староверочка,
Я к махорочке привычна
Молодая девочка.

4. Я от броду нэсу воду,
Коромысло һнэця,
Нэ пиду я за стороһо,
Хай нэ западэця.

5. Ох, у нас село большое
Сто семнадцать домиков,
Остаются стары девки
Обмывать покойников.

6. Һолубая моя лента
На полу валяется.
Кто ноги моей не стоит,
Тот за мной һаняется.

Зап. в с. Спасском, Вл. о., студ. ГДУ Ф. Кобыща.

7. Ты не стой под окном,
Не маши да пальцем,
Не пойду я танцевать
С этаким поганцем.

8. Вы не бейте меня,
Не ругайте меня,
Если я вам не нужна,
Так отдайте меня.

9. Шила милому кисет,
Вышла рукавица,
Эх, чорт побери,
Какая мастерица.

10. Эх, ты, милая моя,
Вся похожа на меня,
Черны брови колесом,
Зелены сопли под носом.

Запис. студ. М. Ходасевич в дер. Бичевой, Некр. р., Хаб. окр.

11. Ой, платочик тонак, тонак,
На срядине сорак елак.
Сорак елачик у ряд,
Нету совисти в рибят.

12. На һаре, на һорачки
Стаять ведры вядерачки.
Девки ноһи вымыли,
Хлопцы воду выпили.

13. Ни пайду я в Риһу замуж,
Там чужая старана,
Ни па нашиму һаворять,
Ни привыкну никаһда.

14. Ой, танцуйтя, батиначки,
Больше вам ни танцавать,
Замуж выйду, буду плакать,
Вам пад лавачкай стаять.

15. У Пирятиньскай шпаны
На траих адни штаны,
Иван нося, Яһор прося,
Кузьма в очаридь стаить.

16. Я милашку праважав
Да Сучана да ряки.
Ня моһ пяшком ее даһнать,
А паехав на кани.

Зап. в д. Перетине, Суч. р., Влад. окр., студ. И. Рослым.

2. Любовные частушки.

1. На моем мосту
Провались доска,
На мою, на милую
Навались тоска.

2. На горе самовар,
Под горою чайник,
Мой милёнок провожал
Городской начальник.

3. У моей у милочки,
Глазки, как у рыбочки.
У меня у дурака,
Как у старого быка.

4. Закурил бы табачку,
Нет белой бумажки.
Погулял бы, девки, с вами,
Нет моей милашки.

5. По деревне я иду,
Собаки лают на беду,
Собаки лают, про то знают,
Что я к милочке иду.

6. Платочек мой,
Тонкий рубчик,
Я давала, говорила:
«Помни, голубчик».

Зап. в д. Тавричанке, Пос. р., Вл. окр., студ. ГДУ Болотниковым.

7. Ах, лапти мои,
Чотыри оборки.
Схочу дома заночую,
Схочу у Ehорки.

8. Ты не стой на леду,
Бо провалишся,
Я хочу тебя любить,
Ты ломаешся.

9. Я сидела на стоhу
На самой вершине,
Шила милому кисет
На новой машине.

10. Шила милому кисет
Из белоhо шолку.
Хотел милый полюбить,
Нет у нево толку.

11. Ой, маминька,
Тебе я не работица,
А тому работница,
С кем hулять охотница.

12. Золото колечко в речку,
А из речки куда хочь.
Теперь с милым я в ращете,
Влюбляйся в коhо хочь.

13. Шила милому кисет,
Вышла рукавица.
Эх, чорт побери,
Какая мастерица.

14. Новый домик, новый домик,
Нова подыконица.
Разрешите вы, ребята,
С вами познакомица.

Зап. ст. Сигидой в дер. Покровке, Кал. р., Хаб. окр.

3. Воинские:

1. Меня пулей не собьешь,
Шаблей не зарубишь.
Если хочешь, налитай,
Больше жить не будешь.

2. Неужели в самом деле
Нас в солдаты заберут,
Шинель серую оденут,
Шаблю острую дадут.
Шабля острая стальная,
Прощай, маменька, родная.

3. Милый мой, пойдем домой,
Пойдем, моя картиночка.
Тибя вhонят аа войну,
Останусь сиротиночка,
Сиротинка hорькая,
Осталась одинокая.

Зап. студ. Р.Ф. ГДУ Ф. Кобыща в с. Спасском. Влад. окр.

4. Еш, каровушка, саломку,
Ня надейся на траву,
Скора придя мой миленак
На пабывку к Пакраву.

5. Вышивала я платочик,
Дай ня знала, кому дать,
Пашов миленькай в салдаты,
Дала слёзки утирать.

Зап. в д. Екатериновке Влад. окр., Суч. р., О. Пика.

6. Эх, яблочко,
Из Италии,
Надоело воевать,
Пролетарии.

7. Снеги пали, снеги пали,
Пали и растаяли.
Лучше-б братика забрали,
Милого оставили.

Зап. ст. ДГУ Болотниковым в д. Тавричанка, Пос. р., Влад. окр.

4. О пьянстве.

1. Из калодца вада льетца
Вада валнаватая,
Мил напьется, раздиретца,
А я винаватая.

2. Катиринавских рибят
Можна здалика вhадать.
Разарваные бака
Ни вылазят с кабака.

3. Девка з hорачки упала,
На hарелый на пянек,
Я за пьяницу папала,
Мой радимый куманек.

Запис. в д. Екатериновке, Суч. р., Влад. окр., О. Пика.

4. Тавричанских ребят
Можно здалека узнать,
Шубы рваны, без боков,
Не минуют кабаков.

5. Как я выйду на реку,
Чтоб поближе к кабаку,
Не моя ли пьяница
В кабаке валяетца.

6. Эх, яблочко заграничное,
Эх, девица симпатичная.
Пили водочку заграничную,
Любили девицу симпатичную.

Зап. в д. Тавричанке, Пос. р., Вл. окр., ст. ГДУ Болотниковым.

5. О политике и комсомоле.

1. Трактар пашит па мижам,
Что-б жилось атрадний нам,
На силе у нас типерь
Есь машина и артель.

2. Итальянка—медны планки
Звонки льютца галаса,
Раскажи-ка, итальянка,
Пра савецки чудиса.

Запис. в д. Екатериновке, Суч. р , Влад. окр., О. Пика.

3. Раньше была Ванина,
А теперя Сенина,
Ой, вяди—ж мяне, миленак,
Слушать речи Ленина.

4. Миня сватали сваты,
Приданаhа триста,
Мне ни нада васимьсот
Толька камуниста.

5. Любила я камсамольца,
Камсамольца Мишку,
Я за то яhо любила,
Што читав ён книжку.

6. Ести сопачки высоки,
Тижало на их бижать,
Дайти браунинг любимый,
На всех буду зарижать.

7. У hоради дождь идеть,
У деревни склизка.
Удирайтя калчаковцы,
Уже Ленин близка.

Зап. в д. Перетине, Суч. р., Влад. окр., студ. И. Рослым.

6. Партизанские.

1. Во саду ли в огороде
Бегает фазанка,
Мой миленок партизан,
А я партизанка.

Зап. в д. Покровке, Кал. р., Хаб. окр., студ. М. Сигидой.

2. Мы у сопки живем
А в Приморье каша,
Скоро красные придут
Будет воля наша.

3. Ох, не дай бог
Япошке попастца:
Не успеет увидать,
Лезет целоваться...

4. Ах, девочки,
Что так весело.
Власть буржуйская
Нос повесила.

5. Я на бочке сижу,
А под бочкой Мишка,
Эх, скоро красные придут,
Всем япошкам крышка...

6. Во саду ли в огороде.
Картошка растет,
Убирайтесь, партизаны,
Япошка идет.

Зап. в д. Бичевой, Некр. р., Хаб. окр., студ. М. Ходасевич.

7. Антирелигиозные,

1. Поп кадив кадилаю,
Сам сматрев на милаю.
Госпади памилаю
Акулину милаю.

Зап. в д. Перетине, Влад. о., Суч. р., студ. И. Рослым.

2. Як була я у попа
Преподобницею,
Повысыла рукавицю
Над оконицею.
Хто не йдэ, хто не йдэ,
Все пытяеся,
Чия рукавиця,
Тэлепаеся.

Зап. студ. Рабфака ГДУ Ф. Кобыща в с. Спасском, Влад. окр.

3. Моя мила богомолка
На заутрени была;
Шаль пухову прогуляла,
Шубу нову пропила.

4. Девки спорили в соборе,
У кого оборки,
Долы, долы у меня,
Люблю миленка я.

Зап. учит. Игнатьевск. шк., Кал. р., А. С. Горшениным.

8. О переселенцах.

По Игнатьевке скитался
Поселенец молодой;
Полюби его, девчонка,
Он остался сиротой.

Зап. учит. Игнатьевск. шк. Кал., р. А. С. Горшениным.

9. Частушки о нацменьшинствах.

1. Ох, юбка моя,
Юбка узкая,
Мой миленок-китаенок,
А я руская.

10. О городе—деревне,

1. Подайте машину,
Подайте свисток;
Я сяду, поеду,
На Владивосток.
2. Чем платочик вышивать,
Лучше полотенце,
Чем матроса любить,
Лучше деревенца.
3. Город Николаевск,
Французский завод,
Там работал мальчик
Двадцать один год.
4. Мать моя барыня,
Отец капитан,
Жена моя казачка,
А я шарлатан.
5. Пароходы зимовали,
С пароходским зналася,
Пароходы утонули,
Сиротой осталася.

Зап. в с. Серафимовке, Влад. окр., учит. М. Голубевым.

6. В церкви колакол званит
Милачка винчаитца,
Дай таварищ, ривальвер,
Жисть мая канчаитца.
7. Галифу, галифу
Наемная шкура,
Хто не любя галифу,
То первая дура.
8. Чем платочки вышивать,
Лучше палатенца,
Чем матросика любить,
Лучше диривенца.
9. Отчиво канфетки слатки,
У них сахарный писок.
Отчиво деуки красивы,
У них пудры на виршок.

Зап. в дер. Екатериновке, Суч. р., Влад. окр., О. Пика.

10. Вот и речка, вот и мост,
Вот хороший перевоз,
А я свою чернобрóву
На руках перенес,
Перенес, перетащил,
Ничего не замочил,
Только сделал одну шкоду,
Упустил башмак *у* воду.
Не так жалко башмака,
Как белого чулка.
Башмак папинька купил,
Чулок милый падарил.

Зап. в д. Покровке, Кал. р., Хаб. окр., студ. М. Сигидой.

11. О контрабанде.

1. Заграницу я ходила,
Матерьялу принесла,
Свово милого любила
И ему все отдала.

2. Госвина я не пью—
Мне сули хватает,
А где я беру,
Никто то не знает.

12. Хулиганские.

1. Бей, товарищ, по окну,
А я по другому.
Заработаем тюрьму
По новому закону.

2. Мы окошка побили,
Мы еще пойдем, побьем,
Нам милиция знакома,
Мы в тюрьму не попадем.

Зап. студ. Сигидой в д. Покровке, Калин. р., Хаб. окр.

3. Бей, товарищ, па вакну.
А я по другому,
Забярут нас у тюрьму
Па новаму закону.

4. Бей, товарищ, я ня выдам,
Пабяћим ни атставай,
На праклятаю шпану,
Ты асечки ни давай.

Зап. в д. Перетино, Владив. окр., Суч. р., студ. И. Рослым.

5. Нас побить, побить хотели,
Резать собирался,
А мы сами каторжане,
Тово дожидался.
6. Нам хотели запретить
По этой улице ходить,
Стены каменны пробьем,
По этой улице пройдем.

7. Нас побить, побить хотели,
Резать собирался,
Палок, чурок набросали,
Сами разбежался.
8. Нам хотели запретить
По этой улице ходить,
Кому тошно, мы нарошно,
Мы на зло будем ходить.

Зап. в. д. Покровке, Кал. р., Хаб. окр., студ. М. Сигидой.

VII. Русский фольклор и туземные народы ДВостока.

§ 17. Характеристика вопроса и примеры.

В этой главе мы не имеем в виду подвергнуть подробному анализу один из важнейших вопросов фольклора, так как в наших руках нет достаточного для этой цели материала. Ограничимся лишь констатированием фактов и указанием отдельных случаев.

Русское Приморье, на ряду с русскими, украинцами, белоруссами, молдаванами, населено китайцами и корейцами, а также различными туземными народами.

Появление русских на Дальнем Востоке не могло не найти хотя бы слабого отражения в сказаниях и легендах др. народов ДВК. Насколько глубоко и органически, так сказать, этот факт отразился в фольклоре народов, населявших ранее ДВосток, мы не можем еще сказать, но отдельные моменты на лицо.

В дальнейшем мы приводим несколько легенд, связанных с появлением русских на ДВостоке, а именно следующие.

Китайская легенда о пан-цуе *), или жень-шене, чудесном корне, добываемом в тайге и идущем, как лекарственное средство, в китайской медицине, на ряду с пантами (молодые оленьи роги, наполненные кровью). Русские на ДВостоке иногда становились, на ряду с китайцами, искателями жень-шеня, и охотники-убийцы китайцев, об одном из коих упоминается в приводимой легенде, нередко были русские (№ 1). Но обыкновенно добыванием корня занимаются специалисты, искатели жень-шеня китайцы. В лохмотьях, с передником и барсучьей шкуркой (для сидения), без оружия, с одной длинной палкой для раздвигания травы и с амулетом на левой руке (деревянный браслет) бродит искатель один в глухой тайге, где водятся тигры и медведи, и, по навыкам тысячелетних опытов, ищет он этот корень, нередко сам погибая от голода, зверей, злых людей—охотников за искателями, которые поджидают на таежной тропе, убивают и отбирают дорогое растение.

Приводим несколько легенд из жизни малых туземных народов ДВК. Такова гиляцкая легенда о русских, рассказывающая о том, как русские явились спасителями гиляков, перешедших на Амур с Камчатки, от чертей. Русские в легенде, белые люди, оказались сильнее богов и шаманов (№ 2). Примерно, в такой же форме гиляцкая легенда о русских была записана М. Сувинским в ДВ краевой газете «Тихоокеанская звезда»,

*) В более подробной и образной форме легенда о жень-шене приводится молодым на ДВ писателем А. Ваниным в рассказе „Пан-цуй“.

со слов старого гиляка Паку *). Только М. Сувинский сообщает новый, более современный конец, а именно: «Теперь гиляки сеют картошку (рассказывает Паку). Очень вкусно вместе с рыбой. Все гиляки скоро будут иметь землю, на которой произрастает картошка, лук, горох, брюква. И еще будет земля, и еще будет хлеб... Паку живет 67 лет, он этого никогда не видел. Но у него много ума, на голове нет волос, и Паку говорит: «Это хорошо! Спасибо новым русским».

Факт отражения в легендах и сказаниях нерусских народов, населяющих Приморье, отдельных событий русской истории — это один момент.

Другой интересный момент—это переделка отдельных произведений русского фольклора нерусскими и передача их на каком-то своеобразном смешанном диалекте.

Этот момент встречается прежде всего в среде китайцев, которые являются более общительными, чем, например, корейцы, и как-то ближе подходят к деталям русского быта, русского языка и творчества.

Значительную роль в этой области играют китайцы—уличные фокусники. Они ходят с медведем, с обезьяной, с маленькими мышками, или и без животных, представляя свои разнообразные фокусы, по большей части совсем незамысловатые **).

Мешок, в котором находятся: китайский божок, палочка, пара эмалированных чашечек, несколько шариков из материи — вот основные орудия работы фокусника. Иногда, как уже сказано, два китайца, взрослый и с ним мальчик; иногда—медведь, обезьяна, мыши или морские свинки.

И мальчик-фокусник, и медведь-плясун, и обезьяна—все называются обыкновенно—«Мишка».

Это—своеобразный «Петрушка», остаток старины.

Собравши вокруг себя небольшую толпу, китайцы фокусники, с шутками и прибаутками, проделывают различные фокусы: ударяют божка деревянной палочкой и подносят его к уху, чтобы бог подсказал; проделывают фокусы с шариками, которые то исчезают из-под чашек, перевернутых вверх дном, то снова появляются; заставляют проделывать фокусы мышей и свинок; заставляют плясать обезьяну или медведя; перевертываются через голову на обеих руках, встают на колени, перегибают голову назад и, положив на нос чашечку, медленно опускают голову к пяткам так, чтобы не слетета чашка; берут скамейку, вышиной в $^1/_2$ метра и, не вставая со скамейки, нагибаются назад через спину так, чтобы достать зубами брошенную кем-либо на землю монету; поют песни, в роде—«Ехара ярмарака ухала купеза», (№ 3), «Соныцэ юла и миюла» (№ 4), и др.; собирают брошенные в шапку или на землю пятаки и копейки, как плату за тяжелый труд.

*) См. „Тихоокеанская Звезда“, № 632 от 8 июля 1927 г., статья Мих. Сувинского—„Три легенды“.

**) Один случай представления описан нами в 3-м вып. «Русские говоры Приморья», стр. 68.

Нужно заметить, что эти фокусники-китайцы пользуются в Приморье значительной популярностью, и эта профессия сосредоточена преимущественно в их руках.

Находят отражение в подобных произведениях и некоторые явления промысловой жизни китайского населения. Много китайцев работает на лесных заготовках, при чем для наблюдения за китайцами рабочими из их же среды выделяется старший—«старшинка», который нередко, превратившись в начальника, становится причиной несчастий и затруднений для рабочего. В дальнейшем мы приводим песенку китайца-рабочего, работавшего в Дальлесе, крупнейшей организаци и ДВК, при чем в этой песенке рабочий подчеркивает те неприятности, которые ему приходится испытывать от «старшинки» (№ 5).

Наконец, мы приведем еще песню хунхуза, объясняющую, каким путем иногда трудящиеся китайцы становились на дорогу разбоя (№ 6).

Основные особенности русско-китайского диалекта разобраны в предшествующем выпуске очерка («Русские говоры Приморья»).

ПРИЛОЖЕНИЕ (№ 1—6).

№ 1. Китайская легенда о «пан-цуй» (жень-шень).

Человек не знал раньше, что пан-цуй—источник силы и добра. Однажды, великий китайский пророк Ляо-цзы открыл его чудодейственную силу и сообщим людям его приметы. Пан-цуй бежал к северу, в гористые страны. Другой китайский ученый Ляю-хан-ван опять открыл, при помощи чудесных трав, его местонахождение. После этого пан-цуй убежал еще дальше и скрылся в Уссурийском крае.

Долго люди не могли напасть на следы чудесного корня, пока, наконец, три брата (имена их приводятся по разному), пришедшие к берегам Тихого океана, не нашли его. Но они были грешные люди, поэтому заблудились и погибли, а души их бродят в тайге, перекликаются между собой, являясь человеку в виде тигра или змеи. Найти пан-цуй может только тот, кто вел и ведет чистую, нравственную жизнь, т. к. в этом случае ему помогают хуà (боги).

№ 2. Гиляцкая легенда о русских.

Гиляки—очень старый народ. Гиляки пришли издалека, с земли Камчатки. Гиляки ловили там нерпу и кита. Кит—большая рыба, как гора. Слышали гиляки, что где-то далеко есть река Мангу (Амур). Слух разъедал душу, как дым глаза. Шел слух, что в Мангу много рыбы, вокруг Мангу много зверя. Поехали гиляки. На Камчатке гиляки жили плохо. Соли не было. Но вода в море соленая, и гиляки кипятили в ней рыбу. Приехали. Встретили много зверя, а в воде много рыбы. В старину равнины были красивее, леса дремучей, а в воде было больше рыбы. Но зато на свете было слишком много чертей. Над душой каждого стоял чорт. От них не было прохода. Вечером, когда

народ жег костры, черти появлялись близко, плясали и кричали. Были они и в лесу, мешая дровосеку, были в воде, запутывая сеть и отгоняя рыбу. Бог и чорт всегда боролись за гиляка. Бог тащил его себе, чорт—себе. И когда чертей скоплялось много, бог находился вблизи, чтобы помешать чорту овладеть гиляком. Гиляцкий бог хитер, как лиса, и ум его длинен, как лисий хвост. Долго добрый бог боролся с чертями, но борьба была безуспешной. Чертей много, а бог один и ктому же старый. Бессильны были и шаманы. Тогда пришли русские и помогли богу. Русские были совсем другие люди. Похоже, что лица их были сделаны из теста и, наверно, белой рыбы ели больше, чем гиляки. Черти тоже впервые увидели таких людей и испугались. А когда русских пришло много больше, чем десять, и больше, чем сто, черти испугались их так же, как молодой гиляк боится грома. Черти стали уходить, и их становилось меньше. Вместе с чертями уходили и шаманы. Что им оставалось делать? Как и бог, они остались без работы: ведь, защищать гиляков от чертей уже не нужно было. Но старейшины, думая, что они прогнали чертей, прониклись самомнением и гордостью, как самый лучший патрон порохом с пулей. Но они, и др. гиляки, как и сам бог, ошиблись. Каждый год, когда тает снег, лес начинает цвести и благоухать, а трава, умытая весенними водами, покрывать землю, черти появляются среди гиляков. Только они стали осторожнее, как рыба, понявшая, наконец, человека. Черти начали жестоко мстить. И каждый год горят леса; зверь уходит вглубь, не вынося огня. Ничего не осталось, кроме травы. Плохо стало жить, потому что черти угнали народ и его стало меньше, сожгли дома и в цветущие места послали ветер пустыни. Бог же помогает плохо. Он рассердился и ушел. Теперь и рыбы стало меньше. Она уходит, как жизнь.

№ 3. «Ехара ярымарыка».

(Китайск. песня—переделка русской: «Ехал на ярмарку»).

Ехара ярымарыка ухала купеза,
Ухала купеза, шипака марадеза...
Приехара диреня, кони искупай,
Кони искупай, сама напивай...

Кыласына лубашика, синя шытанай,
Вышара урица, сипака гуряй,
Сипака гуряй, сама выпивай,
Сама выпивай, дылугой ни давай.

Запис. в г. Владивостоке.

№ 4. «Соныца юла и ми-юла»

(«Солнце всходит и заходит»).

Соныца юла и ми-юла
Чега фанза пушанго,

Калаура юла юла,
Мию фанугули вакыно.

№ 5. Китайская песня о Дальлесе.

У Дальлеса злой плут сталшыныка,
Мая матри: тун-тун машыныка,
Мая коныходи мынога соныца.

Нету чена и челывоныца,
Нету фанызы, либы, лису,
Ула, лоба и чумизы.

Зап. от китайца на лесных заготовках в Приморской тайге.

№ 6. Песня хунхуза.

Лани*и*ши м*и*не купеза быра,
Дзеняга м*и*не мы*н*ога б*ы*ра.
Моя ба во*и*на хадира,
Тят*и*ка, мам*ы*ка пурпадила.

Дьесят с*ы*тука мун*и*ка быра,
Тят*и*ка, мам*ы*ка този быра.
Мун*и*ка този ни нас*и*ра, (не нашла)
Сама хун*ы*хуза пас*ы*ра (пошла).

Запис. в с. Черниговке, Черниг. р., Владив. окр.

VIII. Выводы.

Задача настоящего выпуска заключалась в том, чтобы установить основные виды русского, украинского и частично нерусского фольклора Приморья.

Разрешение поставленной задачи—таково. В пределах Приморья бытуют разнообразные виды фольклора, входящие в состав основных разделов устного творчества, а именно: обрядовая поэзия, внеобрядовая лирика, историческая поэзия, сказочно-легендарный эпос и частушки.

Если в очерке представлены виды устного эпоса и лирики, то до сих пор, к сожалению, не удалось обнаружить каких - либо цельных произведений драматического жанра.

Дальнейшая задача—углубление и уточнение предварительных выводов, но в настоящем очерке она не поставлена, и ее разрешение представляется очередным, но специальным вопросом изучения фольклора Приморья.

Государств. публичная историческая библиотека

Редактор: проф. **А. П. Георгиевский.**

Ученый секретарь: доц. **З. Н. Матвеев.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение . . . . . I—II
I. Основные положения вопроса . . . . . 1—14

II. Обрядовая поэзия.

§ 1. Общие положения и деление . . . . . 14—15
§ 2. Заговоры и заклинания . . . . . 15—16
Приложение (№№ 1—50) . . . . . 17—26
§ 3. Праздничные обряды и песни . . . . . 26—28
Прпложение (№ 1—11) . . . . . 28—36
§ 4. Свадебные обряды и песни . . . . . 36—37
Приложение (№ 1—9) . . . . . 38—46
§ 5. Похоронные обряды и причитания 46
Приложение (№ 1—3) . . . . . 46—47
§ 6. Другие обряды, обычаи и песни 47
Приложение (№ 1—2) . . . . . 47—48

III. Внеобрядовая лирика.

§ 7. Общие положения и деление . . . . . 49—51
§ 8. Бытовые песни . . . . . 51—52
Приложение (№ 1—65) . . . . . 53—69
§ 9. Промысловые песни . . . . . 69—70
Приложение . . . . . 70—71
§ 10. Воинские песни . . . . . 71—73
Приложение (№ 1—21) . . . . . 73—79
§ 11. Песни тюремные и беспризорников . . . . . 79—81
Приложение (№ 1—8) . . . . . 81—83

IV. Историческая поэзия.

§ 12. Общие положения 84
§ 13. Казацкие песни . . . . . 84—85
Приложение (№ 1—3) . . . . . 86—87
§ 14. Партизанские песни . . . . . 87—89
Приложение (№ 1—10) . . . . . 89—94

V. Сказочный эпос.

§ 15. Сказки, легенды и анекдоты . . . . . 95—96
Приложение (№ 1—9) . . . . . 97—101

VI. Частушки.

§ 16. Характеристика частушки . . . . . 102—104
Приложение . . . . . 105—109

VII. Русский фольклор и туземные народы ДВК.

§ 17. Характеристика вопроса и примеры . . . . . 110—112
Приложение (№ 1—6) . . . . . 112—114

VIII. Выводы. . . . . . 114—

СПИСОК

«Трудов Дальневосточного Государственного Университета».

Серия 3.

Вып. 1. Гомоюнов, К. А. Гидрологический очерк Амурского залива и р. Суйфуна. Владивосток, 1926 г., 43 стр. Цена 50 к.

» 2. Матвеев, З. Н. Состояние библиографической литературы Дальневосточного Края. Владивосток, 1926 г., 13 стр. Цена 20 к.

» 3. Георгиевский, А. П. Русские на Дальнем Востоке. Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество. Вып. I. Заселение русскими Дальнего Востока и современное их распределение (в связи с говорами). Владивосток, 1926 г., 72 стр. Цена 1 руб.

» 4. Огородников, В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927 г., 91 стр. + 1 карта. Цена 1 р. 50 к.

» 5. Грачев, В. А. Обзор источников по истории Приамурья и Охотско-Камчатского края. Вып. I. С древнейших времен до половины XIX века. Владивосток, 1927 г., 48 стр. Цена 1 р.

» 6. Георгиевский, А. П. Русские на Дальнем Востоке. Выпуск 2-й. Вопрос о русских говорах побережья залива Петра Великого. Владивосток, 1927 г., 20 стр. Цена 25 коп.

» 7. Георгиевский, А. П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 3. Русские говоры Приморья. С приложением диалектологической программы для Дальне-Восточного Края. Владивосток, 1928 г., 95 стр. Цена 2 руб. 50 к.

» 8. Иольсон, Л., инж. Приморский шелк. Владивосток, 1928 г., 24 стр. Цена 60 к

В ближайшее время из печати выходят следующие Труды ДВГУ:

1. Мацокин, Н. П.—К морфологии настоящего времени японского глагола.
2. Георгиевский, А. П.—Русские на Д. Востоке. Вып. IV. Русский фольклор Приморья.
3. Инж. Иольсон, Л.—Об определении жира в соевых бобах.
4. Проф. А. А. Строгий и студ. П. Н. Вашкулат.—Лесоочистные работы в условиях Южно-Уссурийского края.
5. Проф. К. А. Умов—По вопросам теории и практики известкования почвы.

Труды Дальневосточного Государственного Университета издаются в следующих 15 сериях:

I. Общий отдел; II Общественно-экономические науки; III. Краеведение; IV. Лесные науки; V. Сельское хозяйство; VI. Востоковедение; VII. Физика и химия; VIII. Биология; IX. География; X. Педагогика; XI. Геология; XII. Горное дело; XIII. Техника; XIV. Лингвистика и литература; XV. Математика.

Труды Университета редактируются коллегией в составе: проф. **А. П. Георгиевского**, доц. **З. Н. Матвеева**, проф. **В. Ф. Овсянникова**, проф. **Б. П. Пентегова** и доц. **В. Л. Погодина**.

Publications de l'Université d'Etat de l'Extrême-Orient paraissent dans 15 séries suivantes:

I. Partie générale; II. Sciences sociales et économiques; III. Etudes locales; IV. Sciences forestières; V. Agronomie; VI. Sciences Orientales; VII. Chémie et physique; VIII. Biologie; IX. Géographie; X. Pédagogie; XI. Géologie; XII. Science des mines; XIII. Technique; XIV. Linguistique et literature; XV. Mathématiques.

Магазин 43
5 р.

Научные издания г. Владивостока.

1. Труды Д.В. краевого Научно-Исследовательского Института.
2. Научные новости Дальнего Востока.
3. Записки Владивостокского отдела Государственного Географического общества.
4. Известия Тихоокеанской Научно-Промысловой станции.
5. Известия общества врачей Южно-Уссурийского края.
6. Бюллетени общества Востоковедения при ДВГУ.
7. Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока.
8. Бюллетень погоды Дальне-Восточного края.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Бюро Научно-Методических Съездов Далькрайоно объявляет прием подписки на

ТРУДЫ I-X КРАЕВЫХ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ШКОЛ ПОВЫШЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДВ КРАЯ.

Труды съездов издаются в 5 выпусках (до 30 печ. листов).

Содержание I вып.: Вводные статьи и материалы пленарных заседаний съездов.
II » Материалы съезда преподавателей обществоведения.
III » Материалы съезда преподавателей русского языка и литературы.
IV » Материалы съезда преподавателей физики и математики.
V » Материалы съезда преподавателей естествознания и географии.

Подписная цена на все пять выпусков—5 рублей.

Отдельно на I выпуск 75 коп., II—75 к., III—1 руб. 25 к., IV—1 руб. 25 к., V—1 руб.

Полный комплект **ТРУДОВ** (I—V вып.) может быть—по желанию подписчика—сброшюрован и переплетен в одну книгу.

ТРУДЫ могут высылаться при получении заявления о подписке наложенным платежом.

Заявления о подписке и подписную плату направлять по адресу: **Владивосток ДВ Государственный Университет, Бюро Н. М. Съездов.**

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ УРАЛА, СИБИРИ и ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

Вышли из печати: 1) **„От Урала до Великого океана“** Путеводитель по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку сост. *П. Д. Бурский* и *С. М. Розенберг*. 312 стр. убористого текста с 20 фотогр. и 3 схематич. картами. Цена в коленкоровом переплете 2 руб. 75 коп.
» без переплета . . . 2 » 30 »

2) **„По южному Алтаю“** (Записки туристов) *И. Д. Бобынина, С. В. Буревич* и *А. Д. Гагарин* стр. 56, с 10 фотографиями и 2 картами. Цена 60 коп.

Заказы направлять: Обществу Изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, Москва, 19, п. о. Волхонка, д. 8.

При получении полностью стоимости выписанных изданий, книги высылаются за счет о-ва.

Пересылка наложенного платежа за счет заказчика.

Цена 2 р. 50 к.

Адрес: Дальневосточный Государственный Университет, Владивосток, Ключевая д. № 1.

S'adresser: Vladivostok (U. d. R.S.S., Sibérie), Université d'Etat de l'Extrême-Orient.

Окрлит 731. Тип. Д.Г.Университета 4469. Тираж 500.

Заседание от 1

Эн.: Желательно слово об экспедиции.

Во-первых Нужно учитывать, что это край суровый. Тепло одеться, но своей инициативы держать.

Во-вторых, т.к. едут след-ли [illegible] записывать наблюдения самостоятельно.

Затем нужно вести аккуратно, вести записи, которые были бы достаточны, чтобы не было разрыва информации.

Должны вести отчёт на месте и вести сразу для Ученого совета и для нашего журнала.

Нужно, как-то отмечать консервы, шкуры.

склад Салтанова
(наименование учреждения)

ТРЕБОВАНИЕ НА ОТПУСК МАТЕРИАЛОВ №

отдел литературоведения и фольклористики Ягодину И.Г. для
(кому и на кокую цель)
экспедиции (в составе 6 чел.) Выдать

№№ пп	Наименование, размер, сорт материала	Един. изм.	Количество требуется	Количество отпущено	Цена	Сумма
1.	Дневники (полевые)	6 шт.	6			
2.	Тетради	шт.	90			
3.	Бумага	кг.	10			
4.	Копирка	л.	100			
5.	Магнитофонная лента	м.	1000 м.			
6.	Фотопленка	шт.	10 шт.			
7.	Кассета (магнитофонная)	шт.	10 шт.			

Бухгалтер:

П